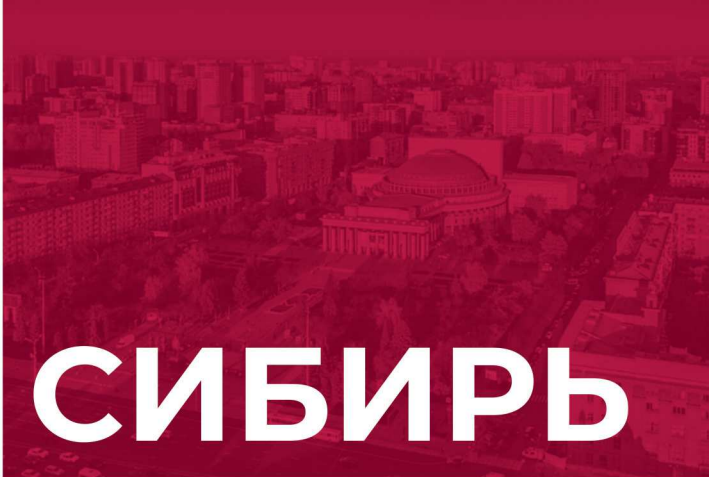

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС НОВОСИБИРСК

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2024 №2 (6)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2024

№ 2 (6)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of philological sciences, professor, Republic of Turkey, Istanbul
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *N.A. Zolotenina*, *N.A. Vnukova*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *ИИ № ФС77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 26.06.2024. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 10,5. Publisher's signature 11,21. Edition of 500 copies. Order 14.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2024

№ 2 (6)

Основен
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Турецкая Республика, Стамбул
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина*, *Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.nanepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 26.06.2024. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 500 экз. Заказ 14.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES	9
Ilarionova T.S. The Institute of Registration in the USSR: Its Predecessors and Successors	9
Sigarev A.V. The activities of local governments of urban districts on the formation of a safe multinational urban environment as a mechanism for the prevention of extremism.....	23
INVESTIGATION OF THE PHENOMENON OF FORCED MIGRATION	36
Markdorf N.M. About the migrations of Bessarabian Germans in the 1940s	36
Mevius V.V. Migration of Volga Germans to South America	48
Lyubchenko A.M. Transatlantic migration of Irish Catholics during the Great Famine	53
RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD.....	63
Sorokina M.Yu. Russian scientific Abroad in Croatia in the interwar period of the twentieth century	63
MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA: SOCIAL PERSPECTIVE.....	72
Smirnova T.B. Migration situation and interethnic relations in the regions of the Siberian Federal District in 2020-2023.....	72
Bobrova A.S., Bobrov I.V. Modern migration problems in the Discourse of the Russian Orthodox Church	85
CULTURAL AND EDUCATIONAL ADAPTATION OF MIGRANTS	92
Bryazgina D.E., Sadyrin A.A. Historical memory of educational migrants from Central Asia in Tomsk: socio-political transformations of the Kyrgyz Republic in the XX—XXI centuries by the heads of Kyrgyz youth.....	92
Vojtovich A. Kh. The Azerbaijani Diaspora in Russia: the historiography of the issue.....	108
AUTHOR AFFILIATIONS	113
INFORMATION FOR AUTHORS	114

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	9
Иларионова Т. С. Институт прописки в СССР: его предшественники и преемники.....	9
Сигарев А. В. Деятельность органов местного самоуправления городских округов по формированию безопасной многонациональной городской среды как механизм профилактики экстремизма	23
ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ.....	36
Маркдорф Н. М. О миграциях бессарабских немцев в 1940-е годы	36
Мевнус В. В. Миграция поволжских немцев в Южную Америку	48
Любченко А. М. Трансатлантическая миграция ирландских католиков в период Великого голода.....	53
РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ	63
Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье в Хорватии в межвоенный период XX века.....	63
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС	72
Смирнова Т. Б. Миграционная ситуация и межнациональные отношения в регионах Сибирского федерального округа в 2020—2023 годах	72
Боброва А. С., Бобров И. В. Современные миграционные проблемы в дискурсе Русской Православной Церкви.....	85
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ	92
Брызгина Д. Е., Садырин А. А. Историческая память образовательных мигрантов из Центральной Азии в Томске: социально-политические трансформации Киргизской Республики в XX—XXI вв. глазами киргизской молодежи	92
Войтович А. Х. Азербайджанская диаспора в России: историография вопроса.....	108
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	112
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	114

От редакции

Темой текущего номера журнала стали миграционные явления и процессы в СССР, России и в зарубежных странах. Актуальность проблемы современной миграции обуславливает необходимость разностороннего исследования ее причин, форм, влияния на социальную обстановку, взаимоотношений мигрантов и коренного населения, социальных, экономических и политических последствий перемещения людей и других аспектов этого явления.

На страницах номера авторы поднимают такие проблемы, как правовое регулирование миграционных процессов, культурно-образовательная адаптация мигрантов; исследуют феномен вынужденной миграции; под социальным ракурсом рассматривают миграционные процессы в России. Авторами статей проводится ретроспективный анализ деятельности представителей русского научного зарубежья в Хорватии в межвоенный период XX в., изучение института прописки в СССР как исторического явления. Региональный аспект заданной темы представлен результатами анализа миграционной ситуации и межнациональных отношений в Сибирском федеральном округе. Так, рассматриваются правовая и организационная деятельность органов местного самоуправления городских округов по обеспечению безопасной многонациональной городской среды и профилактике экстремизма. Современные миграционные проблемы нашли свое освещение в дискурсе Русской Православной Церкви.

Следующий номер журнала будет посвящен трагическим событиям XX столетия, глобальным историческим процессам, кардинально изменившим весь мир. 110 лет отделяют нас от событий Первой мировой войны, 85 лет — от начала Второй мировой войны. Тема номера — мировые войны XX столетия и их влияние на политику, экономику, социум, на развитие стран и народов между двумя военными трагедиями.

Мы предлагаем к обсуждению на страницах третьего номера журнала следующих вопросов:

- народы Российской империи и СССР в двух мировых войнах;
- военная и послевоенная экономика, социальное и культурное развитие;
- российское, советское и международное право;
- органы государственной власти и управления Российской империи и СССР в межвоенный и послевоенный периоды;
- влияние Первой и Второй мировых войн на социально-экономическую и внутриполитическую жизнь страны, на российское, советское общество;
- история военного плена;
- проблемы историографии и источниковедения.

Приглашаем к полемике по данной проблематике на страницах нашего журнала.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 09—22.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):09—22.

Правовое регулирование миграционных процессов

Научная статья
УДК 351.755(47+57)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-09-22

Институт прописки в СССР: его предшественники и преемники

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. Институт прописки, существовавший в СССР и отмененный в России в 1993 г., — историческое явление, имевшее в качестве предшественника крепостное право в Российской империи и запрет покидать без уведомления властей свои места жительства для тех народов страны, на которых крепостное право не распространялось. Автор рассматривает этот институт в его связи с другим важным социально-политическим и экономическим явлением — институтом права собственности на жилое помещение. Делается вывод о том, что жесткие предписания жить только там, куда определяло человека государство, могли быть реализованы в условиях государственной собственности на жилье. Прописка (как и ее предшественники) служила универсальным инструментом контроля сбора налогов, использования трудовых ресурсов, регулирования миграции. Ее отмена — завершившийся большой цивилизационный цикл развития, находивший свое отражение в отношениях подданного и государя, гражданина и государства. Изменение методов этого контроля свидетельствовало о трансформации самой природы государства. Ныне на первый план выступают новые социальные, информационные технологии, обеспечивающие действенный контроль власти над гражданином.

Ключевые слова: государственное управление, миграция, местожительство, прописка, регистрация по месту жительства, право собственности на жилое помещение, паспортная система

Для цитирования: Иларионова Т. С. Институт прописки в СССР: его предшественники и преемники // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 09—22. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-09-22.

The Institute of Registration in the USSR: Its Predecessors and Successors

Tatiana S. Ilarionova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The institution of registration, which existed in the USSR and was abolished in Russia in 1993, is a historical phenomenon that had serfdom as a precursor in the Russian Empire and a ban on leaving their places of residence without notifying the authorities for those peoples of the country to whom serfdom did not apply. The author considers this institution in its connection with another important socio-political and economic phenomenon — the institution of ownership of residential premises. It is concluded that strict regulations to live only where the state defined a person could be implemented in conditions of state ownership of housing. Registration (like its predecessors) served as a universal tool for controlling tax collection, the use of labor resources, and migration regulation. Its abolition is the end of a great civilizational cycle of development, which was reflected in the relations of the subject and the sovereign, the citizen and the state. The change in the methods of this control testified to the transformation of the very nature of the state. Nowadays, new social and information technologies are coming to the fore, ensuring effective control of the government over the citizen.

Keywords: public administration, migration, place of residence, registration, registration at the place of residence, ownership of residential premises, passport system

For citation: Ilarionova T.S. The Institute of Registration in the USSR: Its Predecessors and Successors. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):09—22. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-09-22.

Введение

1 октября 1993 г. в нашей стране была отменена прописка¹. Это было сделано на основании Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Окончательно этому институту в его советском виде был вынесен приговор постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации», в развитие которого региональные власти стали принимать собственные акты (например, постановление Правительства Москвы и Правительства Московской области от 26 декабря 1995 г. № 1030-43 «О регистрации и снятии граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в Москве и Московской области»).

Для России отмена прописки была событием эпохальным. Для нашей страны формирование на протяжении веков ограничительных норм и пра-

¹ Термин «прописка» невозможно точно перевести на иностранные языки. В английском варианте наиболее близкое понятие «*registration*», в немецком — «*Anmeldung*», которые не передают сути российского исторического явления.

вил в отношении граждан (подданных), а потом их отмена, не были делом одного дня.

Институт прописки, т. е. полного и жесткого контроля государства за местом жительства, местом пребывания человека, взял свое начало в древности и окончательно сформировался в Средние века, получив последние штрихи в пору абсолютизма. Известно, что уже в библейские времена древние государства желали знать местожительство подданных и с этой целью проводили даже их перепись. Интерес этот обуславливался, в первую очередь, необходимостью пополнения казны, нужно было понимать, какие есть налогоплательщики, где они находятся и чем владеют. Институт прописки сопряжен с институтом собственности. Закрепление человека за местом, где у него есть земля, дом, шло постепенно, и этот процесс был связан со становлением сословий — представители всех классов привязывались к своей недвижимости, и власти благодаря этому знали все и о человеке, и о его владениях, на этом основании могли взимать налоги для государственных нужд.

В середине XVIII в. императрица Австро-Венгрии Мария Терезия, вопреки сопротивлению знати, провела реформу: все дома — и дворцы, и лачуги — по всей стране получили номера, адреса, по которым позже чиновники зафиксировали, кто там живет. Это помогло не только в сборе налогов, но и при формировании армии, проведении политики в отношении национальных меньшинств [1, с. 696—697]. Новая модель стала фактическим разрушителем феодального порядка, когда «вассал моего вассала — не мой вассал». Утвердившееся прямое подчинение подданных не барину, графу, барону, а монарху, с одной стороны, свидетельствовало о его самовласти (самодержавии), с другой — делало сословную иерархию ничтожной, так как все в равной степени теперь подчинялись одному человеку — тому, который стоял во главе государства.

Контроль над населением был нужен государству и с целью поощрения или пресечения миграции. С. Каслс, Х. де Хаас, М. Дж. Миллер критикуют теоретическую миграционную модель «притяжение-отталкивание», полагая, что она не объясняет существа социальных процессов [2, с. 60—61]. Пол Коллиер, напротив, придерживается взгляда, что у социальных систем есть стремление к равновесию, отсюда и обмен населением для достижения оптимума между богатыми и бедными странами [3, с. 60—65]. Большинство исследователей выделяют только наиболее актуальные в тот или иной исторический период виды и формы миграций, не пытаясь определить общие для всех времен и народов тенденции [4].

Попытка представить целостную теорию миграции была сделана автором еще в 1994 г. [5]. Был выдвинут тезис о недобровольности миграций, суть которого — экономический, политический, социальный, сепарационный детерминизм людских перемещений; предложены классификации сформировавшихся на основе видов миграции общностей (диаспор) в зависимости от правового статуса мигрантов (приглашенные на жительство специалисты, трудовые мигранты, экономические беженцы; политические искатели убежища, религиозные диссиденты и т. д.). Правовой же статус, как и в настоящее время, теснейшим и амбивалентным образом был связан с поселенческими возможностями человека, которые ему предоставляет принимающее государство (имеет ли мигрант право на постоянное проживание в той или иной местности или вынужден всякий раз на определенный срок испрашивать разрешение у властей). В этой парадигме институт прописки выглядит именно как испрошенное у государства позволение, а не как имманентное право человека распоряжаться собой и самостоятельно, свободно определять собственное местожительство. И пусть прописка декларировалась как постоянная (постоянная прописка — важная категория в учете населения

советского времени), зависимость от решения и разрешения властей было тотальной. Это решение (разрешение) полностью обуславливалось еще и государственной собственностью на жилье и землю, что делало и мигранта, и того, кто тут родился, временным поселенцем, гостем государства.

Показательно, что ни в советское время, ни сегодня практически не было исследований о влиянии института прописки на социальные отношения, на связи гражданина с государством: на формирование взаимного доверия, воспитание самосознания, рост самоорганизации, укрепление общественной солидарности и ответственности граждан и т. д. Основные труды по проблемам прописки — это, как правило, правовые разъяснения установленных предписаний, инструкции органам управления по осуществлению на деле этих предписаний [6 ; 7]. Как убеждает включенное наблюдение, именно длительное пребывание в подчиненном положении при принятии решений о миграции и выборе места жительства в значительной мере привело к тому, что и сегодня граждане не могут найти эффективных, неконфликтных форм участия в организации жизни многоквартирных домов, садоводческих товариществ, для формирования ответственного отношения к жилью и земле, а также контроля над управляющими компаниями, многие из которых, как показывает судебная практика, злоупотребляют своими полномочиями и наносят ущерб материальным интересам жителей.

Институт прописки был историческим этапом установления отношений человека с социальным окружением, обществом и государством и наложил свой отпечаток на поведение людей, образ мысли и действия власти. Несмотря на то, что этого института более трех десятков лет уже не существует, его травматическое влияние ощущается в самых разных обстоятельствах и условиях.

К истории прописки в России

В своей книге об опричнине Р. Скрынников показал, как постепенно шло закабаление крестьян, как люди, потерявшие собственность, были «приписаны» к барскому хозяйству. Этому способствовало принятие в 1551 г. Земельного уложения [8, с. 67—68].

К. Ю. Ерусалимский отмечает, что возникновение крепостной зависимости — феномен и в более ранний период не было никаких предпосылок для того, чтобы «феодалная эксплуатация настолько решительно поменяла свои формы» и возникло крепостное право [9, с. 4]. Он справедливо отмечает, что закрепление крестьян было мерой против их миграции, бегства за границу, к другому боярину, в пустующие земли [9, с. 7—10]. Эту же мысль в своем исследовании проводит и В. А. Аракчеев [10, с. 27]. Он связывает возникновение крепостного права также с необходимостью увеличения собираемости налогов, воспроизводства населения городов и поселков. Анализируя Соборное уложение 1649 г., он пишет: «...в качестве выборно-приказной власти губные старосты ведали также сыском беглых, сбором податей, межеванием земель, оформлением кабал и кабальных книг» [10, с. 28]. То есть с самого начала привязка человека к определенному месту жительства (крепостное право) преследовала ряд взаимосвязанных целей: положить конец миграции, включить людей в сельскую экономику, собирать подати, установить социальный статус человека как закабаленного, принадлежащего определенной местности, знати, как несущему повинности. Соборное уложение 1649 г. поставило окончательную точку в закабалении крестьян, когда переход крестьянина от помещика к помещику в Юрьев день был отменен [11]. Приписка к месту жительства стала предшественницей института прописки.

Век от Земельного до Соборного уложения стал поворотным для России: освобождение от ордынской зависимости не вылилось в облегчение жизни подданных царя, укрепление единого государства сопровождалось тоталь-

ным контролем над населением. Более того, тот, кто в результате развития новых экономических отношений терял собственность, терял и право на свободу перемещения, на свободу вообще. Только собственность (дарованная, узаконенная царем) предоставляла определенный свод прав и обязанностей подданному — боярину или дворянину, для человека же без собственности оставалось только нести повинности, быть там, куда определила его судьба. И все последующие реформы, проводившиеся просвещенными государями, ничего не могли противопоставить тогдашнему необъяснимому, по мнению К. Ю. Ерусалимского, повороту истории: вплоть до 1917 г. институт крепостного права и его рудименты после реформы 1861 г. сохранялись. А после Октябрьской революции он обрел вид прописки.

Инструменты контроля над населением

С петровских времен формируются институты надзора за населением. Это делается с помощью ревизских сказок (перепись населения по сословиям) и общинного контроля. Как часто бывало в истории России, именно мигранты становились «операционным полем», на котором отрабатывались новые управленческие технологии. Особый контроль устанавливался над иностранцами. В Москве они обязаны были жить в Немецкой слободе — так легче было следить за их жизнью, ремеслами, образом мысли.

Параллельно укреплялась сельская община, на нее возлагались многие обязанности по контролю за деревенскими жителями, а иностранцы и, пользуясь термином XVIII в., инородцы, т. е. представители разных российских народов, обязаны были жить в местах своего рождения или там, куда направляли их для жительства власти. Манифестами «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу» (1762) и «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (1763) Екатерина II пригласила в Россию тысячи европейцев, по преимуществу немцев. Их расселяли компактно в Поволжье и на Урале, за ними зорко наблюдала так называемая Контора опекунов иностранных; колонии можно было покидать только получив разрешение этой конторы. Кроме того, в результате раздела Речи Посполитой, в которой Российская империя приняла участие вместе с Пруссией и Австро-Венгрией, в стране оказались новые подданные — евреи. Для них была установлена так называемая черта оседлости. Ее также строгойше запрещалось покидать [12, с. 192—197]. Подобные правила действовали и для представителей народов Кавказа, Поволжья, Сибири. В те времена свобода передвижения ограничивалась еще и неразвитостью транспортных путей и средств. Однако в воспрепятствовании мобильности населения главной была идея контроля над ним.

Обстановка стала меняться в начале XIX в., и власти поспешили в правовом отношении ответить на вызов. Александр I в 1802 г. по европейскому образцу и в рамках своей административной реформы усовершенствовал систему паспортов, введенную ранее для путешественников. Император своим указом «О метрических книгах, какие полиции иметь должны» утверждает печатные паспорта для купцов, мещан и крестьян, для дворян удостоверением личности оставалась грамота на дворянское достоинство [13, с. 12]. Паспорт фиксировал не только личные данные человека, но и место его жительства. За пребыванием человека по месту жительства обязаны были следить полиция и ее многочисленные соглядатаи в лице дворников в городах и сельских старост в деревнях. Всякий человек, приехавший в город из села или другого города, обязан был регистрироваться по новому адресу.

Как справедливо указывал А. Ю. Тарасов, «паспортная система дореволюционной России строилась на принципах классовости и сословности.

Существенным ограничениям подвергались представители трудящихся слоев населения. Ограничения в получении паспортов (а следовательно, в свободе передвижения) устанавливались по национальному, вероисповедному, половому признакам» [13, с. 8].

Систему ужесточил Николай I, повелением которого в 1832 г. был принят Устав о паспортах и беглых. Документ начинается с положения: «Никто не может отлучаться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида, или паспорта» [14, с. 4]. Это положение восходит еще к петровским временам (1719 г.).

В 1903 г., в период правления Николая II, издан новый документ — Устав о паспортах. Этот акт выделил две правовые категории лиц в империи: те, кто имел вид на жительство, и те, кто пребывал в месте постоянного жительства (раздел 1, гл. 1, п. 1). Постоянное место жительства определялось для дворян, чиновников, почетных граждан, купцов и разночинцев «место, где кто по службе или занятиям, или промыслом, или недвижимому имуществу имеет оседлость, либо домашнее обзаведение»; для мещан и ремесленников — «город, посад или местечко, к мещанскому или ремесленному обществу они причислены»; для сельских обывателей — «сельское общество или волость, к коим они приписаны» [14, с. 1]. Обладавшие постоянным местом жительства и пребывающие там не должны были иметь вида на жительство — этот документ давался для перемещений и временного нахождения человека в другой местности.

В целом паспортная система отражала реальное развитие общества и была подобна той, что существовала в тот момент за рубежом: мобильность населения росла, но стремление властей сохранять привязку человека к определенному месту жительства оставалось. Показательно, что Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., впервые даровавший россиянам гражданские свободы (неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов) и ставший основой для формирования избирательной системы, не отменил правового неравенства, в том числе и на основе имущественного положения, что было закреплено в Высочайше утвержденном положении о выборах в Государственную думу [16].

Послабления были сделаны в 1906 г., когда «сельские обыватели и лица других бывших податных состояний» получили бессрочный паспорт, который стал «выполнять функцию документа, удостоверяющего личность, и давал полную свободу передвижения и выбора места жительства» [17]. С этим Россия вошла в эпоху войн и революций начала XX в. С установлением советской власти многие устаревшие нормы и правила были отменены. Например, в нашей стране избирательное право женщинам было дано гораздо раньше, чем это случилось во многих европейских странах (в Германии, например, только после Второй мировой войны это право было окончательно и полностью закреплено). Но вот прописка оказалась крайне нужным инструментом контроля над населением, тем более что городские дома были объявлены государственной собственностью, а все их жильцы — квартиросъемщиками (как и земля в сельской местности, на которой стояли частные дома). Были введены домовые книги, в которых фиксировались лица, прописанные в доме. Домовые книги были отменены только в 2018 г. (через четверть века после упразднения института прописки!) на основании приказа МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации».

Прописка в СССР стала неотъемлемым элементом построения системы управления нового типа — унитарной, жестко иерархичной, в которой не только четко определены функции и полномочия органов власти, но и место человека. Прописка воспроизводила политические структуры дореволюционного прошлого и в 1920—1940-х гг. мало чем отличалась от того, что существовало в крупных европейских странах. Это была тоталитарная практика. Ю. Фельштинский на материалах нормативных правовых актов проанализировал сущность этой системы [18].

Усугублялось все представлениями советских вождей о новом быте советских людей — коллективном быте, активном, агрессивном внедрении в жизнь общества таких социальных форм, как коммунальные квартиры, общежития, дома барачного типа, профилактории и санатории, пионерские лагеря, лагеря для осужденных и репрессированных, садоводческие товарищества, наконец, дом правительства («Дом на набережной») как форма коммунального существования элиты. В определенной мере представления о коллективном быте немного изменилось во время Великой Отечественной войны, когда символом сопротивления фашистам в советской пропаганде стал родной дом — тот дом, в котором именно семья, отдельный человек видит свою малую родину, свое вожаемое пристанище и за который готов умереть в борьбе с врагом [19, с. 314—325]. Поэтому частью процесса, ставшего следствием разоблачения культа личности Сталина на XX съезде партии, явилось массовое строительство жилья в 1950-е и последующие годы.

Свобода передвижения и прописка

Итак, прописка — результат переплетения самых разных интересов человека и государства — связана с институтом собственности, явлением миграции, с формированием комплекса гражданских прав и свобод, с необходимостью контроля над населением. Причем верх в этой игре интересов брал государственный интерес. Государство в СССР в условиях обобществленной собственности и подавленных ради контроля над людьми гражданских свобод установило правила существования, которые были чуть ли не пожизненным приговором для миллионов — проживать там, где родился, или там, куда тебя отправило жить государство.

Прописка в советское время — это не просто информирование государства о месте жительства: помимо того, кто где живет, учитывалось еще и что это за человек — его происхождение, пол, возраст, национальность, образование, занятость и т. д. Институт прописки позволял человеку трудиться или ограничивал его в этом праве: невозможно было устроиться на работу в Москве, имея прописку, к примеру, в Красноярске.

У советского гражданина оставалось совсем немного возможностей для перемены своей судьбы: служба в армии, комсомольская путевка на крупные стройки, вербовка по лимиту на непрестижную работу (например, заводы или предприятия коммунального хозяйства крупных городов), поступление на учебу в вуз или техникум. Фактически сложилась система жестко регулируемой миграции.

В 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, положения которой стали полным отрицанием норм тоталитарных государств. Среди важнейших были провозглашены неприкосновенность жилища и свобода передвижения. Статья 12 гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

В статье 13 закреплено: «1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну».

Как известно, СССР не подписал этот документ и прописка просуществовала у нас до 1993 г. Ее отмена явилась составной и необходимой частью процесса демократизации общества — пролога принятия Конституции России.

Суррогаты прописки

Однако отмена принудительной и обязательной прописки не оставила государство без возможности контролировать, где и как живет человек. Был принят Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», который установил обязанность граждан регистрироваться по месту своего жительства или пребывания. Теперь эта процедура стала заявительной, т. е. гражданин, а не государство, стал субъектом права. На нашем веку был завершен исторический цикл от порабощения человека до его освобождения. Изменились отношения гражданина и государства, и теперь именно гражданин определял свою судьбу, а государство было призвано лишь контролировать, как исполняется закон, и обеспечивать своему гражданину условия для его свободной и достойной жизни.

Такой же эпохальной новацией для страны, как отмена прописки, стала и отмена указания в паспорте гражданина Российской Федерации его национальности. Обязанность указывать свою национальность существовала в СССР и в России до 1997 г., пока не были приняты постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» и Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Обязанность указывать свою национальность трансформировалась в право указывать свою национальность — это оговорено в ст. 26 Конституции Российской Федерации. В МВД России следующим образом трактуют это положение: «Конституция Российской Федерации закрепляет принцип национальной самоидентификации — определение национальной принадлежности связывается не столько с национальностью родителей, сколько с осознанием лицом своей принадлежности к определенной этнической общности, к людям духовно связанным общим языком и культурой» [20]. С 1 октября 1997 г. национальность владельца паспорта в российском внутригражданском паспорте не указывается. На основании постановления Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 (ред. от 15 июля 2021 г.) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2022 г.) в паспорте гражданина Российской Федерации отсутствует графа «Национальность». Только в Татарстане жителям республики оформляется вкладыш в паспорт, в котором может быть указана национальность его владельца [20].

И что же, государство не располагает правовыми средствами устанавливать национальность гражданина? Нет, имеет! Графа «Национальность» сохранилась в других документах, в частности в свидетельстве о браке, свидетельстве о рождении. В постановлении Правительства Российской Федерации от 17 апреля 1999 г. № 432 «Об утверждении Правил заполнения бланков записей актов гражданского состояния и бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния» говорится, что сведения о национальности вносятся по желанию заявителя. На практике это означает, что сведения о национальности родителей вносятся

в свидетельство о рождении ребенка. Причем это делается органами ЗАГС иногда просто автоматически на основании свидетельства о браке родителей. Показательно, что гражданин не может по своему желанию исправить запись о национальности своих родителей (а, следовательно, и своей). Можно сменить фамилию или имя, но национальность, им однажды указанная, останется зафиксированной в документах. Вот разъяснение отечественных юристов: «В случае, если при государственной регистрации актов гражданского состояния гражданин реализовал свое право на определение и указание своей национальной принадлежности в записи акта гражданского состояния, оснований для внесения изменений в данную запись акта в части национальности в административном порядке (в органе ЗАГС) не имеется» [21]. То есть у отмены в паспорте записи о национальности все равно остался суррогат в виде записей в других жизненно важных документах — в свидетельстве о рождении, свидетельстве о браке. Вот и с регистрацией по месту жительства история похожая. Если и не вводится обязательная прописка, то ее административные особенности сохраняются и поныне.

Регистрация — процесс не добровольный, а обязательный. Более того, за промедление с регистрацией по месту нового жительства граждане наказываются. Правила регистрации и снятия граждан с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации были утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713. Наказания за нарушение этих правил содержатся в ст. 19.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В 2023 г. депутаты Государственной думы подготовили законопроект, в котором штрафы за несвоевременную регистрацию по месту пребывания или жительства предусматривалось отменить. Правительство дало отрицательный отзыв на этот документ, штрафы по-прежнему в силе. Главная государственная газета страны — «Российская газета» — писала об этом под заголовком «Правительство отказалось убирать из КоАП штрафы за отсутствие прописки» [22], т. е. прописки нет, но она как бы есть...

В последние годы идет серьезное изменение института права собственности на жилье. Новые вопросы перед обществом поставила такая благая мера, как реновация, введенная сначала в Москве, а потом и в некоторых других регионах. Вроде бы человек получает взамен старого жилья новое. Он даже имеет некоторые привилегии — сохраняется прежний район проживания, жилая площадь остается той же, что и раньше. Квартира, полученная по реновации, оформляется в собственность. Однако сам факт того, что государство (пусть и испросив согласие жильцов дома) распоряжается собственностью гражданина (т. е. тем, что государству не принадлежит), уже заставляет видеть в этом начало новых социальных отношений.

Более того, были приняты нормы, в соответствии с которыми государство может для неотложных нужд изымать частную собственность (ст. 56.3 Земельного кодекса Российской Федерации «Условия изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд»). В начале 2000-х гг. был целый ряд громких скандалов и судебных тяжб по поводу выселения людей из домов, расположенных на территории, предназначенной либо под жилую застройку, либо под проведение дорог, либо из-за того, что эти дома были признаны самостроем [23]. Позже многим позволили оформить свои строения в рамках дачной амнистии, однако теперь звучат мнения, что приватизация жилья в начале 1990-х была большой ошибкой государства, люди должны были остаться не с правом собственности, а только с правом аренды на свое жилье. Председатель комитета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по предпринима-

тельству в сфере жилищного и коммунального хозяйства А. Широков считает, что лучше бы оставить людям арендное жилье, поскольку большая часть россиян не в состоянии целиком оплачивать услуги ЖКХ [24]. Смысл этого высказывания очевиден: арендное жилье должно быть, как в советское время, государственным, а казна, как и раньше, должна оплачивать расходы коммунальщиков. Все прекрасно понимают, в конечном счете плательщиками (потому что они налогоплательщики) будут те же самые люди, которым эксперты типа А. Широкова пытаются отказывать в праве собственности на свои квадратные метры. За подобными рассуждениями видно стремление вернуть страну назад, в то время, когда основа основ — собственность на дом, жилье — была в руках государства, когда оно с помощью такого инструмента, как прописка, контролировало население.

В XXI в., благодаря новым технологиям, возникает иной способ контроля. Уже нет необходимости жесткой привязки человека к физическому адресу [25]. На основании Указа Президента Российской Федерации от 18 сентября 2023 г. № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» может формироваться цифровой паспорт — в электронную среду перемещаются все сведения о человеке, и отслеживать его действия будет легко, в том числе с помощью автоматической фиксации геопозиции. Сегодня нашими «адресами» становятся мобильный телефон и электронная почта: номер мобильного телефона стал ключом и к банковскому счету, и к данным на «Госуслугах», электронная почта — для медицинской карты или оплаты услуг ЖКХ. Государство пытается в качестве универсального кода доступа продвигать номер пенсионного свидетельства — СНИЛС, но по-прежнему больше распространены простые для запоминания пароли: номер телефона и адрес электронной почты.

Плюсы и минусы отказа от прописки

После отмены прописки стали наблюдаться разнонаправленные социальные процессы. Один из них — массовый приток сельских жителей и жителей малых городов в мегаполисы, резко увеличилась численность жителей Москвы, Санкт-Петербурга. Другой — встречное движение: как и за рубежом, престижным стало проживание за городом, в собственных домах, на природе. Вокруг больших и средних городов выросли свои «рублевки». Третий заключается в том, что основная часть граждан России, жителей небольших поселков и малых городов, по-прежнему не желают расставаться с местом своего рождения, несмотря на аварийные дома, отсутствие высокооплачиваемой работы и плохую экологию. Перед государственными органами встали трудные задачи по решению многочисленных инфраструктурных и социальных проблем в мегаполисах, развитию дорожного строительства, проведению различных коммуникаций к новым коттеджным поселкам, а также планированию будущего моногородов, в которых закрылись производства. К этому добавились массовые межгосударственные переселения: в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. за рубеж выехали миллионы россиян, в свою очередь в Россию приехали миллионы русскоязычных жителей из стран СНГ, а позже стал набирать силу миграционный поток из Центральной Азии: иностранные работники приезжали надолго, а то и навсегда, оставались в России, получали гражданство. Причем в условиях плохо регулируемых миграций люди стремились селиться вместе, кое-где начали образовываться своего рода национальные анклавы — все это умножало трудности управления.

На сегодня у государства есть многочисленные инструменты регулирования миграций. Как это и было в древности, таким регулятором выступает собственность. Резкий рост доступных предложений на рынке жилья

в Москве и Санкт-Петербурге закономерным образом повлек за собой увеличение численности населения мегаполисов. Однако государство открыло для себя и новые методы администрирования, применяемые в последнее время все более эффективно. В частности, национальный проект «Жилье и городская среда» направлен на то, чтобы сделать привлекательными для жизни малые города и поселения. Ипотека, поддерживаемая государством, дает возможность решать квартирный вопрос как молодым семьям, так и тем, кто едет за заработком в другие города. Федеральный проект «Содействие занятости» концентрируется на создании рабочих мест там, где были в 1990—2000-х гг. закрыты производства. Принято несчетное количество региональных и местных проектов, а также программ поддержки бизнеса, льгот для многодетных семей, инвалидов и социально незащищенных.

Новое благо дала нам, как ни странно, пандемия. Дистанционное образование позволило многим молодым людям остаться на «малой» родине, не уезжать в большие города для получения диплома.

Достаточно ли всего этого? Видимо, нет. В стране сохраняются «медвежьи углы», много аварийного и ветхого жилья, дорожная сеть нуждается в развитии. Если говорить о связи государства с населением, то информационные технологии сделали их более прочными, чем когда-то существовавший институт прописки.

Заключение

Дневнекитайский легист Шан Ян писал: «Если народ обессилен, государство могущественно, когда же народ могуществен, государство бессильно» [26, с. 227]. Он одним из первых задумался над природой и последствиями противостояния человека и государства (народа и правителя — в концепции первых политологов) и пришел к заключению, что состоявшееся, успешное, эффективное, сильное государство — то, в котором власть контролирует, держит в страхе, принуждает к подчинению свое население.

Сегодня эти инвективы странно и в то же время страшно читать, потому что общество не застраховано от исторического реверса. Государство всегда, во все времена стремилось к своему расширению, к тому, чтобы установить контроль над максимально большими социальными пространствами. В древности и Средние века это не удавалось в полной мере сделать из-за неразвитости путей сообщения, примитивности техники и технологий. В эпоху торжества права государство ограничивалось в своих действиях нормами принимаемых законов.

В настоящее время мы наблюдаем очередной вызов. Информационные технологии открывают целый арсенал быстрых и качественных мер контроля государства над человеком: в Китае, на родине легистов, введена балльная система для граждан с учетом активности в Интернете (с 2014 г. в качестве эксперимента, с 2020 — повсеместно) [27]. Как сообщают источники, в России собственная система «социальных рейтингов» работает к 2025 г., она «позволит поощрять благонадежных граждан и ограничивать доступ к благам для тех, кто не оправдал ожидания государства» [28].

Интернет, а не физический адрес с регистрацией или пропиской, становится основным хранилищем сведений о человеке и инструментом государственного контроля над ним. Кажется, что мы стоим на пороге новой эры, когда виртуальное пространство окажется основным «местом жительства» человека, в котором без «регистрации», «прописки» не будет доступа ни к каким сервисам и продуктам. Наблюдая сегодня стремительные социальные трансформации, мы можем надеяться, что сами познаем их результат.

Список источников

1. Stollberg-Rilinger B. Maria Teresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München : Beck, 2019. 1083 s.
2. Каслс С., Хаас Х. де, Миллер М. Дж. Век миграции: международное движение населения в современном мире. М. : Дело, 2022. 512 с.
3. Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М. : Институт Гайдара, 2017. 384 с.
4. Сталкер П. Международная миграция. М. : Книговед, 2015. 192 с.
5. Иларионова Т. С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М. : Нойес Лебен, 1994. 167 с.
6. Нечецкий М. А. Очерки советского жилищного права : учеб. пособие для студентов / Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. Саратов : Коммунист, 1958. 158 с.
7. Инструкция о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых советов депутатов трудящихся. Казань : [б. и.], 1969. 11 с.
8. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. М. : Родина, 2022. 432 с.
9. Ерусалимский К. Ю. Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI — начале XVII вв. // Российская история. 2023. № 1. С. 3—25.
10. Аракчеев В. А. Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 26—46.
11. Костин В. И. Соборное Уложение — памятник крепостного права : учеб. пособие. Н. Новгород : Нижегородская правовая акад. (ин-т), 2007. 83 с.
12. Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи. М. : Мосты культуры : Гешарим, 2014. 798 с.
13. Тарасов А. Ю. Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в. : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 28 с.
14. Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1857. С. 3—222.
15. Устав о паспортах // Собрание законодательства Российской империи. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1903.
16. Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу 1905 года, августа 6 // Конституция РФ : [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/?ysclid=lsenzi9b43470334089> (дата обращения: 08.04.2024).
17. Кружнов Ю. Н., Чернуха В. Г. Паспортная система // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 413—414. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2322901 (дата обращения: 08.04.2024).
18. Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости. М. : Терра — Terra, 1991. 184 с.
19. Иларионова Т. С. «Если дорог тебе твой дом»: образ советского жилища как символ борьбы с фашизмом // Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 28—30 сентября 2020 г.) / отв. ред. С. В. Журавлев ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М. : Ин-т российской истории ; Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 314—325.
20. Право определять и указывать свою национальную принадлежность (ст. 26 Конституции России) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://01.xn--b1aew.xn--p1ai/document/201357> (дата обращения: 08.04.2024).
21. Юридическая социальная сеть : сайт. URL: <https://www.9111.ru/questions/14386606/> (дата обращения: 08.04.2024).
22. Куликов В. Правительство отказалось убирать из КоАП штрафы за отсутствие прописки // Российская газета. 2023. 25 апр. URL: <https://rg.ru/2023/04/25/zhilcov-pripechatali.html> (дата обращения: 08.04.2024).
23. В Подмосковье снесли первый из 128 незаконных частных жилых домов // РБК. 2013. 2 окт. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d26ab9a7947a78ce926cc?from=copy> (дата обращения: 08.04.2024).
24. Эксперт по ЖКХ Широков назвал ошибкой массовую приватизацию жилья в 90-е // Аргументы и факты AIF.RU. 2024. 22 янв. URL: https://aif.ru/society/ekspert_po_zhkh_shirokov_nazval_oshibkoymassovuyu_privatizatsiyuzhilya_v_90-e (дата обращения: 08.04.2024).
25. Иларионова Т. С. Человек и его адрес // Стратегия России. 2010. № 6. С. 71—80.
26. Шан Ян. Книга правителя области Шан. М. : РИПОЛ классик, 2017. 421 с.
27. Сентебова П. Как работает социальный рейтинг в Китае // РБК : сайт. 2023. 5 окт. URL: <https://style.rbc.ru/life/643d3f839a7947afd12e9f35> (дата обращения: 08.04.2024).
28. Гонтермахер Б. Введение системы социальных рейтингов в России запланировали на 2025 год // Панорама. 2019. 5 февр. URL: <https://panorama.pub/12596-sistemy-sotsialnyh-rejtingov> (дата обращения: 08.04.2024).

References

1. Stollberg-Rilinger B. *Maria Teresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie [Maria Teresia. The Empress in her time. A biography]*. München, Beck, 2019, 1083 p.
2. Kasls S., Khaas Kh. de, Miller M. Dzh. *Vek migratsii: mezhdunarodnoe dvizhenie naseleniya v sovremennom mire [The Age of Migration: international population movement in the modern world]*. Moscow, Delo, 2022, 512 p.
3. Kollier P. *Iskhod. Kak migratsiya izmenyaet nash mir [Issue. How migration is changing our world]*. Moscow, Institut Gaydara, 2017, 384 p.
4. Stalker P. *Mezhdunarodnaya migratsiya [International migration]*. Moscow, Knigoved, 2015, 192 p.
5. Ilarionova T.S. *Etnicheskaya grupa: genezis i problemy samoidentifikatsii (teoriya diaspori) [Ethnic group: genesis and problems of self-identification (Diaspora theory)]*. Moscow, Noyes Leben, 1994, 167 p.
6. Nechetskiy M.A. *Ocherki sovetskogo zhilishchnogo prava : ucheb. posobie dlya studentov [Essays on Soviet housing Law : studies. Student handbook]*. Saratov, Kommunist, 1958, 158 p.
7. *Instruktsiya o poryadke propiski i vypiski grazhdan ispolkomami sel'skikh i poselkovykh soveto deputatov trud'yashchikh [Instructions on the procedure for registration and discharge of citizens by executive committees of rural and village councils of workers' deputies]*. Kazan', 1969, 11 p.
8. Skrynnikov R.G. *Nachalo oprichniny [The beginning of the Oprichnina]*. Moscow, Rodina, 2022, 432 p.
9. Erusalimskiy K.Yu. *Krepostnoe pravo i migratsionnaya politika v Rossii v kontse XVI — nachale XVII vv. [Serfdom and migration policy in Russia in the late XVI — early XVII centuries]*, *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 2023, no. 1, pp. 3-25.
10. Arakcheev V.A. *Sobornoe ulozhenie i sotsial'no-politicheskaya evolyutsiya Rossii vo vtoroy polovine XVII v. [The Cathedral Code and the socio-political evolution of Russia in the second half of the XVII century]*, *Rossiyskaya istoriya [Russian History]*, 2023, no. 1, pp. 26-46.
11. Kostin V.I. *Sobornoe Ulozhenie — pamyatnik krepostnogo prava, ucheb. Posobie [The Cathedral Code is a monument to serfdom]*. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskaya pravovaya akad. (in-t), 2007, 83 p.
12. Kandel' F. *Evrei Rossii. Vremena i sobytiya. Istoriya evreev [The Jews of Russia. Times and events. The History of the Jews of the Russian Empire]*. Moscow, Mosty kul'tury, Geshtarim, 2014, 798 p.
13. Tarasov A.Yu. *Pasportnaya sistema i pasportnyy rezhim v sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX v. [The passport system and passport regime in the Soviet state in the 30s of the twentieth century]*. Cand. law. sci. diss. Abstr. Moscow, 2005, 28 p.
14. *Ustav o pasportakh i beglykh [The Charter on passports and fugitives]*, *Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of Laws of the Russian Empire]*, vol. XIV. St. Petersburg, 1857, pp. 3-222.
15. *Ustav o pasportakh [The Charter on passports]*, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii [Collection of legislation of the Russian Empire]*, vol. XIV. St. Petersburg, 1903.
16. *Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennuyu Dumu 1905 goda, avgusta 6 [The most highly approved regulations on the elections to the State Duma of 1905, August 6]*, *Konstitutsiya RF [The Constitution of the Russian Federation]*, [sayt]. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/?ysclid=lsczsi9b43470334089> (accessed: 08.04.2024).
17. Kruzhnov Yu.N., Chernukha V.G. *Pasportnaya sistema [Passport system]*, *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]*, vol. 25. Moscow, 2014, pp. 413-414. Available at: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2322901 (accessed: 08.04.2024).
18. Fel'shtinskiy Yu. *K istorii nashey zakrytosti [To the history of our closeness]*. Moscow, Terra — Terra, 1991, 184 p.
19. Ilarionova T.S. *“Esli dorog tebe tvoy dom”: obraz sovetskogo zhilishcha kak simbol bor'by s fashizmom [“If your home is dear to you”: the image of the Soviet home as a symbol of the struggle against fascism]*, *Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya: k 75-letiyu okonchaniya [World War II and the Great Patriotic War: to the 75th anniversary of the end]*, materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moscow, 28—30 September 2020 g.). Moscow, In-t rossiyskoy istorii, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021, pp. 314-325.
20. *Pravo opredelyat' i ukazyvat' svoyu natsional'nyuyu prinadlezhnost' (st. 26 Konstitutsii Rossii) [The right to determine and indicate one's nationality (Article 26 of the Constitution of Russia)]*, *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*, ofits. sayt. Available at: <https://01.xn--b1aew.xn--p1ai/document/201357> (accessed: 08.04.2024).
21. *Yuridicheskaya sotsial'naya set' [Legal Social Network]*. Available at: <https://www.9111.ru/questions/14386606/> (accessed: 08.04.2024).

22. Kulikov V. Pravitel'stvo otkazalos' ubirat' iz KoAP shtrafy za otsutstvie propiski [The government refused to remove fines for lack of registration from the Administrative Code], *Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]*, 2023, 25 April. Available at: <https://rg.ru/2023/04/25/zhilcov-pripechatali.html> (accessed: 08.04.2024).
23. V Podmoskov'e snesli pervyy iz 128 nezakonnykh chast-nykh zhilykh domov [In the Moscow region, the first of 128 illegal private residential buildings was demolished], *RBK []*, 2013, 2 October. Available at: <https://realty.rbc.ru/news/577d26ab9a7947a78ce926cc?from=copy> (accessed: 08.04.2024).
24. Ekspert po ZhKKh Shirokov nazval oshibkoy massovuyu privatizatsiyu zhil'ya v 90-e [Housing and communal services expert Shirokov called the massive privatization of housing in the 90s a mistake], *Argumenty i fakty AIF.RU [Arguments and facts]*, 2024, 22 January. Available at: https://aif.ru/society/ekspert_po_zhkh_shirokov_nazval_oshibkoy_massovuyu_privatizatsiyu_zhilya_v_90-e (accessed: 08.04.2024).
25. Ilarionova T.S. Chelovek i ego adres [The person and his address], *Strategiya Rossii [Russia's Strategy]*, 2010, no. 6, pp. 71-80.
26. Shan Yan. *Kniga pravatelya oblasti Shan [The book of the ruler of the Shang region]*. Moscow, RIPOL klassik, 2017, 421 p.
27. Sentebova P. Kak rabotaet sotsial'nyy reyting v Kitae [How Social Rating works in China], *RBK [RBC]*, sayt, 2023, 5 October. Available at: <https://style.rbc.ru/life/643d3f839a7947afd12e9f35> (accessed: 08.04.2024).
28. Gontermakher B. Vvedenie sistemy sotsial'nykh reytingov v Rossii zaplanirovali na 2025 god [The introduction of a social rating system in Russia is planned for 2025], *Panorama*, 2019, 5 February. Available at: <https://panorama.pub/12596-sistemy-sotsialnyh-rejtingov> (accessed: 08.04.2024).

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 14.03.2024.

The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 14.03.2024.

Правовое регулирование миграционных процессов

Научная статья
УДК 351.75:352
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-23-35

Деятельность органов местного самоуправления городских округов по формированию безопасной многонациональной городской среды как механизм профилактики экстремизма

Андрей Васильевич Сигарев

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
sigarev-av@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт правовой регламентации и организационного обеспечения, в том числе межнационального и межконфессионального согласия, профилактики экстремизма в крупнейших городах (городских округах) России, проведен анализ муниципальных программ профилактики экстремизма и других муниципальных правовых актов. По итогам исследования сформулированы проблемы в данной сфере и предложения по их решению. Обоснован тезис о необходимости преодоления формального подхода к вопросам профилактики экстремизма в деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, городские округа, профилактика экстремизма, муниципальные программы

Для цитирования: Сигарев А. В. Деятельность органов местного самоуправления городских округов по формированию безопасной многонациональной городской среды как механизм профилактики экстремизма // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 23—35. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-23-35.

Legal regulation of migration processes

Original article

The activities of local governments of urban districts on the formation of a safe multinational urban environment as a mechanism for the prevention of extremism

Andrey V. Sigarev

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation,
sigarev-av@ranepa.ru

Abstract. The article examines the experience of legal regulation and organizational support, including interethnic and interfaith harmony, the profile of extremism in the largest cities (urban districts) In Russia, the analysis of municipal programs for the prevention of extremism and other municipal legal acts was carried out. Based on the results of the study, problems in this area and proposals for their solution are formulated. The thesis on the need to overcome the formal approach to the prevention of extremism in the activities of local governments is substantiated.

Keywords: local government, urban districts, prevention of extremism, municipal programs

For citation: Sigarev A.V. The Activities of Local Governments of Urban Districts on the Formation of a Safe Multinational Urban Environment as a Mechanism for the Prevention of Extremism. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):23—35. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-23-35.

Среда современных крупных городов характеризуется повышенными рисками в силу проживания на территории представителей многих национальностей, религий, культур, что может вызывать напряженные отношения, имеющие негативные последствия, крайней формой которых является экстремизм. Распространение экстремизма в мегаполисах обусловлено такими факторами, как особая интенсивность социальных коммуникаций в городском сообществе, концентрация административных органов и образовательных структур, неоднородность этноконфессионального состава, значительная доля молодежи, наличие всевозможных молодежных субкультур, особый темп городской жизни и связанная с этим повышенная конфликтность социальных взаимодействий, протестная политическая активность и распространение оппозиционных настроений. «В большинстве случаев лицом, совершающим преступления экстремистской направленности, является городской житель», подчеркивает С. В. Смагин в своей работе, посвященной личностному анализу экстремистов [1]. В зависимости от сферы проявлений выделяют этнический, религиозный, политический, спортивный и другие виды экстремизма [2]. Органы местного самоуправления в рамках возложенных на них задач должны быть готовы в методическом, организационном, кадровом, финансовом плане к профилактике любых видов и форм экстремизма [3].

Необходимость включения органов местного самоуправления, в особенности городских округов, в систему противодействия экстремизму не вызывает сомнения в силу специфики, которую отмечают специалисты: «Из всех органов власти федерального и регионального уровня органы местного самоуправления выделяются как наиболее приближенные к повседневным проблемам общества, на постоянной основе контактирующие с широким кругом населения, в том числе и в рамках противодействия экстремизму и терроризму» [4].

В 2006 г. в список вопросов местного значения городского округа (ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») был добавлен новый пункт: «...7.1) участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального, городского округа».

В 2013 г. в списке вопросов местного значения появился еще один пункт, содержательно связанный с предыдущим: «...7.2) разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального, городского округа, реализацию прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов».

В системе органов по противодействию экстремизму ведущую роль играют государственные органы федерального уровня (МВД России, ФСБ России, Минюст России, Роскомнадзор, Росфинмониторинг и др.). Их особенность заключается в возможности использования мер государственно-правового принуждения. У органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления таких полномочий нет, их функ-

ции заключаются в профилактической работе, т. е. в устранении самих причин и условий экстремистской деятельности.

Специфика деятельности власти регионального и муниципального уровней заключается в конкретизации определенных на федеральном уровне базовых положений в области противодействия экстремизму и реализации национальной политики. «Особую актуальность приобретает поиск и выработка адекватных региональным и местным реалиям моделей и механизмов реализации государственной национальной политики. Приоритет решения локальных и региональных проблем должен быть сосредоточен на соответствующих региональных и местных уровнях» [5]. Однако анализ результатов работы органов местного самоуправления по обеспечению этносоциального благополучия и согласия приводит исследователей не к самым оптимистичным выводам [6—8].

Практика функционирования межнациональных, межконфессиональных и иных общественных отношений в крупных городских сообществах ставит перед органами местного самоуправления задачи по профилактике экстремизма, различные по масштабу, содержанию и уровню оперативности. Классифицируя эти задачи, выделим три уровня профилактики экстремизма в муниципальном образовании.

Первый уровень — это проведение плановых воспитательных, культурно-массовых, просветительских мероприятий, рассчитанных на формирование позитивного социально-психологического климата в городе: всевозможных выставок, фестивалей, конкурсов, праздников. Спектр таких мероприятий достаточно широк. Хотя сами по себе они не решают существующих этноконфессиональных проблем, но, безусловно, важны, в особенности для формирования правильных установок у подростков и молодежи.

Второй уровень — работа с проблемными точками, которые есть в любом городе и которые требуют постоянного внимания. Это рынки, места пребывания мигрантов и различных национальных диаспор, иные места, где имеется повышенная вероятность возникновения политического, этнического, религиозного экстремизма. Органы местного самоуправления должны владеть информацией о возможных рисках экстремистских проявлений в таких местах, механизмах развития кризисных явлений и иметь план мероприятий в целях снижения напряженности, если не на данный момент, то хотя бы в среднесрочной перспективе.

Третий уровень — это реагирование на нештатные ситуации. Здесь речь идет о проявлениях спонтанного, ситуационного экстремизма. Эти проявления не всегда могут быть прогнозируемы, порой они возникают даже на фоне вполне благополучной обстановки в городе. Вспышки политического экстремизма, межнациональных и межконфессиональных противоречий могут возникнуть на базе бытовых конфликтов, вследствие каких-либо резонансных происшествий или преступлений. Органы местного самоуправления должны иметь определенный план действий и на такие случаи.

Правовую основу работы органов местного самоуправления по профилактике экстремизма и обеспечению этносоциального благополучия обеспечивают: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Нами были проанализированы муниципальные правовые акты городов с населением свыше одного миллиона человек (Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Красноярск, Челябинск, Самара, Уфа, Ростов-на-Дону, Краснодар, Омск, Воронеж, Пермь, Волгоград), принятые в связи с решением указанных выше задач местного значения.

Оценив ситуацию с нормативно-правовым и организационным обеспечением профилактики экстремизма на примере крупнейшего в России по численности населения муниципального образования — города Новосибирска, отметим, что за последнее десятилетие в этом отношении пройден большой путь. В 2012 г. на основании постановления мэрии города Новосибирска от 22 июня 2012 г. № 6093 был создан Консультативный совет по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска. В 2014 г. постановлением мэрии города Новосибирска от 7 февраля 2014 г. № 990 был утвержден комплексный план мероприятий по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, в 2016 г. был издан новый аналогичный документ (постановление мэрии города Новосибирска от 26 декабря 2016 г. № 5980). В 2020 г. в Новосибирске были утверждены муниципальная программа «Профилактика экстремизма, минимизация и (или) ликвидация последствий его проявлений на территории города Новосибирска» (постановление мэрии города Новосибирска от 30 ноября 2020 г. № 3843) и Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года (постановление мэрии города Новосибирска от 10 июня 2020 г. № 1831). В 2022 г. в Новосибирске образована межведомственная комиссия по профилактике экстремизма (постановление мэрии города Новосибирска от 24 августа 2022 г. № 2929). В 2023 г. постановлением мэрии города Новосибирска от 17 мая 2023 г. № 2525 был утвержден Комплексный план мероприятий по реализации Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года.

В системе муниципальных правовых актов в области профилактики экстремизма центральное место занимают муниципальные программы профилактики экстремизма, выступающие документами стратегического планирования. Наличие таких программ практически во всех крупных городах является, безусловно, позитивным явлением. Анализ практики крупных городов позволяет выделить четыре подхода к принятию муниципальных программ:

1. Принятие отдельной программы по профилактике экстремизма (Новосибирск).
2. Принятие программы профилактики экстремизма и терроризма с учетом определенной взаимной связи и взаимной обусловленности этих явлений (Екатеринбург, Челябинск, Самара, Ростов-на-Дону, Волгоград).
3. Принятие программы профилактики правонарушений и преступлений, где проблематика экстремизма рассматривается в контексте более общих мер по обеспечению правопорядка (Казань). В Уфе профилактика экстремизма и терроризма является подпрограммой муниципальной программы обеспечения общественной безопасности.
4. Принятие программ укрепления межнационального и межконфессионального согласия, в рамках которых профилактика экстремизма достигается через снятие напряженности в отношениях между разными этносами и конфессиями (Нижний Новгород). В Красноярске подпрограмма по профилактике экстремизма включена в муниципальную программу укрепления межнационального и межконфессионального согласия, что представляется вполне логичным.

Каждая муниципальная программа по профилактике экстремизма начинается с постановки общей цели. В Новосибирске эта цель определена как

создание условий для развития системы профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности на территории города. В Екатеринбурге — реализация государственной политики в области профилактики терроризма и экстремизма, минимизации и (или) ликвидации последствий их проявления в муниципальном образовании, а также защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма на территории муниципального образования. В Красноярске — укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение общественно-политической стабильности в городе. В Челябинске — развитие системы профилактики терроризма и экстремизма, повышение антитеррористической защищенности потенциально опасных объектов, мест массового пребывания людей и объектов жизнеобеспечения населения; обеспечение условий для снижения уровня преступности и повышения уровня общественного порядка. В Самаре — обеспечение мер, направленных на профилактику терроризма и экстремизма, минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений терроризма и экстремизма в городском округе. В Ростове-на-Дону — сохранение стабильных межнациональных, межконфессиональных отношений, профилактика терроризма и экстремизма, поддержка казачества.

Различаются и подходы к определению целевых индикаторов рассматриваемых муниципальных программ. Здесь можно выделить следующие варианты целевых индикаторов:

1. Количество проведенных мероприятий. Например, в муниципальной программе Екатеринбурга среди большого набора целевых индикаторов указаны такие, как количество заседаний Консультативного совета при главе Екатеринбурга по вопросам межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования и количество заседаний межведомственной комиссии по профилактике экстремизма в муниципальном образовании. В Челябинске в числе целевых индикаторов указано количество мероприятий (совещаний, семинаров, круглых столов) по вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде для лидеров общественных организаций в студенческой среде.

2. Количество подготовленных и распространенных информационных материалов. Например, один из целевых индикаторов муниципальной программы в Новосибирске — количество информационных материалов, получивших распространение с использованием информационно-коммуникационных ресурсов, по вопросам профилактики экстремизма. Аналогичная формулировка используется в Екатеринбурге. В Самаре — количество размещенных видеороликов, направленных на профилактику терроризма и экстремизма, количество размещенных на интернет-ресурсах, в средствах массовой информации информационных материалов о принимаемых мерах по профилактике терроризма и экстремизма.

3. Достижение определенных статистических или социологических показателей. Так, в Новосибирске целевыми индикаторами муниципальной программы названы: доля молодежи города Новосибирска, вовлеченной в мероприятия, направленные на профилактику экстремизма; доля жителей города Новосибирска, отрицательно относящихся к любому проявлению экстремистской деятельности. В Красноярске один из целевых показателей — количество детей, принявших участие в мероприятиях, направленных на укрепление толерантности в подростковой и молодежной среде.

4. Определенные характеристики криминогенности. Например, в Ростове-на-Дону целевыми индикаторами муниципальной программы обозначены нулевые показатели по следующим категориям: количество конфликтов на межнациональной, межрелигиозной почве; количество актов экстремист-

ской направленности против прав и свобод человека на территории города; количество совершенных на территории города террористических актов.

В части, касающейся набора планируемых мероприятий по профилактике экстремизма, муниципальные программы всех рассмотренных городов весьма схожи. Различия связаны в основном со степенью конкретизации перечисляемых мероприятий и, соответственно, с их количеством. В основном планируемые мероприятия представляют собой:

- проведение заседаний совещательных и координационных органов, образованных при органах местного самоуправления;

- проведение встреч, круглых столов, семинаров с представителями различных этнических и конфессиональных групп;

- организацию всевозможных просветительских, воспитательных, спортивных, культурно-массовых мероприятий, ориентированных преимущественно на молодежную аудиторию (фестивали, конкурсы, смотры, соревнования, выставки, праздники);

- изготовление и распространение информационных материалов по профилактике экстремизма.

Особо следует подчеркнуть целесообразность и полезность включения в муниципальные программы мероприятий, представляющих собой элементы обратной связи, для получения объективной информации о состоянии этноконфессиональных отношений в городе, об эффективности проводимых профилактических мер. Например, Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года, в частности, предусматривает осуществление системы мониторинга состояния и динамики многонационального сообщества города Новосибирска, в том числе социального самочувствия жителей из разных этнических групп, включая их пространственно-территориальное распределение через механизмы картирования этнодемографических, миграционных процессов, напряжений и рисков в межэтнической и религиозной сферах, создание базы данных локальных, городских, в том числе этнических, конфликтов.

К сожалению, такие пункты представлены не во всех муниципальных программах. Мониторинг этноконфессиональных отношений, социологические исследования предусмотрены в муниципальных программах Новосибирска, Красноярска, Нижнего Новгорода. Разумеется, наличие таких пунктов в программных документах само по себе не гарантирует получение объективной обратной связи, принципиальное значение имеет качество проводимых исследований общественных процессов. Отсутствие механизмов регулярного получения объективной и полной информации органами местного самоуправления в области этноконфессиональных отношений выступает маркером формализма работы по этому направлению.

Весьма позитивно следует оценить включение в описательную часть муниципальных программ критического анализа предыдущего опыта профилактики экстремизма и указания на выявленные слабые стороны этноконфессиональной сферы города. Это свидетельствует о том, что формированию программы предшествовал сбор информации и объективный анализ ситуации, а также в целом говорит о честности разработчиков. Например, в муниципальной программе Нижнего Новгорода указаны следующие проблемные аспекты: «...национально-культурные организации и автономии испытывают организационные и финансовые трудности в своей повседневной деятельности. Наблюдаются тенденции к старению наиболее активных членов организации, сокращению охвата потенциальных членов общин, отсутствуют внутренние стимулы для новых инициатив, отвечающих запросам современного дня; в деятельность по популяризации национальных культур и гармонизации межнациональных отношений практически не вовлечены представители молодежи; информация о повседневной работе об-

щин и национально-культурных организаций слабо представлена в социальных сетях, которые во многом служат источником информации для людей разного возраста и интересов».

В муниципальной программе Красноярска названы следующие проблемы и вытекающие из них рекомендации: «...нужны новые форматы проведения традиционных национальных праздников как в их организации, так и в содержании. Следуя некогда заданным стандартам, не учитывая происходящие внешние изменения, становится все сложнее поддерживать интерес красноярцев к этим мероприятиям. При этом запрос в городском сообществе на знакомство с национальными культурами очевиден и в этой связи важно проявлять постоянную заботу о том, чтобы проводимые в городе национальные праздники этому запросу соответствовали. Каждый национальный праздник должен преодолевать сугубо национальные границы, становиться площадкой межнационального общения. Наряду с формированием культуры отношения любого человека, любой национальности к представителям других национальностей одновременно необходимо заниматься социокультурной адаптацией представителей разных народов к условиям той конкретной среды, в которой они проживают».

Изучение муниципальных программ по противодействию экстремизму в рассматриваемых крупных городах с точки зрения используемых методов позволяет выделить два принципиальных подхода к пониманию экстремизма. Первый подход можно обозначить как правоохранный. Он предполагает понимание экстремизма как комплекса правонарушений и преступлений на почве национальной, религиозной, социальной, политической ненависти и вражды. Это предопределяет и выбор методов профилактики — тесное взаимодействие с правоохранительными органами, проведение рейдов, проверок, профилактических бесед и т. п. Отсюда логически вытекает и определение целевых показателей программы через статистику правонарушений и преступлений.

Второй подход можно назвать социально-коммуникативным. В рамках этого подхода экстремизм понимается как отсутствие должного уровня взаимопонимания и взаимоуважения между этническими, конфессиональными и иными общностями внутри городского сообщества. Акцент в профилактической работе в этом случае делается на налаживание диалога культур, улучшение социально-психологического климата, проведение мероприятий просветительского и воспитательного характера.

Наличие этих двух подходов обусловлено множеством факторов: сложностью, многогранностью экстремизма как социального явления, отсутствием четкого понимания его причин и факторов развития, а также спецификой этноконфессиональной и криминогенной ситуации в муниципальном образовании. Вероятно, играет роль и субъективный фактор — личностные особенности и профессиональный опыт должностных лиц, которым поручена работа по профилактике экстремизма. Ориентация муниципалитета на тот или иной подход предопределяет выбор методов, целевых показателей, а также общего стиля деятельности в данном направлении.

Представляет интерес опыт городов в определении структурных подразделений местных администраций, на которые возложены функции по профилактике экстремизма. К ним, в частности, относятся:

- в Новосибирске — Управление общественных связей, Департамент по чрезвычайным ситуациям и взаимодействию с административными органами;
- Екатеринбурге — Комитет административных органов, Департамент общественных связей;
- Нижнем Новгороде — Департамент социальных коммуникаций и молодежной политики;
- Красноярске — Департамент социального развития;

- Самаре — Департамент по вопросам общественной безопасности и противодействия коррупции;
- Уфе — Отдел по взаимодействию с административными органами;
- Ростове-на-Дону — Комитет по межнациональным вопросам, религии и казачеству;
- Волгограде — Комитет по координации массовых мероприятий и взаимодействию с правоохранительными органами.

Как видно из представленного перечня, ни в одном из рассматриваемых городов не образовано самостоятельное структурное подразделение по профилактике экстремизма. Эти функции выполняют либо структуры, ответственные за социальные коммуникации, либо подразделения, ответственные за связи с правоохранительными органами, либо разделены между теми и другими. Ответ на вопрос о том, какое структурное подразделение администрации будет отвечать за профилактику экстремизма, достаточно наглядно демонстрирует доминирующее в муниципалитете понимание экстремизма и методов его профилактики с учетом описанных выше двух принципиальных подходов (правоохранительный или социально-коммуникативный).

При органах местного самоуправления городов образуются коллегиальные совещательные и координационные структуры по вопросам профилактики экстремизма:

- в Новосибирске — Консультативный совет по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города, Межведомственная комиссия по профилактике экстремизма;
- Екатеринбурге — Консультативный совет по вопросам межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации;
- Казани — Координационный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям;
- Красноярске — Комиссия по профилактике экстремизма и других преступлений и правонарушений;
- Челябинске — Межведомственная комиссия по профилактике проявлений экстремизма;
- Уфе — Комиссия по вопросам межнациональных отношений;
- Ростове-на-Дону — Координационный совет по вопросам сохранения межнационального, межконфессионального мира и согласия;
- Краснодаре — Межведомственная комиссия по вопросам профилактики экстремизма и гармонизации межнациональных отношений;
- Воронеже — Координационный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений;
- Перми — Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям;
- Волгограде — Консультативный совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям.

Наименования этих органов, их состав и круг рассматриваемых вопросов также зависят от преобладающего в городе подхода к пониманию экстремизма (правоохранительный или социально-коммуникативный).

Интересным, но спорным представляется опыт Самары и Ростова-на-Дону, где утверждены планы мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (План мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года на территории города Ростова-на-Дону, утвержденный постановлением Администрации города Ростова-на-Дону от 30 декабря 2020 г. № 1401, и План мероприятий по реализации на территории городского округа Самара в 2023—2025 годах Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвер-

жденный постановлением Администрации городского округа Самара от 29 июня 2021 г. № 432). Эти планы были приняты в инициативном порядке, поскольку сама Стратегия противодействия экстремизму, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344, наличия таких планов не требует, в ней предусматривается лишь принятие муниципальных целевых программ (п. 32). Наличие в муниципальном образовании одновременно муниципальной программы по профилактике экстремизма и плана по реализации Стратегии противодействия экстремизму создает проблему конфликта этих двух документов.

В связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» возникла необходимость в определении роли органов местного самоуправления в этой системе. Речь идет о своевременном выявлении на территории муниципального образования таких ситуаций, как социальные, межнациональные и межконфессиональные конфликты, акции протеста на национальной или религиозной почве.

Утвержденный постановлением губернатора Новосибирской области от 22 июня 2021 г. № 144 Порядок формирования и ведения регионального сегмента государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в Новосибирской области устанавливает, что «специалист органа местного самоуправления, получив от регионального администратора информацию о возникновении конфликтной или предконфликтной ситуации, в течение 24 часов с момента ее получения принимает меры профилактики и направляет информацию о принятых мерах профилактики в ответственный орган, а также иные отчеты согласно формам».

Упомянутая информационная система является хорошим средством обмена информацией при возникновении проявлений так называемого ситуационного экстремизма, но ее использование эффективно лишь при наличии ясного понимания о порядке действий при возникновении таких ситуаций.

Перейдем к проблемам, выявленным в ходе проведенного исследования.

Первая проблема состоит в отсутствии четкого разграничения полномочий в области противодействия экстремизму и регулирования этноконфессиональных отношений между двумя уровнями публичной власти — субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями. Дело в том, что их поле деятельности едино — это профилактическая работа. Более того, города-миллионники являются административными центрами соответствующих субъектов Российской Федерации. Получается, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления городов выполняют практически одни и те же функции на одной и той же территории. Это приводит к параллелизму, конфликтам, взаимному перекалыванию ответственности. Нами проведено сопоставление законодательных формулировок полномочий в сфере профилактики экстремизма органов государственной власти субъектов Российской Федерации (в соответствии с п. 43 и 96 ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации») и органов местного самоуправления (в соответствии с п. 7.1 и 7.2 ст. 16 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации:**Вопросы местного значения городского округа:**

Организация, в том числе осуществление, на территории субъекта Российской Федерации мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, участие в противодействии экстремистской деятельности, за исключением вопросов, решение которых отнесено к ведению Российской Федерации.

Участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах муниципального, городского округа.

Организация, в том числе осуществление мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия.

Разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

Сохранение этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации.

Поддержка и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального, городского округа.

Защита прав национальных меньшинств.

Реализация прав коренных малочисленных народов и других национальных меньшинств.

Социальная и культурная адаптация и интеграция иностранных граждан (мигрантов).

Обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов.

Профилактика и предупреждение экстремизма и межнациональных (межэтнических) конфликтов.

Профилактика межнациональных (межэтнических) конфликтов.

Как видим, полномочия регионального и муниципального уровней власти в сфере профилактики экстремизма весьма схожи. Различия в их формулировках достаточно трудно уловимы, и сделать четкие практические выводы из них непросто. Еще сложнее обеспечить слаженное сотрудничество органов регионального и муниципального уровней в единой системе публичной власти.

Из трех уровней публичной власти (федеральный, региональный, муниципальный) в области профилактики экстремизма сложнее всего определить роль регионального звена. Как можно предположить из представленных выше формулировок, органы государственной власти субъектов Российской Федерации должны осуществлять методическое, организационное и правовое сопровождение деятельности органов местного самоуправления по профилактике экстремизма, т. е. разрабатывать разного рода рекомендации, модельные нормативные правовые акты, проводить обучающие мероприятия, обеспечивать оперативное консультирование, возможно, создавать кризисные ситуационные центры.

Вторая проблема, по сути вытекающая из первой, — это отсутствие надлежащего методического сопровождения. Как уже отмечалось, экстремизм — очень сложное социальное явление, причины и механизмы развития которого не всегда понятны. Достаточно трудно определить, какие именно профилактические мероприятия необходимы в данном муниципальном образовании. Еще труднее найти подходы к решению хронических проблем этноконфессиональной сферы города. И, наконец, самое трудное — выбрать правильную линию поведения при возникновении острой конфликтной ситуации, связанной с проявлением экстремизма, не поддаваться на провокацию, успокоить людей.

Было бы неверно строить деятельность по профилактике экстремизма в муниципальном образовании по принципу проб и ошибок. Муниципальные служащие, отвечающие за данное направление работы, должны иметь необходимые рекомендации, инструкции, основанные на обобщении практики других муниципальных образований, мнениях экспертов, современных научных разработках. Разработка таких материалов, очевидно, должна быть организована на вышестоящем уровне публичной власти.

Третья проблема — это слабость механизмов обратной связи, неразработанность форм и методов получения информации о реальном состоянии этноконфессиональных отношений. Отправная точка для профилактической работы в этой сфере — глубокое и объективное изучение ситуации, выявление проблем и потенциальных угроз в конкретном муниципальном образовании и лишь затем — постановка задач и планирование мероприятий. Не менее важно создать научно обоснованные методики оценки эффективности уже проведенных профилактических мероприятий.

Важно, чтобы используемые методики позволяли органам местного самоуправления владеть действительно объективной и полной информацией. В этой связи вызывает некоторое сомнение формулировка одного из целевых показателей муниципальной программы города Новосибирска — «доля жителей города Новосибирска, отрицательно относящихся к любому проявлению экстремистской деятельности, от числа опрошенных — не менее 50,0 %». Можно предположить, что доля жителей, на словах выражающих отрицательное отношение к экстремизму, будет даже намного больше планируемого показателя. Проблема в том, что выраженное на словах мнение далеко не всегда отражает реальные настроения. Для выработки эффективных форм и методов мониторинга общественных настроений в этноконфессиональной сфере необходимо развивать сотрудничество с научными организациями и экспертным сообществом.

Наконец, четвертая проблема может быть обозначена одним словом — «формализм». Речь идет о практике функционирования любых административных структур, и органы местного самоуправления здесь не являются исключением. Суть бюрократического формализма — направление усилий не на достижение реального социального результата, а на создание видимости активной работы (планы, отчеты, мероприятия, совещания и т. п.). Проявление такого формального подхода заметно в первую очередь при определении целевых индикаторов муниципальных программ профилактики экстремизма. Например, в муниципальной программе Челябинска одним из таких индикаторов названо количество мероприятий (совещаний, семинаров, круглых столов) по вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде. В Екатеринбурге в число показателей эффективности муниципальной программы входит количество заседаний межведомственной комиссии по профилактике экстремизма. В Новосибирске в числе целевых индикаторов определено количество информационных материалов, получивших распространение с использованием информационно-коммуникационных ресурсов, по вопросам профилактики экстремизма на территории города Новосибирска — 745 единиц. Такие показатели, возможно, характеризуют уровень интенсивности организационно-управленческой работы, но с достижением социально значимых результатов они не связаны.

Формализм, как известно, является наиболее безопасной, с точки зрения государственного и муниципального служащего, линией поведения. Это своеобразная стратегия выживания в условиях дефицита ресурсов и страха ответственности. Сфера этноконфессиональных отношений в особой мере способствует выбору именно этой линии поведения. Именно в сфере этноконфессиональных отношений велик риск принятия работниками органов местного самоуправления неверного решения, не всегда им хватает знаний и навыков для взаимодействия с представителями других культур, особенно в конфликтных ситуациях.

Подводя итог, необходимо отметить, что муниципальный уровень публичной власти (очевидно, не в меньшей степени и региональный) находится в ситуации поиска своего места в системе профилактики экстремизма и обеспечения этноконфессионального благополучия. На этом примере особенно наглядно видно, что приоритетом в развитии местного само-

управления является не самостоятельность как таковая, а закрепленное в ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации взаимодействие всех уровней публичной власти «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Список источников

1. Смагин С. В. Особенности личности субъектов, совершающих преступления экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 70—76.
2. Сигарев А. В. О видах и формах экстремизма // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе (Новосибирск, 17—18 февраля 2022 г.): сб. науч. ст. I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2022. С. 222—227.
3. Сигарев А. В. Стратегия противодействия экстремизму на муниципальном уровне // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 12. С. 32—37.
4. Дондоков Г. Р., Дондоков Ц. С. О некоторых проблемах, стоящих перед органами местного самоуправления в сфере профилактики терроризма и экстремизма среди молодежи // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 47—50.
5. Савинов Л. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник Российской нации. 2020. № 2. С. 9—17.
6. Маслакова Е. А. Органы местного самоуправления в системе субъектов профилактики правонарушений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 3. С. 20—23.
7. Павловский В. С. Конституционно-правовое регулирование компетенции органов публичной власти в сфере межнациональных отношений: современное состояние и пути развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 171—182.
8. Аржанов В. В. Разграничение полномочий и предметов ведения между государственными органами и органами местного самоуправления // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 40—42.

References

1. Smagin S.V. Osobennosti lichnosti sub"ektov, sovershayushchikh prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti [Personality characteristics of subjects who commit extremist crimes], *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Law Journal]*, 2020, no. 3, pp. 70-76.
2. Sigarev A.V. O vidakh i formakh ekstremizma [On the types and forms of extremism], *Aktual'nye problemy protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape (Novosibirsk, 17—18 fevralya 2022 g.) [Current problems of countering extremism and terrorism at the present stage (Novosibirsk, February 17-18, 2022)]*, sb. nauch. st. I Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Novosibirsk, 2022, pp. 222-227.
3. Sigarev A.V. Strategiya protivodeystviya ekstremizmu na munitsipal'nom urovne [Strategy for countering extremism at the municipal level], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie [State power and local self-government]*, 2021, no. 12, pp. 32-37.
4. Dondokov G.R., Dondokov Ts.S. O nekotorykh problemakh, stoyashchikh pered organami mestnogo samoupravleniya v sfere profilaktiki terrorizma i ekstremizma sredi molodezhi [About some of the problems facing local governments in the field of prevention of terrorism and extremism among young people], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie [State power and local self-government]*, 2020, no. 8, pp. 47-50.
5. Savinov L. Natsional'naya politika v sovremennoy Rossii: kontseptual'naya model' i ee realizatsiya [National Policy in Modern Russia: a conceptual model and its implementation], *Vestnik Rossiyskoy natsii [Bulletin of the Russian Nation]*, 2020, no. 2, pp. 9-17.
6. Maslakova E.A. Organy mestnogo samoupravleniya v sisteme sub"ektov profilaktiki pravonarusheniy [Local self-government bodies in the system of subjects of crime prevention], *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy [Municipal service: legal issues]*, 2023, no. 3, pp. 20-23.
7. Pavlovskiy V.S. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie kompetentsii organov publichnoy vlasti v sfere mezhnatsional'nykh otnosheniy: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya [Constitutional and legal regulation of the competence of public authorities in the field of interethnic relations: current state and ways of development], *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2020, no. 12, pp. 171-182.
8. Arzhanov V.V. Razgranichenie polnomochiy i predmetov vedeniya mezhdru gosudarstvennymi organami i organami mestnogo samoupravleniya [Delineation of powers and subjects of competence between state bodies and local self-government bodies], *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative law and process]*, 2019, no. 7, pp. 40-42.

Информация об авторе

Сигарев Андрей Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sigarev-av@ranepa.ru

Information about the author

Andrey V. Sigarev — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sigarev-av@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 29.02.2023; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ

INVESTIGATION OF THE PHENOMENON OF FORCED MIGRATION

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 36—47.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):36—47.

Исследование феномена вынужденной миграции

Научная статья
УДК 94(4)-054.75(=112.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-36-47

О миграциях бессарабских немцев в 1940-е годы

Наталья Михайловна Маркдорф

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Аннотация. В статье анализируется миграция бессарабских немцев в различные исторические периоды. Особое внимание уделено событиям середины XX в., кардинально повлиявшим на их судьбы. Рассмотрены нормативные правовые акты, на основании которых осуществлялся процесс переселения их в Германию в 1940 г. В конце Второй мировой войны (1944—1945) часть бессарабских семей после прихода Красной армии была репатрирована в Советский Союз. Автор статьи констатирует, что судьбы и переселенцев в Третий рейх, и новых советских граждан, насильственно высланных в СССР, были трагичными.

Ключевые слова: принудительные миграции, бессарабские немцы-колонисты, СССР, международные договоры и соглашения, Западная Сибирь, Юрга, репатриация

Для цитирования: Маркдорф Н. М. О миграциях бессарабских немцев в 1940-е годы // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 36—47. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-36-47.

Investigation of the phenomenon of forced migration

Original article

About the migrations of Bessarabian Germans in the 1940s

Nalalya M. Markdorf

Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation,
markdorf-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-8453>

Abstract. The article analyzes the migration of Bessarabian Germans in various historical periods. Special attention is paid to the events of the mid-twentieth century, which radically influenced their destinies. The normative legal acts on the basis of which the process of their resettlement to Germany in 1940 was carried out are considered. At the end of World War II (1944-1945), some Bessarabian families were repatriated to the Soviet Un-

ion after the arrival of the Red Army. The author of the article states that the fates of both immigrants in the Third Reich and new Soviet citizens forcibly deported to the USSR were tragic.

Keywords: forced migrations, Bessarabian German colonists, USSR, international treaties and agreements, Western Siberia, Jurga, repatriation

For citation: Markdorf N.M. About the Migrations of Bessarabian Germans in the 1940s. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):36—47. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-36-47.

Введение

Бессарабские немцы расселились на обширных территориях Российской империи в конце XVIII — первой четверти XIX в. В Бессарабии ими были основаны более 150 колоний. Восточная часть Молдавского княжества вошла в состав России по Бухарестскому мирному договору, заключенному с Османской империей по итогам Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В 1812 г. была основана Бессарабская губерния, названия многим новым населенным пунктам в которой давал Александр I в честь наиболее значимых событий Отечественной войны 1812 г. — Тарутино (нем. Tarutino), Бородино (нем. Borodino), Березино (нем. Berezino), Лейпциг (нем. Leipzig), Париж (нем. Paris) и др. [1]

После завершения Первой мировой войны по Брест-Литовскому договору в 1918 г. территория Бессарабии отошла Румынии. Основным занятием немцев, являвшихся гражданами Румынии, было сельское хозяйство: разведение крупного рогатого скота, овец, лошадей, возделывание пшеницы, ячменя, кукурузы. Многие семьи имели в своем распоряжении по 10—20 га земли, а самые зажиточные — до 50—60 га [2, s. 280]. Колонии процветали. Крепкие хозяйства использовали труд наемных работников [3, s. 46]. Самыми крупными немецкими селами («материнские колонии», или «старые общины»¹) к 1940 г. были Арциз, Березино (Березина), Бородино, Бриенн, Гнаденталь, Деневиц, Кацбах, Красное, Кульм, Лейпциг, Лихтенталь, Сарата, Тарутино, Теплиц, Фриденсталь, Шабо, и др.² Все перечисленные населенные пункты до 1917 г. входили в состав Бессарабской губернии, после 1917 г. — в состав Румынии.

По данным немецких историков, около 4 % немецкого населения владело более 10 % всех земель Бессарабии. Исследователи отмечали, что наряду с состоятельными были и так называемые гектарные деревни, в которых проживали имевшие примерно по 3—8 га земли крестьяне, а также наемные работники и батраки. Немецкие общины с различным количеством населения располагались практически в каждом городе, селе, деревне. В Северной Бессарабии поселения преимущественно были основаны вы-

¹ «Материнские» колонии заселялись непосредственно иностранцами, «дочерние» колонии были смешанными.

² Арциз 1-й/Arzis I (Альт-Арциз/Alt-Arzis; также Арсис 1-й, Старо-Арциз, Старый Арсис, Ивановская, в настоящее время — г. Арциз, Одесская обл., Арцизский р-н); Березина (Ротунда/Rotunda; также Кагельник, Кугельник, Аннинская, в настоящее время — п. Березино, Одесская обл., Тарутинский р-н); Бородино (Сак; также Александровская, в настоящее время — Одесская обл., Тарутинский р-н); Бриенн/Brienne (Петервунш/Peterwunsch; также Петервинш, Петровская); Гнаденталь/Gnadental (Новая Сарата; также Ней-Сарата, в настоящее время — с. Долиновка, Одесская обл., Арцизский р-н); Деневиц/Dennewitz (Прямобалка; также Гамбург/Hamburg, в настоящее время — Одесская обл., Арцизский р-н); Кацбах/Katzbach (Лужанка; также Аляга, в настоящее время — Одесская обл., Тарутинский р-н); Красное (также Красна, Константиновская, Католическая, в настоящее время — Одесская обл., Тарутинский р-н); Кульм/Kulm (Паульсберг/Paulsberg; также Подгорное, Мадар, Мардарская, Павловская, в настоящее время — с. Подгорное, Одесская обл., Тарутинский р-н); Лейпциг/Leipzig (Серпневое; также Скинос, Екатериновская, в настоящее время — Одесская обл., Тарутинский р-н); Лихтенталь/Lichtental (Светлодолинское; также Третий Степ, в настоящее время — Одесская обл., Саратский р-н); Сарата (Старо-Сарата; также Сироталь, в настоящее время — Одесская обл., Саратский р-н); Тарутино (Анчокрак, также Елисаветская, в настоящее время — Одесская обл., Тарутинский р-н); Теплиц/Teplitz, в настоящее время — с. Теплица, Одесская обл., Арцизский р-н); Фриденсталь/Friedenstal (Мирнополье, в настоящее время — Одесская обл., Арцизский р-н). Шабо/Schabo (также Шаба/Chabag, Швейцарская, в настоящее время — Одесская обл., Белгород-Днестровский р-н) [1].

ходцами из Баварии и Вюртемберга, переселившимися в этот край в середине XIX в. через Буковину и Галицию [4, с. 283].

Переселение в Германию

События середины XX в. кардинально изменили судьбы бессарабских немцев. На основании пакта Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. Бессарабия, Северная Буковина и область Герца включались в сферу интересов СССР и впоследствии вошли в состав Советского Союза. Так, 25 июня 1940 г. в беседе В. М. Молотова с Вернером фон дер Шуленбургом констатировалось, что немецкая сторона признает право Советского государства на Бессарабию, в Германии готовы поддержать территориальные притязания СССР. В отношении Буковины немцы высказались более осторожно. В процессе переговоров германское правительство заявило о крайней заинтересованности в переселении на историческую родину бессарабских и буковинских немцев-колонистов, В. М. Молотов ответил, что советская сторона надеется на скорейшее решение территориального вопроса и принципиальных возражений против переезда немцев не имеет [5, с. 212—213].

В августе 1940 г. ряд уездов Бессарабии отошли к Молдавской ССР; Северная Буковина, Аккерманский и Измаильский уезды — к Украинской ССР [6, с. 22 ; 7, с. 22—23]. Была установлена точная граница между Украинской ССР и Молдавской ССР [8 ; 9]. На новых территориях (Бессарабия и Северная Буковина) стали действовать советские законы. Вся земля, недра, банки, торговые предприятия, транспорт были национализированы. Началась борьба с так называемыми антисоветскими элементами, большинство из которых в начале Второй мировой войны депортировали в отдаленные районы Советского Союза. В административном порядке бессарабцев высылали целыми семьями, в основном за Урал, в районы Крайнего Севера и, конечно, в Сибирь. По подсчетам российских историков, из Бессарабии было депортировано примерно 26-30 тыс. человек [10, с. 24—28].

В соответствии с германо-советским соглашением из Бессарабии и Северной Буковины уехали 93 549 человек, из Южной Буковины — 52 000 человек, Добруджи — 15 000 человек, из других румынских земель, отошедших по соглашению СССР, — 10 000. Также из Румынии в 1940-е гг. выехало 215 000 человек [11, с. 564—571 ; 12, с. 111—112]. В то же время в Бессарабии по семейным обстоятельствам или нежеланию оставлять нажитое крепкое хозяйство все же остались около 2 000 колонистов [13, с. 351], которые после образования Молдавской ССР [14, с. 67] стали советскими гражданами. Отказавшиеся принять советское гражданство немцы выехали в Германию, Восточную Пруссию, оккупированные Германией Польшу и Чехословакию. Репатриация шла под лозунгом *Heim ins Reich* («Домой в Рейх») [15, с. 78]. Судьба и переселенцев в «фатерланд», и новых советских граждан оказалась трагичной.

По соглашению, эвакуации подлежали лица, которые выразили свое добровольное желание как устно, так и письменно. В Германию выезжали целыми семьями. Подростки с четырнадцати лет имели право выбора без разрешения родителей остаться на родине или уехать вместе с остальными. Переселенцы могли забрать с собой личные вещи, но не более чем было установлено соглашением. Запрещался вывоз драгоценностей, всех видов наличных денег (бумажные, золотые и серебряные), сумма которых превышала 2 000 румынских бумажных лей на одного человека. Оставшаяся после эвакуации собственность, включенная в описи оценочными комиссиями, поступала в распоряжение СССР. За утраченное имущество германская сторона обещала компенсацию, которая так и не была выплачена.

Контрольно-пропускными и выходными пунктами на границе для переселенцев из Северной Буковины и Северной Бессарабии стали: для следу-

ющих железнодорожным путем — Ольховец, Новый Загуш (основной пункт), советский Перемышль, германский Перемышль (вспомогательный) и Вахранешти; пользующихся речными переправами — Унгены и Рени; для следующих морским путем — гавани Рени, Килия, Измаил, Галац и Бугаз (вспомогательные) [11]. Например, из Галаца переселенцы добирались до крупного югославского лагеря в Землине (Земуне) или Прахово. Затем по железной дороге они направлялись в германские пересыльные лагеря [16, с. 345].

По воспоминаниям переселенцев, опубликованным немецкими историками и публицистами, решение об отъезде с родной земли давалось нелегко. Особенно тяжело было расставаться с отлаженным бытом, привычной жизнью пожилым бессарабцам. Так, А. Гольвер отмечал, что только молодёжь с воодушевлением восприняла идею о воссоединении со своей исторической родиной. Однако на желание уехать повлиял также страх перед новой советской властью, проводившей репрессивные меры. К тому же переселенцы надеялись получить в Германии земли и основать там свое крепкое хозяйство [13, с. 352].

Бессарабские немцы в Третьем рейхе

Переезд из Бессарабии на новую родину фактически был завершён к 15 ноября 1940 г. Начинаясь новая трагичная страница в истории бессарабских немцев. Как показали последующие события, надежды на лучшую жизнь в «фатерланде» не оправдались. Пройдя регистрацию в Третьем рейхе, бессарабцы утрачивали румынское гражданство и попадали под «защиту» нацистского государства. Осенью 1940 г. переселенцы разместились более чем в 800 лагерях в Саксонии, Баварии, Франконии, Тюрингии, Судетах. Жизнь в условиях обсервации оказалась очень тяжелой. Практически полностью отсутствовало медицинское обеспечение, ощущалась острая нехватка необходимых для жизни продуктов питания и одежды. Как следствие, в лагерях выросли заболеваемость и смертность. Первыми стали погибать старики и дети. По утверждению А. Гольвера, многие семьи, у которых было по четверо-пятеро детей, теперь имели одного-двух, а у некоторых — детей вообще не осталось [13, с. 360]. Все они умерли от различных заболеваний, в основном от сыпного и брюшного тифа, воспаления легких, кори, дизентерии, иных инфекционных заболеваний.

Бессарабцев часто перебрасывали из одного лагеря в другой. Причиной тому стали фильтрационные мероприятия, осуществляемые нацистскими властями. С целью расовой сегрегации проверялось физическое и умственное здоровье людей, их наследственность (изучали родословные, выявляли межнациональные браки), особое внимание уделяли политическим умонастроениям и убеждениям переселенцев. От результатов проверки зависела судьба человека: направлялся ли он в «старый рейх» и относился к группе «А» («Альтрейх») или, получив категорию «О» («Остен»), был пригоден для заселения на территории оккупированных восточных стран. Решение принималось службами СС («отряды охраны», нем. SS, аббревиатура от нем. Schutzstaffe), СД (Служба безопасности рейхсфюрера СС (нем. Sicherheitsdienst des Reichsführers SS, сокр. нем. SD от Sicherheits Dienst), полиции [17, с. 43—60]. Получить немецкое гражданство и паспорт мог только переселенец в «старый рейх» («рейсдойче»). Для служивших в вермахте в качестве хиви¹ также выдавались специальные паспорта.

¹ Хиви — от нем. Hilfswilliger (желающий помочь), Ost-Hilfswillige (восточные добровольные помощники) — «добровольные помощники» вермахта, набравшиеся из местного населения (в том числе принудительно мобилизованные) на оккупированных территориях и из советских военнопленных. Как правило, служили во вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами и т. п. Немецкое командование использовало этот термин для обозначения всех жителей оккупированных стран, которые служили в немецких войсках.

В 1941 г. часть бессарабских немцев германские власти отправили в районы Луцка (нем. Linzmannstadt), Кутно имперского края Вартегау (нем. Warthegau) с целью германизации (онемечивания) польских земель¹. Здесь они наделялись изъятой у поляков² землей до 20 га на хозяйство и скотом. По данным немецких и российских историков, в Вартегау переселили 41 603 человека, в Данциг (Западная Пруссия) — почти 42 901 человек, в основном прибывших из Хофнунгсталя и Северной Бессарабии в конце 1942 г. Их вместе с другими переселенцами, прибывавшими из фильтрационных лагерей, отправляли на восточную границу генерал-губернаторства³. Частично немцами были заселены Люблинский дистрикт⁴, при этом поляков выгнали с их земель⁵. Около 800 человек разместились в различных городках и селах Судет, Богемии, Моравии, Верхней Силезии, Нижней Штирии [22 ; 23].

На этих территориях немцы-переселенцы столкнулись с враждебностью, нескрываемой агрессией, а зачастую и партизанскими действиями местного населения, изгнанного из своих домов. Впоследствии об этом периоде жизни в автобиографиях вспоминали выжившие бессарабские немцы, в том числе оказавшиеся после войны в сибирских лагерях или на спецпоселении.

Мужчин-переселенцев мобилизовали в вермахт, в том числе в качестве хиви, а также для работы на различных военных объектах. Женщины и дети, как правило, оставались в пересыльных лагерях, а лишившись кормильцев — глав семей, должны были зарабатывать себе на жизнь самостоятельно. Как правило, большинство из них нищенствовали, дети голодали. Так рухнула мечта бессарабских и буковинских переселенцев, особенно категории «О», на достойную жизнь в «фатерланде».

В 1944 г. при наступлении Красной армии в Польше бессарабские немцы стали спешно покидать свое местожительство. Эвакуации организовано не было. Бегство людей в другие районы страны, еще не занятые советскими и американскими войсками, было стихийным и столь стремительным, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения, прежде всего женщин и детей. По свидетельствам Уте Шмидт и Артура Гольвера, основанных на воспоминаниях бессарабцев, примерно из 2 000 выходцев из общины Фриденсталь, в панике покидавших Вартегау, спаслась лишь одна треть. Люди попадали под обстрел танков и самолетов. Старики и дети замерзали в пути или погибали от голода и болезней [15, с. 68—81]. В период стихийного бегства большинство немцев уничтожили или утратили свои паспорта и другие документы⁶.

Часть бессарабских семей, примерно 1 139 человек фриденстальцев, после прихода советских войск, по данным А. Гольвера, попали либо в советский плен и были депортированы в СССР, либо в польские трудовые лагеря

¹ Луцк — город по Рижскому мирному договору в 1921—1939 гг. находился в составе Польши; Кутно — город в центральной Польше; Вартегау (Warthegau) — название территории Западной Польши после ее аннексии Третьим рейхом в 1939 г., включала округа Познань, Иновроцлав, Лодзь [18—20, с. 3—4].

² Поляков использовали в качестве наемной рабочей силы во вновь образованных хозяйствах немецких колонистов.

³ Генерал-губернаторство (нем. Generalgouvernement, польск. Generalne Gubernatorstwo) (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 г. нацистской Германией Польши. Некоторые регионы Польши (Познань, Катовице, польское Поморье), аннексированные нацистской Германией, не входили в состав генерал-губернаторства [21, с. 364—365].

⁴ Дистрикт Люблин (нем. Distrikt Lublin, польск. Dystrykt lubelski) — административно-территориальная единица в составе генерал-губернаторства (оккупированная часть Польши) во время Второй мировой войны, был образован 26 октября 1939 г., прекратил свое существование 25 июля 1944 г. после наступления Красной армии.

⁵ На основании плана «Ост» оккупированные страны подвергались планомерному полному онемечиванию, при этом поляков после победы над СССР немцы предполагали выселить, в том числе и в Сибирь. Освобожденные земли должны были заселиться немецкими колонистами.

⁶ Некоторые сохранили свои паспорта (в настоящее время они находятся в личных делах немцев-репатриантов, которые после войны попали на спецпоселение в различные регионы СССР).

или оставлены на работах у поляков, проживавших здесь до нацистской оккупации страны [13, с. 367]. Это стало для колонистов новой трагедией. Бессарабцы в полной мере испытали на себе враждебность местного польского населения. На негативное отношение к беженцам в Польше и на их бедственное положение в Германии указывала профессор Т. С. Иларионова, записавшая в 1995 г. рассказ одного из руководителей землячества бессарабских немцев в Штутгарте: «При приближении зимой 1945 г. Советской армии к Вартегау (Польша), где мы тогда жили, мои родители вместе со мной и сестрой бежали в Германию. <...> В Вюртемберге мы нуждались в самом необходимом, подаяние просили. Затем американская военная администрация распорядилась, чтобы каждая семья местных жителей взяла к себе семью беженцев. Мы поселились в доме швабского крестьянина. Он и его близкие нас ненавидели». В свою очередь, сотрудница Парламентского архива (архив Бундестага), семья которой, когда она сама была еще ребенком, принимала в своем доме беженцев с Востока, также делилась воспоминаниями: «Они пришли к нам на все готовое и всем у нас пользовались, эти малообразованные и не очень стремившиеся работать люди» [24, с. 92].

Насильственная репатриация в СССР

В октябре 1944 г. в СССР было создано Управление уполномоченного Совета народных комиссаров (СНК) по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым¹. В ведомстве подсчитало, что более 3 млн советских граждан (в том числе проживавших на присоединенных до войны территориях) находились в зоне действия союзных войск (Западная Германия, Франция, Италия, Бельгия и другие европейские страны) и более 2 млн — на территории, контролируемой Красной армией (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и другие страны). Договоренность о репатриации советских граждан на родину была достигнута на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. [26, с. 67—76]

В конце Великой Отечественной войны по мере освобождения Красной армией европейских стран от фашизма перед отделами военной контрразведки «Смерш» стояла задача выявления советских людей, лиц без гражданства и обязательная репатриация их в СССР. Например, по донесению начальника репатриации Группы советских оккупационных войск в Германии, в американском лагере в Берлине находились всего лишь 192 немца, которые до войны проживали на Украине. Они имели советское подданство, во время оккупации немцами Украины выехали с ними в Германию и добровольно приняли немецкое гражданство. Первоначально американцы против выдачи советских граждан в СССР не возражали [27, л. 182]. Однако впоследствии ситуация коренным образом изменилась. С осени 1945 г. западные державы стали предоставлять право добровольного возвращения или невозвращения в СССР [28, л. 67—69]. В послевоенные годы в США сформировалась большая колония бессарабских немцев.

Перевозка репатрируемых немцев производилась из армейских лагерей в транзитные лагеря, расположенные на территории Германии: № 212 и 248, дислоцировавшиеся сначала в Грайфенхагене (нем. Greifenhagen), а затем в Штеттине (нем. Stettin), № 232 — Франкфурте-на-Одере, № 260 — Коттбусе (нем. Cottbus) и № 265 — Гёрлице (нем. Görlitz) [29, л. 145]. В советской оккупационной зоне Германии были созданы 10 специальных лагерей для содержания репатриантов, отправляемых в СССР: № 1 — Мюль-

¹ Голиков Филипп Иванович (1900—1980) — советский военачальник, маршал Советского Союза. Возглавил Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации 23 октября 1944 г. Ведомство отвечало за деятельность репатриационных миссий, а также за прием и обустройство советских граждан на местах. В состав ведомства входила сеть проверочно-фильтрационных пунктов и лагерей, которых за рубежом было создано более 200 [25].

берг, № 4 — Бауцен, № 5 — Кетчендорф, № 6 — Ямлиц, № 7 — Заксенхаузен, № 9 — Фюнфайхен, № 10 — Торгау [30, с. 69]. Затем репатрианты через приграничные проверочно-фильтрационные лагеря (в основном через Брест-Литовск) направлялись в Советский Союз. На основании распоряжения заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышёва¹ все возвращавшиеся на родину советские граждане должны были проходить упрощенную проверку. Это правило распространялось и на тех, кто прибывал в пересыльные лагеря из Польши и Германии. Для этой цели частично использовали действовавшие проверочно-фильтрационные пункты НКВД, в том числе и вновь создаваемые. Их материальное снабжение обеспечивалось Управлением уполномоченного по делам репатриации. При НКВД СССР действовали проверочные комиссии [32, л. 346].

Переброска немецких репатриантов в восточном направлении в последний период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы (1945—1947) имела масштабный характер. Всего по западноевропейской колее с июня по декабрь 1945 г. было вывезено эшелонами 666 938 человек. Например, в 1945 г. в СССР депортировали около 200 000 немцев, оказавшихся во время войны на западе Польши в округе Вартегау.

В пересыльных лагерях в отдельные дни собиралось до 25-30 тыс. человек. По причине загруженности железных дорог Польши, Германии и других европейских стран транспорты с людьми от армейских проверочно-фильтрационных пунктов до приграничных фильтрационных лагерей Советского Союза следовали от 15 до 40 суток. В связи с тем, что поезда двигались не по графику, подготовка к транспортировке репатрируемого контингента шла один-три дня. Зачастую эшелоны подолгу стояли на запасных путях или станциях. При этом людей из вагонов не выпускали [25, с. 553—555]. В этой связи следует согласиться с мнением историков, указывавших на значительную смертность репатриантов в это время. Однако ряд российских исследователей отвергает этот факт [33, с. 44]. Количественные данные о санитарных потерях (умершие, заболевшие и снятые с эшелонов) разнятся. И причин здесь, на наш взгляд, несколько. Во-первых, эшелоны до конечного пункта назначения следовали через различные промежуточные станции, на которых частично людей снимали и направляли в лагеря. Во-вторых, не всегда оформлялись акты о снятии с эшелонов умерших и заболевших в пути. В-третьих, по прибытии на конечную станцию эшелонные списки или отсутствовали совсем, или велись крайне небрежно. Судя по спискам, статистика выглядела весьма обобщенно.

Отдельные исследователи указывали на то, что немцы-репатрианты не всегда проходили через проверочно-фильтрационные лагеря, а направлялись сразу вглубь СССР. Перед прибытием в СССР все репатрируемые (на основании указаний Главного санитарного управления Красной армии) должны были пройти 21-дневный карантин, в течение которого осуществлялась их обязательная разноплановая ревизия проверочно-фильтрационными комиссиями НКВД [34, л. 276—288]. Это также приводило к задержке отправки немцев в Советский Союз.

Описанные условия имели следующие последствия. Во-первых, скученность людей в лагерях, а также в эшелонах привели к увеличению числа больных немцев, как следствие, в СССР поступал в основном контингент, утративший свою трудоспособность. Во-вторых, выросла смертность людей. В-третьих, неоднократные процедуры фильтрации на всех этапах передвижения от одного лагеря к другому увеличили процент осужденных, которых направляли либо в лагеря для военнопленных (или режимные ла-

¹ Чернышёв Василий Васильевич (1896—1952) — советский деятель госбезопасности, генерал-полковник (1945), заместитель наркома/министра внутренних дел СССР [31].

геря, контролируемые ГУПВИ-ОПВИ НКВД СССР, либо в исправительно-трудовые колонии, подведомственные Главному управлению исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ)).

Судя по сохранившимся архивным документам, бессарабские немцы прибывали из Польши, Германии и других европейских стран в советский брест-литовский проверочно-фильтрационный лагерь с сентября по ноябрь 1945 г. Также в СССР ввозились немцы из Бессарабии, Северной Буковины, Прибалтики, т. е. те, кто до 1940 г. проживал на территориях, вошедших в состав Советского Союза¹. Из прошедших фильтрацию (в течение двух-трех недель, а иногда и более месяца) репатриантов формировали эшелоны. Людей загружали в вагоны и направляли в различные регионы Советского Союза [35, л. 177].

Эшелоны, перевозившие людей из Брест-Литовска, включали по 40-50 вагонов. В каждом из них ехали по 50-60 мужчин, женщин и детей. Поезда шли в основном по ночам, а днем стояли на запасных путях. В углу вагона вырезали дыру, служившую туалетом. Иногда ставили большую кастрюлю или ведро. Отхожее место даже не всегда отгораживалось занавеской. В вагонах царила антисанитария, что способствовало распространению различных инфекций. К тому же это было тяжелое моральное испытание для людей.

В осеннее и зимнее время людей перевозили в неотапливаемых товарных вагонах, что приводило к обморожениям, в том числе и у детей, как следствие — гангрена, ампутация пальцев у многих людей. У многих детей, которых в 1946 г. передали в детские приемники-распределители Новосибирской и Кемеровской областей, из-за обморожений были ампутированы пальцы ног.

В эшелоне отсутствовал вагон-изолятор, поэтому о какой-либо изоляции заболевших в пути не могло быть и речи. Не было и медицинских работников, которые по инструкции должны были сопровождать эшелоны. Врачебная помощь репатриантам не оказывалась совсем. В результате умирать люди начали еще во время следования эшелонов, в первую очередь дети 1941—1945 годов рождения и пожилые люди, которые не выдерживали тягот пути. Высокий процент так называемых санитарных потерь объяснялся тем, что эшелоны для перевозки людей приспособлены не были.

Судя по спискам репатриантов, умерших уже в Западной Сибири, больные и истощенные люди продолжали погибать и после поступления в советские лагеря и на поселения. Причинами смертности, в первую очередь младенцев, стали сыпной и брюшной тиф, алиментарная дистрофия, воспаление легких, обморожения, дизентерия и иные заболевания, а также голод.

История бессарабских немцев — это история одного из народов практически полностью «сгоревшего» в горниле Второй мировой войны. Это одна из страниц истории международной дипломатии в предвоенный, военный и послевоенный периоды. Репатриация бессарабских немцев из Молдавии в Германию, а затем и в СССР производилась в несколько этапов и напрямую зависела от складывающейся международной обстановки, отношений СССР и Германии перед Второй мировой войной, а в послевоенные годы от той государственной политики, которую проводил Советский Союз.

Список источников

1. Немцы России: населенные пункты и места поселения : энцикл. словарь / сост. В. Ф. Дизендорф. М. : ЭРН, 2006. 472 с.
2. Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Potsdam : Deutsches Kulturforum Östliches Europa, 2008. 419 s.

¹ По данным Т. С. Иларионовой, пик репатриации приходился на июль—август 1945 г. [24, с. 79].

3. Dölker Johannes. 125 Jahre Landwirtschaft in Bessarabien. Erinnerungen des Verfassers. Hannover : Oldenbourg, 1974. 141 s.
4. Schmidt U. Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute). Köln : Bohlau Verlag, 2004. 572 s.
5. Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Германии в СССР Вернером фон Шуленбургом 25 июня 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. М. : Международные отношения, 1995. С. 212—213.
6. Об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики : Закон СССР от 2 авг. 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 28. С. 22.
7. О включении Северной части Буковины и Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии в состав Украинской Советской Социалистической Республики : Закон СССР от 2 авг. 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 28. С. 22—23.
8. О восстановлении на территории Бессарабии действия советских законов о национализации земли : Указ Президиума Верховного совета СССР от 15 авг. 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 29.
9. О национализации земли на территории Северной Буковины : Указ Президиума Верховного совета СССР от 15 авг. 1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 29.
10. Кретинин С. В. Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий в 1940—1941 гг. // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортация в СССР и странах Восточной Европы : сб. науч. ст. / Новосибирский национальный исследовательский университет ; отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Вып. 2. Новосибирск : Наука, 2013. С. 24—28.
11. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации лиц немецкой национальности с территорий Бессарабии и Северной Буковины на территорию Германии. 5 сентября 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. М. : Международные отношения, 1995. С. 564—571.
12. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. X. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1937 г. и 21 июня 1941 г. / Министерство иностранных дел СССР. М. : Политиздат, 1955. 243 с.
13. Гольвер А. Южная Бессарабия (Украина/Молдова) и немцы 1841—1940 гг. в Аккермане (Четатея-Алба). Одесса : Optimum, 2018. 344 с.
14. Об образовании Союзной Молдавской Советской Социалистической Республики : Закон СССР от 2 августа 1940 г. // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштама. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 67.
15. Кретинин С. В. Переселение этнических немцев из Бессарабии и Северной Буковины в Германию в 1940—1941 годах : по материалам российских архивов // Новая и новейшая история. 2017. Вып. 1. С. 68—81.
16. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944—1952 гг. : сб. док. : в 2 т. Т. 1. 1944—1946 / Государственный архив Российской Федерации, Германский исторический институт в Москве ; отв. ред. и отв. сост. О. В. Лавинская, В. В. Захаров. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 345.
17. Schmidt U. «Heim ins Reich»? Propaganda und Realität der Umsiedlungen nach dem «Hitler-Stalin-Pakt» // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat. 2009. Bd 26. S. 43—60.
18. Энциклопедия Третьего Рейха / сост. С. Воропаев. М. : ЛОКИД-МИФ, 1996. 548 с.
19. Айсфельд А. А. Вартегау // Немцы России : энцикл. Т. 1: А—И. М. : ЭРН, 1999. С. 321—322.
20. Привалова М. Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940—1970-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 26 с.
21. Шмидт У. Немцы Бессарабии. Национальное меньшинство из Юго-Восточной Европы (с 1814 по наши дни). 2-е изд. Кёльн ; Веймар ; Вена : Бёлау, 2004. С. 364—365.
22. Golwer A. Südbessarabien (Ukraine/Moldau) und Deutsche 1841—1940 in Akkerman (Cetatea-Albă). Wiesbaden, 2014. 392 s.
23. Wagner I. Zur Geschichte der Deutschen in Bessarabien. Mühlacker : Heimatmuseum der Deutschen aus Bessarabien, 1982. 35 s.
24. Иларионова Т. С. Российские немцы в советско-западногерманских послевоенных отношениях: 1945—1961 гг. М. : МИРОС, 2010. 223 с.
25. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии : сб. док. : в 2 т. Т. 2. 1947—1952 / Государственный архив Российской Федерации, Германский исторический институт в Москве ; отв. ред. и отв. сост. О. В. Лавинская, В. В. Захаров. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 834.

26. Маркдорф Н. М. О деятельности международных и российских организаций по поиску без вести пропавших в предвоенные и военные годы родственников и воссоединению семей // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. науч. тр. Вып. XII. Саратов : Амрита, 2020. С. 67—76.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 262.
28. ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 5.
29. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 275.
30. Маркдорф Н. М. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в Западной Сибири : [моногр.]. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. 297 с.
31. Чернышев Василий Васильевич // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР : сайт. URL: [https://nkvd.memo.ru/index.php/Чернышев,_Василий_Васильевич_\(I\)](https://nkvd.memo.ru/index.php/Чернышев,_Василий_Васильевич_(I)) (дата обращения: 12.12.2023).
32. ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 22.
33. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1955 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003. 358 с.
34. ГАРФ. Ф. Р-526. Оп. 6. Д. 275.
35. Архив Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел России по Кемеровской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 11.

References

1. Dizendorf V.F. (ed.) *Nemtsy Rossii: naselennye punkty i mesta poseleniya, entsikl. slovar'* [The Germans of Russia: settlements and places of settlement]. Moscow, ERN, 2006, 472 p.
2. Schmidt U. *Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer* [Bessarabia. German colonists on the Black Sea]. Potsdam, Deutsches Kulturforum Östliches Europa, 2008. 419 s.
3. Dölker Johannes. *125 Jahre Landwirtschaft in Bessarabien. Erinnerungen des Verfassers* [125 Years of agriculture in Bessarabia. Memories of the author]. Hannover, Oldentrup, 1974, 141 p.
4. Schmidt U. *Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute)* [The Germans from Bessarabia. A minority from Southeastern Europe (1814 to the present)]. Koln, Bohlau Verlag, 2004, 572 p.
5. Zapis' besedy narodnogo komissara inostrannykh del V. M. Molotova s poslom Germanii v SSSR Vernerom fon Shulenburgom 25 iyunya 1940 g. [Recording of a conversation between the People's Commissar for Foreign Affairs V. M. Molotov and the German Ambassador to the USSR Werner von Schulenburg on June 25, 1940], *Dokumenty vneshney politiki SSSR. T. 23. Kn. 1. 1 yanvarya — 31 oktyabrya 1940 g.* [Documents of the Foreign policy of the USSR. Vol. 23. Book 1. January 1 - October 31, 1940]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, pp. 212-213.
6. Ob obrazovanii Soyuznoy Moldavskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki [On the formation of the Union Moldavian Soviet Socialist Republic], *Zakon SSSR ot 2 avg. 1940 g., Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1940, no. 28, pp. 22.
7. O vkluchenii Severnoy chasti Bukoviny i Khotinskogo, Akkermanskogo i Izmail'skogo uездov Bessarabii v sostav Ukrainskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki [On the inclusion of the Northern part of Bukovina and Khotyn, Akkerman and Izmail counties of Bessarabia into the Ukrainian Soviet Socialist Republic], *Zakon SSSR ot 2 avg. 1940 g., Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1940, no. 28, pp. 22-23.
8. O vosstanovlenii na territorii Bessarabii deystviya sovetских zakonov o natsionalizatsii zemli [On the restoration of the Soviet laws on the nationalization of land in the territory of Bessarabia], *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR ot 15 avg. 1940 g., Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1940, no. 29.
9. O natsionalizatsii zemli na territorii Severnoy Bukoviny [On the nationalization of land in the territory of Northern Bukovina], *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR ot 15 avg. 1940 g., Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1940, no. 29.
10. Kretinin S.V. Massovoe vyselenie etnicheskikh nemtsev s rumynskikh territoriy v 1940-1941 gg. [Mass eviction of ethnic Germans from Romanian territories in 1940-1941], *Migratsionnye posledstviya Vtoroy mirovoy voyny: deportatsiya v SSSR i stranakh Vostochnoy Evropy* [Migration consequences of the Second World War: deportation in the USSR and Eastern European countries], sb. nauch. st., Issue 2. Novosibirsk, Nauka, 2013, pp. 24-28.
11. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Germanii ob evakuatsii lits nemetskoy natsional'nosti s territoriy Bessarabii i Severnoy Bukoviny na territoriyu Germanii. 5 sentyabrya 1940 g. [Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of Germany on the evacuation of persons of German nationality from the territories of Bessarabia and Northern Bukovina to the territory of Germany. September 5, 1940], *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign policy

- of the USSR. Vol. 23. Book 1. January 1 — October 31, 1940*], vol. 23. book 1. 1 January — 31 October 1940. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, pp. 564-571.
12. *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Issue X. Deystvuyushchie dogovory, soglasheniya i konventsii, vstupivshie v silu mezdu 1 yanvarya 1937 g. i 21 iyunya 1941 g.* [A collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue X. Current treaties, agreements and conventions that entered into force between January 1, 1937 and June 21, 1941.]. Moscow, Politizdat, 1955, 243 p.
 13. Gol'ver A. *Yuzhnaya Bessarabiya (Ukraina/Moldova) i nemtsy 1841—1940 gg. v Akkermane (Chetatiya-Alba)* [Southern Bessarabia (Ukraine/Moldova) and the Germans of 1841-1940 in Akkerman (Cetatiya-Alba)]. Odessa, Optimum, 2018, 344 p.
 14. Mandel'shtam Yu.I. (ed.) *Ob obrazovanii Soyuznoy Moldavskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki* [On the formation of the Union Moldavian Soviet Socialist Republic], *Zakon SSSR ot 2 avgusta 1940 g., Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. — iyul' 1956 g.* [Collection of Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 - July 1956]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956, pp. 67.
 15. Kretinin S.V. *Pereselenie etnicheskikh nemtsev iz Bessarabii i Severnoy Bukoviny v Germaniyu v 1940—1941 godakh: po materialam rossiyskikh arkhivov* [The resettlement of ethnic Germans from Bessarabia and Northern Bukovina to Germany in 1940-1941: based on the materials of the Russian archives], *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 2017, issue 1, pp. 68-81.
 16. Lavinskaya O.V., Zakharov V.V. (eds.) *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoy territorii Germanii, 1944—1952 gg.* [Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany, 1944-1952], sb. dok., in 2 vol., vol. 1. 1944—1946. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019, p. 345.
 17. Schmidt U. "Heim ins Reich"? Propaganda und Realität der Umsiedlungen nach dem "Hitler-Stalin-Pakt" ["Home to the kingdom"? Propaganda and reality of resettlements after the "Hitler-Stalin Pact"], *Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat* [Journal of the SED-Staat Research Association], 2009, Bd 26, pp. 43-60.
 18. Voropaev S. (ed.) *Entsiklopediya Tret'ego Reykha* [Encyclopedia of the Third Reich]. Moscow, LOKID-MIF, 1996, 548 p.
 19. Aysfel'd A.A. Vartegau [Wartegau], *Nemtsy Rossii* [The Germans of Russia], entsikl, vol. 1: A—I. Moscow, ERN, 1999, pp. 321-322.
 20. Privalova M.Yu. *Sovetskie nemtsy-repatrianty v natsional'noy politike SSSR v 1940—1970-e gg.* [Soviet Germans-repatriates in the national policy of the USSR in the 1940s and 1970s.], Cand. hist. sci. diss. Abstr. Saratov, 2008, 26 p.
 21. Shmidt U. *Nemtsy Bessarabii. Natsional'noe men'shinstvo iz Yugo-Vostochnoy Evropy (s 1814 po nashi dni)* [The Germans of Bessarabia. A national minority from Southeastern Europe (from 1814 to the present day)], ed. 2. Kel'n, Veymar, Vena, Belau, 2004, pp. 364-365.
 22. Golwer A. *Südbessarabien (Ukraine/Moldau) und Deutsche 1841—1940 in Akkerman (Cetateal-Albă). Wiesbaden* [Southern Bessarabia (Ukraine/Moldova) and Germans 1841-1940 in Akkerman (Cetateal-Albă)], 2014, 392 p.
 23. Wagner I. *Zur Geschichte der Deutschen in Bessarabien* [The history of the Germans in Bessarabia]. Mühlacker, Heimatmuseum der Deutschen aus Bessarabien, 1982, 35 p.
 24. Ilarionova T.S. *Rossiyskie nemtsy v sovetsko-zapadno germanskikh poslevoennykh otnosheniyakh: 1945—1961 gg.* [Russian Germans in Soviet-West German post-war relations: 1945-1961]. Moscow, MIROS, 2010, 223 p.
 25. Lavinskaya O.V., Zakharov V.V. (eds.) *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoy territorii Germanii* [Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany], sb. dok. In 2 vol., vol. 2. 1947—1952. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019, p. 834.
 26. Markdorf N.M. *O deyatelnosti mezhdunarodnykh i rossiyskikh organizatsiy po poisku bez vesti propavshikh v predvoennyye i voennyye gody rodstvennikov i vossoedineniyu semey* [On the activities of international and Russian organizations in the search for missing relatives in the pre-war and war years and family reunification], *Problemy rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian civilization and methods of teaching history], sb. nauch. tr. Issue XII. Saratov, Amirit, 2020, pp. 67-76.
 27. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. P-9479, aids. 1, fol. 262.
 28. *GARF*, coll. P-9408, aids. 1, fol. 5.
 29. *GARF*, coll. P-9526, aids. 6, fol. 275.

30. Markdorf N.M. *Voennoplennyye i internirovannyye Vtoroy mirovoy voyny v Zapadnoy Sibiri* [Prisoners of war and internees of the Second World War in Western Siberia], [monogr.]. Novosibirsk, Publ. NGPU, 2012, 297 p.
31. Chernyshev Vasil'y Vasil'evich [Chernyshev Vasily Vasilyevich], *Kadrovyy sostav organov gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR* [Personnel of the state security bodies of the USSR], sayt. Available at: [https://nkvd.memo.ru/index.php/Chernyshev,_Vasil'y_Vasil'evich_\(I\)](https://nkvd.memo.ru/index.php/Chernyshev,_Vasil'y_Vasil'evich_(I)) (accessed: 12.12.2023).
32. GARF, coll. P-9526, aids. 6, fol. 22.
33. Belkovets L.P. *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941—1955 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [The administrative and legal situation of Russian Germans in the special settlement of 1941-1955: a historical and legal study]. Novosibirsk, Publ. SO RAN, 2003, 358 p.
34. GARF, coll. P-526, aids. 6, fol. 275.
35. *Arkhiv Informatsionnogo tsentra Glavnogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossii po Kemerovskoy oblasti* [Archive of the Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Kemerovo region], coll. 5, aids. 1, fol. 11.

Информация об авторе

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Information about the author

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Исследование феномена вынужденной миграции

Научная статья
УДК 94(8)–054.72(=122.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-48-52

Миграция поволжских немцев в Южную Америку

Валерий Валериевич Мевнус

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация, vmevius@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные южноамериканские направления миграции поволжских немцев во второй половине XIX в., а также причины, побуждавшие принимать нелегкое решение мигрировать на другой конец света. Уделяется внимание характеристике этих направлений, дается оценка взаимоотношений южноамериканских государств и колонистов. Рассматриваются три латиноамериканских государства, принявших переселенцев: Бразилия, Аргентина и Парагвай. Государственная политика этих стран была направлена на привлечение новых граждан для экономического развития. Для Парагвая это станет фактором сохранения государственности и нации, выживаемости на мировой арене. Правительства этих стран вели активную агитационную деятельность за рубежом. В это же время в Российской империи происходили процессы (как экономические, так и внутриполитические), вынуждающие к миграции часть населения немецкого Поволжья. Таким образом, судьбы и интересы немцев Поволжья и новообразованных южноамериканских государств пересеклись в конце XIX в.

Ключевые слова: миграционный процесс, поволжские немцы, колонисты Поволжья, Южная Америка, формирование наций

Для цитирования: Мевнус В. В. Миграция поволжских немцев в Южную Америку // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 48—52. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-48-52.

Investigation of the phenomenon of forced migration

Original article

Migration of Volga Germans to South America

Valeriy V. Mevius

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, vmevius@mail.ru

Abstract. The article examines the main South American trends of migration of Volga Germans in the second half of the XIX century, as well as the reasons that prompted the difficult decision to migrate to the other side of the world. Attention is paid to the characteristics of these areas, and an assessment of the relationship between South American states and colonists is given. Three Latin American States that have accepted immigrants are considered: Brazil, Argentina and Paraguay. The state policy of these countries was aimed at attracting new citizens for economic development. For Paraguay, this will be a factor in preserving statehood and nationhood, and survival on the world stage. The Governments of these countries have been actively campaigning abroad. At the same time, processes (both economic and political) were taking place in the Russian Empire, forcing part of the population of the German Volga region to migrate. Thus, the destinies and in-

terests of the Volga Germans and the newly formed South American states intersected at the end of the XIX century.

Keywords: migration process, Volga Germans, colonists of the Volga region, South America, formation of nations

For citation: Mevius V.V. Migration of Volga Germans to South America. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):48—52. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-48-52.

Латиноамериканские страны получили независимость в результате национально-освободительных войн в начале XIX в. Одной из основных предпосылок для начала борьбы за независимость от испанской короны был ряд запретов и налогов, значительно тормозивших экономическое развитие Южной Америки. После получения суверенитета Бразилия экономически выгодно выделялась на фоне соседей. В середине века все новообразованные страны стали втягиваться в мировой рынок, чему способствовал в том числе и приток иммигрантов, обеспечивающих страну рабочими руками. Поток переселенцев из Европы заметно возрастал. В Аргентину с 1857 по 1909 г. переселилось 3 699 180 человек, в Бразилию с 1835 по 1905 гг. — 2 492 000 человек. Из них российские переселенцы в Аргентину составили 106 114 человек, в Бразилию — 40 165 человек [1, с. 137]. Но рабочих рук, особенно квалифицированных, Латинской Америке все равно не хватало. Для решения проблемы нехватки кадров в этих государствах была создана правовая база для упрощенного получения гражданства, а также началась агитационная работа.

Кроме того, вторая половина XIX в. была богата на внутренние события в Российской империи. Отмена крепостного права и последующее выравнивание прав новых категорий граждан вылилось в изменение колониистской политики. Указ Александра II от 4 июня 1871 г. отменил колониистский статус немцев и его соответствующие атрибуты — освобождение от гражданской и военной службы, налоговые привилегии. Бывшие колонисты получали статус поселян-собственников, как и освобожденные от крепостного права крестьяне. Началась некоторая русификация немецких колоний. При несогласии с действующей политикой переселенцы получали право в течение 10 лет покинуть Россию [2, с. 516–517]. Многие поволжские немцы воспользовались этим правом, миграция, приобретшая массовый характер, затянулась вплоть до начала Первой мировой войны. Сплетение внешних и внутренних событий определит судьбы части ищущих новое пристанище поволжских немцев.

Цель статьи — выявить основные направления миграции поволжских немцев в Южную Америку и причины выбора именно этих направлений.

Если не учитывать миграцию в Германию, то в основном поволжские эмигранты направлялись в Северную Америку (США, Канада, Мексика) и лишь небольшая их часть оседала в Южной Америке (Аргентина, Бразилия, Парагвай). Регионы переселения зависели, как правило, от вероисповедания колонистов. По сообщению одного из земских начальников Камышинского уезда, большая часть немцев-католиков держала курс в Южную Америку и лишь единицы — в Северную (США). Однако имелись и некоторые исключения, когда лютеранское население поволжских колоний направлялось в католические Мексику или Бразилию. «Поздние» эмигранты селились в местах проживания их родственников или знакомых, ранее выехавших из России. Первый поток немецких эмигрантов из Нижнего Поволжья в Бразилию и Аргентину был отмечен в 1876 г.

Примечателен следующий факт: изначально приоритетным направлением являлась Бразилия, но условия жизни там оказались хуже, чем в соседней Аргентине, что привело либо к возвращению переселенцев в Россию, либо переезду в Аргентину. Постепенно аргентинское направление стало самым массовым в южноамериканском регионе [1, с. 137].

Считается, что первыми прибыли в Южную Америку, а именно в Бразилию, колонисты из Саратовской и Самарской губерний. В 1876 г. они основали

колонию в Бразилии в провинции Риу-Гранди-ду-Сул, недалеко от города Порту-Алегри. Общая численность их составляла 9 000 человек. Но переселенцы задержались на этих территориях примерно на полтора года, вскоре они перебрались в Аргентину. Внутренняя миграция по Южной Америке произошла в связи с тем, что географические условия не позволяли колонистам выращивать на землях Бразилии привычную для них пшеницу [4, с. 73].

В 1876 г., 20 сентября, пароход «Аргентина» привез в Бразилию первых 53 колониста из степной зоны Поволжья, 6 октября 1876 г. на пароходе «Вальпараисо» отбыло 78 колонистов, 19 декабря 1876 г. на судне «Буэнос-Айрес» — 197 человек. Всего за период с 20 сентября 1876 г. по 6 августа 1878 г. на 16 гамбургских кораблях отплыли 2 633 поволжских немца. При этом принадлежность к религии была установлена у 2 607 переселенцев, у 26 человек это не было сделано, так как не была выявлена колония, в которой они проживали до переселения [4, с. 73].

Массовая эмиграция из России в Южную Америку началась в конце 1870-х гг. Как упоминалось, приоритетным направлением стала Аргентина. Первые семьи немцев из Поволжья, прибывшие сюда в 1877 г., основали в 1878 г. колонию Санта-Мария-де-Инохо в провинции Буэнос-Айрес, которую они называли Каменка в честь одноименного немецкого села под Саратовом.

Столкнувшись в Бразилии с бедственным положением большинства местного населения и бездействием властей, ограниченностью плодородных почв и суровым климатом, в 1877 г. немецкие колонисты обратились к аргентинскому правительству с целью обсуждения возможности переселения в Аргентину. В результате переговоров аргентинская сторона взяла на себя обязательство финансового обеспечения переселения и создания необходимых для жизни условий. Исследователь Е. В. Ананян обратила внимание на тот факт, что в документах переговоров есть четкое разделение на поволжских и южных (украинских) немцев [1, с. 119].

Договоренность с аргентинскими властями дала начало постепенному переселению поволжских немцев из Бразилии в Аргентину. В период с 1878 по 1908 г. ими было основано 10 поселений в провинции Буэнос-Айрес и 22 — в провинции Энтре-Риос. Эти колонии на протяжении долгих лет оставались земледельческими и в известной степени изолированными. Жители маленьких сельских общин, немецкоязычные протестанты и католики, практически не имели поводов для контактов с остальными уроженцами Российской империи, проживающими в Аргентине. Посещавший Аргентину в середине 1880-х гг. Александр Семенович Ионин писал: «Странно сказать, а самый лучший колонизаторский элемент доставила Аргентинской Республике Россия, хотя и косвенно» [3, с. 243].

Немецкие колонисты, обосновавшись в Аргентине, подписали в сентябре 1877 г. проект договора с начальником Департамента иммиграции, который впоследствии был одобрен конгрессом республики. В проекте договора говорилось в том числе и о причине их нахождения в Аргентине: климат и лесистая местность Бразилии для них оказались трудно переносимыми, что и заставило их переехать [1, с. 119].

В связи с подписанием проекта генеральный комиссар по делам иммиграции от имени Аргентинской Республики взял на себя обязанности контроля соблюдения прав переселенцев: права на свободу совести, гарантируемого конституцией республики; права на местное самоуправление (на участие в органах самоуправления) и защиту своих прав в суде. Государство также гарантировало свободу выбора профессии. Переселенцам предоставлялась земля. Практически все эти привилегии были аналогичны привилегиям, предоставленным колонистам Екатериной II в России в конце XVIII в. Все дети в обязательном порядке и взрослые по желанию прививались от оспы [1, с. 120].

Благодаря подписанию данного документа каждая семья получала лес для постройки дома, плуг, лопаты, скот. Им также были предоставлены льготы по выплате долга: отдавать долг государству колонисты должны были в течение пяти лет, начиная с конца третьего года. Ответственность за взятые кредиты несла как каждая семья, так и община в целом. Главным условием проживания немцев на территории страны, поставленным аргентинским правительством, стало основание в каждом поселении школы с преподаванием испанского языка.

Отдельным местом расселения немцев-мигрантов стал Парагвай. Государство расположено в центре материка и не имеет выхода к морю, соответственно и попасть туда можно было уже из ранее заселенных стран. Парагвай расположен между Аргентиной и Бразилией, поэтому путь немецких колонистов из Бразилии в Аргентину пролегал через территорию этой страны, некоторые из них оседали здесь. Вдоль реки Параны, важной транспортной артерии, протекающей по территории всех трех государств, немецкие колонисты основывали свои поселения.

Массовой миграции немецких колонистов предшествовала Парагвайская война — война Бразилии, Уругвая и Аргентины (так называемого Тройственного союза) против Парагвая (1864—1870). Она шла пять лет и ее итогом стал полный разгром Парагвая. По различным оценкам, население Парагвая сократилось с довоенных 1,3 млн до 220—520 тыс. в 1871 г. [5, с. 824]. У государства не было выбора, кроме как любыми средствами пытаться привлечь в страну любых переселенцев, чем оно и занималось.

Важным фактором, способствовавшим началу путешествия в малознакомые и удаленные государства, стала пропаганда. Документальные материалы свидетельствуют о существенной роли агитационной работы среди российского населения за выезд в Америку, проводимой различными пароходствами, конторами, компаниями и частными лицами. Так, зимой 1875—1876 гг. по колониям проезжали представители Бременского и Гамбургского пароходств и предлагали услуги проезда через Атлантический океан тем, кто располагал достаточными средствами. Наибольшую активность проявил прусский подданный Митцдорф, который в 1876—1877 гг. приезжал в Саратовскую и Самарскую губернии несколько раз. Известно также, что в колонии приходили письма от агентов иностранных государств с приглашением к переселению.

Кроме того, в среде колонистов появились люди, которые зарабатывали на оформлении документов и этим стимулировали эмиграционные процессы в немецких колониях Поволжья. Так, Андрей Миллер, вернувшийся из Бразилии в феврале 1877 г., ездил по немецким колониям Саратовской и Самарской губерний и обещал бесплатно доставить колонистов, желающих эмигрировать, из Гамбурга в Бразилию. Впоследствии выяснилось, что он являлся агентом бразильского правительства и за каждого колониста получал вознаграждение.

Еще одной причиной для эмиграции в Южную Америку являлось то, что путешествие в Южную Америку было дешевле и врачебный контроль был не так строг, как при переселении в США.

В начале 1876 г. поселяне-собственники из колонии Голый Карамыш Саратовской губернии Александр Райе и Генрих Шейдеманн, подлежавшие призыву в армию в ближайший год, обратились в бразильское консульство в Петербурге, прося уведомить, не согласно ли оно принять выселяющихся из России колонистов на тех же условиях, на каких они были приняты императрицей Екатериной II. Посольство письмом за подписью барона Альгандра «известило означенных выше поселян, что Бразильское правительство готово их принять и приглашает в Петербург четырех депутатов, которые могут съездить в Бразилию и ознакомиться с ситуацией на месте за счет Бразильского правительства» [1, с. 110]. Письмо было распростра-

нено по уездам и вызвало большой резонанс: целые села изъявляли желание переселиться в Южную Америку.

Подводя итоги, отметим, что поволжские немцы в Южной Америке заселяли в первую очередь восточную часть материка. Обусловлено это в первую очередь заинтересованностью самих государств этого региона — Аргентины и Бразилии. Для привлечения переселенцев была создана законодательная база, регулирующая создание благоприятных условий для начала их работы, а также велась агитационная работа. Выбор переселенцами для проживания региона с наиболее благоприятным географическим положением способствовал их размещению в разных государствах южноамериканского континента. Впрочем, ожидания колонистов в связи с обещанными условиями оправдывались не всегда.

Впоследствии немецкие колонисты станут одной из составляющих формирующихся южноамериканских наций и подвергнутся местному «плавному котлу наций». При этом они смогут сохранить свою национальную идентичность в том или ином виде до наших дней.

Список источников

1. Ананян Е. В. Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты : автореф. дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02. Волгоград, 2004. 172 с.
2. Правила устройства поселян-собственников (бывших колонистов), утвержденные Александром II (1871) // Немцы в истории России. 1652—1917: документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917. М., 2006. 784 с.
3. Ионин А. С. По Южной Америке : в 2 т. СПб. : Обществ. польза, 1896. Т. 2. 462 с.
4. Путятова Э. Г. Колонии российских немцев в Южной Америке в конце XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 12 (84). С. 72—78.

References

1. Ananyan E.V. *Emigratsiya nemtsev Povolzh'ya v Ameriku v 70-e gody XIX v.: predposylki, prichiny i rezul'taty* [Emigration of Volga Germans to America in the 70s of the XIX century: prerequisites, causes and results], Cand. hist. sci. diss. Abstr. Volgograd, 2004, 172 p.
2. *Pravila ustroystva poselyan-sobstvennikov (byvshikh kolonistov), utverzhdennye Aleksandrom II (1871)* [The rules of the settlement-owners (former colonists), approved by Alexander II (1871)], *Nemtsy v istorii Rossii. 1652—1917: dokumenty vysshikh organov vlasti i voennogo komandovaniya. 1652—1917* [Germans in the history of Russia. 1652-1917: documents of the highest authorities and military command. 1652—1917]. Moscow, 2006, 784 p.
3. Ionin A.S. *Po Yuzhnoy Amerike* [In South America], in 2 vol. St. Petersburg, Obshchestv. pol'za, 1896, vol. 2, 462 p.
4. Putyatova E.G. *Kolonii rossiyskikh nemtsev v Yuzhnoy Amerike v kontse XIX veka* [Colonies of Russian Germans in South America at the end of the XIX century], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. Social sciences and Humanities], 2008, no. 12 (84), pp. 72-78.

Информация об авторе

Мевнус Валерий Валериевич — магистрант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: vmevius@mail.ru

Information about the author

Valeriy V. Mevius — Master's Student, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation. E-mail: vmevius@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

Исследование феномена вынужденной миграции

Научная статья
УДК 94(7)-054.7(=111)+94(417)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-53-62

Трансатлантическая миграция ирландских католиков в период Великого голода

Алиса Михайловна Любченко

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация,
alisalyubchenko777@gmail.com

Аннотация. Предпосылки массовой миграции ирландцев возникли еще в XVII в. ввиду жестокой колониальной политики Великобритании. В XIX в. эмиграция ирландских католиков достигла своего пика, вследствие чего население Ирландии сократилось вдвое. Автор анализирует причины Великого голода (1845—1849) и его последствия, приведшие к массовой трансатлантической миграции. Рассмотрены факторы последующей адаптации ирландских католиков, институциональной, культурной стигматизации и дискриминации иммигрировавших ирландцев со стороны местного населения в Северной Америке. Укрепление ирландской диаспоры посредством формирования профсоюзного и националистического движений в Америке сыграло важнейшую роль в предоставлении помощи на борьбу за независимость Ирландии. Автор приходит к выводу, что тяжелый путь эмиграции ирландцев в Новом Свете во многом послужили националистическим катехизисом для последующих поколений по обе стороны океана.

Ключевые слова: Ирландия, миграционные процессы, эмиграция, ирландские католики, ассимиляция, дискриминация, Америка

Для цитирования: Любченко А. М. Трансатлантическая миграция ирландских католиков в период Великого голода // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 53—62. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-53-62.

Investigation of the phenomenon of forced migration

Lyubchenko A.M.
Original article

Transatlantic migration of Irish Catholics during the Great Famine

Alisa M. Lyubchenko

Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation,
alisalyubchenko777@gmail.com

Abstract. The prerequisites for the mass migration of the Irish arose in the XVII century, due to the brutal colonial policy of Great Britain. In the 19th century, the emigration of Irish Catholics reached its peak, as a result of which the population of Ireland was halved. The author analyzes the causes of the Great Famine (1845-1849) and its consequences, which led to massive transatlantic migration. The factors of the subsequent adaptation of Irish Catholics, institutional, cultural stigmatization and discrimination of Irish immigrants by the local population in North America are considered. The strengthening of the Irish diaspora through the formation of trade union and nationalist movements in America has played a crucial role in providing assistance for the struggle for independence of Ireland.

The author concludes that the difficult path of Irish emigration in the New World largely served as a nationalist catechism for subsequent generations on both sides of the ocean.

Keywords: Ireland, migration processes, emigration, Irish Catholics, assimilation, discrimination, America

For citation: Lyubchenko A.M. Transatlantic Migration of Irish Catholics During the Great Famine. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):53—62. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-53-62.

Понятие трансатлантической миграции прочно укоренилось в ирландской культуре. Значительное количество работ в зарубежной историографии посвящено ирландской эмиграции периода Великого голода. Для всестороннего анализа этой проблемы следует выделить фундаментальный труд историка Керби Миллера, охватывающий два с половиной столетия (XVII в. — начало XIX в.) [1]. Миллер в своей работе уделяет внимание анализу восприятия ирландской эмиграции по обе стороны Атлантики. Автор констатирует, что представители самых разных социальных классов, эмигрировавшие с острова, были склонны интерпретировать эмиграцию скорее как изгнание, чем добровольный отъезд.

Представляет интерес выдающаяся работа Сесила Вудэм-Смита [2], в которой он проводит глубокий анализ причин и последствий Великого голода для ирландского народа. Особое внимание в книге уделяется реакции британского правительства на голод и его политике невмешательства, которое в конечном счете привели к величайшей трагедии в ирландской истории.

В работах Макдонага [3] и О'Града [4] опубликованы подробные статистические данные, характеризующие масштаб эвикации, а также уровень смертности в рассматриваемый период.

Изучая процесс ассимиляции ирландских эмигрантов, стоит выделить труды таких историков, как Кларк [5] и Нобель [6], которые отразили ирландский опыт сложной адаптации в американском обществе.

Апогей эмиграции ирландского населения пришелся на период Великого голода (1845—1849), унесшего более миллиона жизней людей, проживавших на острове. Однако задолго до этого периода католическая Ирландия имела горький опыт массового отъезда в результате безуспешного сопротивления английскому господству.

Несмотря на то, что история колонизации Ирландии начинается в XII в. — с вторжения англо-нормандских завоевателей, именно английская Реформация Генриха VIII породит ожесточенный этнорелигиозный конфликт длиной в столетия. Противостояние католиков и протестантов является лейтмотивом англо-ирландских отношений, в которых Ирландия стала жертвой британского колониализма.

Эпоха Ирландии как полноценной британской колонии начинается с длинной серии британо-ирландских войн с 1640 по 1691 г. Особое внимание в ирландской историографии уделено эпохе зверств Кромвеля, наиболее драматичной для ирландцев-католиков. Как утверждает историк Беррисфорд, только с 1641 по 1652 г. умерло 616 000 человек; в последующие несколько лет еще 140 000 эмигрировали или были перевезены [7].

Стоит отметить, что XVII в. стал кульминацией окончательного укрепления в католической Ирландии системы социального, политического и экономического контроля английской короны, известного как протестантское господство.

Существенно ухудшил положение католического населения принятый британцами в 1691 г. свод уголовных законов *Penal laws*, запрещающих ирландским католикам получать образование, покупать землю, голосовать и занимать государственные должности. Такие жестокие институциональные меры, связанные с экономическим разорением и религиозными преследованиями, подвигли огромное количество ирландцев выбрать путь эмиграции. Как отмечает исследователь Миллер Керби, примерно между

1750 и 1844 гг., т. е. в течение столетия, предшествовавшего Великому голоду, около 1,5 миллионов мужчин и женщин уехали из Ирландии в Северную Америку [1, р. 44]. Значительным фактором эмиграции стала система лендлордизма, при которой крестьяне-арендаторы обрабатывали мелкие участки земли на основе краткосрочной аренды. В условиях роста населения и его зависимости от земледелия спрос на землю повышался, что побуждало лендлордов увеличивать арендную плату. Новые требования вынуждали большое число фермеров, ремесленников и сельских рабочих покинуть Ирландию в поисках избавления от неизбежной катастрофы.

Главной причиной высокой эмиграции ирландцев, как утверждают историки, является голод 1845—1849 гг., вызванный массовым заражением картофельных посевов. Важно отметить, что с начала XIX в. подобные катастрофы были широко распространены. С 1816 по 1842 г. в разных частях Ирландии случилось четырнадцать полных или частичных неурожаев, в результате которых возникала острая нехватка продовольствия. Есть основание полагать, что Ирландия к середине XIX в. остро нуждалась в земельной реформе, которую британское правительство целенаправленно откладывало во избежание автономности ирландского крестьянства. К началу 1840-х гг. примерно три четверти населения сельской Ирландии полностью зависели от своих ежегодных урожаев картофеля. Повсеместный четырехлетний голод сопровождался болезнями, такими как лихорадка, тиф и оспа, которые, по подсчетам историков, были доминирующей причиной смерти [1, р. 59]. Только с 1845 по 1851 г. на острове умерло от 1,1 до 1,5 миллионов человек [1, р. 67]. В то время как ирландцы гибли от голода, продолжался экспорт ирландского зерна, мяса крупного рогатого скота и других продуктов питания для снабжения британских рынков, что ярко иллюстрирует политическое и экономическое подчинение Ирландии британским интересам. Хотя экспортируемые продукты питания не могли компенсировать весь уничтоженный урожай картофеля, благотворительная раздача еды могла бы спасти несколько сотен тысяч жизней в ужасную зиму 1846—1847 гг. Учитывая сказанное, есть основание заявлять, что сильный голод был обусловлен некомпетентным правлением британских властей, повальной бедностью и репрессиями, которые заложили в стране предпосылки для последующей катастрофы.

С середины XIX в. Ирландия вступила в фазу острого демографического кризиса, когда убыль населения не прекращалась на протяжении целого столетия. Самый верный способ спасения от голода ирландцы видели в эмиграции в Новый Свет. Данная тенденция сохранялась на протяжении всех голодных лет, притом с каждым годом численность судов, отправляющихся в американские порты, стремительно возрастала. Так, например, во время «Черного 47-го» в США уехали 120 000 эмигрантов, в Канаду отправились 100 000 человек. В следующем году канадские власти ввели более строгие иммиграционные требования и в Канаду въехали 23 000 человек, а в США — 156 000. Как отмечает историк Персивал, пик эмиграции ирландцев в Канаду пришелся на 1847 г., тогда как для Соединенных Штатов в это время он был впереди [8, р. 138].

Ирландцы, отправившиеся в эмиграцию, спасаясь от голода, столкнулись с ужасами перехода через Атлантику. Пересекая океан на лодках, *Coffin ships* (корабли-гробницы), многие эмигранты погибли во время плавания. Ряд авторов констатируют, что в 1847 г. около 17 000 человек погибли в пути и еще 20 000 умерли после прибытия в Новый Свет из-за инфекционных болезней, подхваченных на борту [9].

Эмигранты, покидающие остров в голодные годы, как правило, были беднее, чем те, кто отправился в путь до «картофельной болезни». Большему, чем когда-либо прежде, числу эмигрантов требовалась финансовая помощь, чтобы пересечь океан. Обычно такая помощь поступала от род-

ственников из-за границы. Первыми эмигрантами в Великий голод были мужчины, и как только у них появлялась возможность, они отправляли заработки в Ирландию, чтобы перевезти свои семьи в Соединенные Штаты. Эта модель миграции группами, которая существует и по сей день, называется «цепной миграцией». Согласно подсчетам историка Арнольда Шрайера, в конце XIX в. ирландцы из Америки отправили в Ирландию более 260 млн долл. Историк Деннис Кларк назвал это «величайшей трансатлантической филантропией XIX в.» [10, р. 54]

В предоставлении помощи ирландцам британские власти отличились особым безразличием и бездействием. Когда лорду Элгину, генерал-губернатору Канады, было предложено использовать благотворительные средства из британского казначейства для вывоза из Ирландии семей, его начальник в Лондоне Чарльз Тревелиян, директор программы британского правительства по оказанию помощи ирландцам, отклонил данное предложение. Британские чиновники были обеспокоены чрезмерной благотворительностью. Тревелиян писал: «Великое зло, с которым нам приходится бороться, — это не физическое зло голода, а моральное зло эгоистичного, извращенного и беспокойного характера ирландского народа» [10, р. 29].

Ввиду открытого пренебрежения английского правительства к ирландским католикам трудно не согласиться с мнением большинства эмигрировавших ирландцев, которые описывали себя не как добровольных эмигрантов, ищущих возможности, а «невольными изгнанниками, вынужденными покинуть Ирландию из-за британской тирании» [11, р. 296].

Таким образом, мы видим, что совокупность социально-экономических, политических, конфессиональных факторов предопределила исход событий, с которым ирландский народ столкнулся в период Великого голода.

При анализе процесса адаптации ирландских иммигрантов в США необходимо провести различие между католиками и протестантами, поскольку их опыт существенно различался. Ирландские протестанты (многие из них были ирландскими шотландцами — колонистами в Северной Ирландии) сталкивались с меньшей дискриминацией и, как правило, приезжали в Новый Свет, имея навыки работы и немного денег. Мы же продемонстрируем этот процесс для миллионов ирландских иммигрантов-католиков.

Стоит отметить, что к началу XX в. ирландцы сумели занять видное место в американском сельском хозяйстве, бизнесе, культуре, а также в рабочем движении и политике. Значительный вклад внесли ирландцы в американскую литературу, стоит только вспомнить таких выдающихся писателей, как Юджин О'Нил и Скотт Фицджеральд. В 1920-х гг. Эл Смит и Уильям Грин были среди самых влиятельных фигур в демократической партии Америки. Кульминацией принятия ирландцев в американское общество, по мнению самих ирландцев, стало избрание в 1960 г. президентом США Джона Фицджеральда Кеннеди, правнука католика — иммигранта из графства Уэксфорд, умершего от холеры в трущобах Бостона [8, р. 159]. Однако процесс достижения равного с американцами положения в обществе стоил ирландским иммигрантам немалых усилий.

Большинство ирландцев, эмигрировавших в годы Великого голода, начинали новую жизнь в Америке в надежде избежать той нищеты и унижительного отношения, с которыми они сталкивались на родине. Ввиду финансовой несостоятельности многие бедные иммигранты поселялись там, где находили работу, в основном в промышленных городах, таких как Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон и Чикаго. Многоквартирные дома, в которых они жили, часто располагались в трущобах на окраине города (так называемые Пэддитаун, или Маленький Дублин). Антисанитарные условия ирландских гетто приводили к распространению заболеваний, таких как тиф, туберкулез и пневмония, унесших тысячи жизней. В 1857 г. около 85 % людей, поступивших в больницы Нью-Йорка, были ирландскими им-

мигрантами. Показатели младенческой смертности среди ирландцев были самыми высокими в стране [12, p. 299].

Подавляющее большинство ирландских католиков столкнулись с жесточайшей институциональной и культурной стигматизацией и эксплуатацией в Соединенных Штатах. Прибывая в места назначения, ирландцы составляли там основную долю рабочей силы. Не имевшие пути назад, они были менее прихотливыми, и более мобильными, чем местные жители, а их труд — более дешевым. Сельское происхождение и отсутствие навыков работы на производстве не уменьшали их полезности в качестве чернорабочих, строителей или шахтеров на угольных месторождениях [13, p. 32]. Почти каждая работа, предлагаемая ирландским иммигрантам в этих секторах, включала неквалифицированный труд, нечеловеческие условия, невыполнимые коренными жителями задачи. Как прокомментировал историк Деннис Кларк: «Были ли это женщины-служанки или мужчины, работавшие на сталелитейных заводах, эти люди подвергались самой жестокой эксплуатации в то время, когда у американского капитализма не было правителей и никаких ограничений». Эксплуатация ирландцев американским обществом была основана на фундаментальном предубеждении против них не только как работников, но и людей [5].

Действительно, ирландские иммигранты столкнулись с фанатизмом и ненавистью со стороны местных протестантов. Квалифицированные и неквалифицированные ирландские рабочие все больше конкурировали (за рабочие места и жилье) с жителями городов, принадлежавшими к более раннему, в основном англосаксонскому поколению поселенцев, чувствовавших себя наиболее уязвимыми. Постоянно возрастающий приток иммигрантов и последующий рост католической церкви усугубляли нарастающие опасения за экономическую и политическую стабильность, а также за культурную однородность Америки. Ранний американский республиканизм основывался на оптимистическом предположении, что благодаря революции и демократическим институтам Америки «равные возможности» и «равные права» не будут противоречить друг другу и создавать новые «аристократии», подобные тем, которые были свергнуты в 1776 г. [14]. В англо-американском сознании католическая церковь небезосновательно ассоциировалась с монархизмом Старого Света, который, как считали многие американцы-протестанты XIX в., серьезно угрожал процветанию демократических институтов и ценностей республики.

Враждебность по отношению к ирландцам в Америке середины XIX в. была чем-то большим, чем проявление национализма, враждебного всему неамериканскому. В течение 1850-х гг. неприязнь к ирландским католикам приобрела национальные масштабы, оформившись в нативистскую Американскую партию. Ее членов стали называть «ничего не знающими», так как они держали программу своей организации в секрете. Это была одна из ведущих организаций, продемонстрировавшая антиирландские, антикатолические и антииммигрантские настроения. Риторика нативистов увековечивала стереотип, который сводил этническое поведение к характеру, а сам характер — к воспитанию. Для нативистов религия и обычаи были одними из главных воспитателей характера, и все, кто нес на себе отпечаток иностранного учения или привычки, могли ожидать, что их идентичность окажется под угрозой. Платформа Американской партии в 1855 г. гласила: «Только американцы должны управлять Америкой, американцы по „рождению“, американцы по „образованию“, американцы по „воспитанию“» [15, p. 38].

Нативистские организации инициировали институционализацию оскорбительных различий между «туземцами» и «иностранцами» в законодательстве, а также пересмотр требований штата к нормам голосования и занятия должностей, исключив эти возможности для определенных катего-

рий иммигрантов [16, р. 134]. Однако институционализация этнических предрассудков была далеко не единственным методом дискриминации ирландцев. «Ничего не знающие» проводили многочисленные кампании против ирландцев в прессе, изображая их карикатурно, ничуть не менее мерзко, чем в британских газетах. В одном из номеров *Harper's Weekly* опубликован рисунок карикатуриста Томаса Неста, изображающий людей ирландского происхождения обезьяноподобными существами, которые агрессивно избивают местных белых полицейских [17, р. 136]. Образ пьяного, необразованного и незаконопослушного ирландца был доминирующим в американском обществе того времени. Ко всему прочему некоторые работодатели отказывались нанимать ирландских католиков и размещали объявления о найме работников с предупреждением: «Ирландцев на работу не принимаем»¹.

Как отмечают некоторые исследователи, центральным объектом неприязни являлся католицизм, из чего следует, что нативизм был антиирландским только производно. Однако справедливо заметить, что нативисты были настроены не столько против католиков, сколько против иностранцев в целом. Действительно, как заявляют историки, невежество, нетерпимость и, как следствие, бунты, стали нормой для Америки середины XIX в. [18, р. 41] Протестантские и англосаксонские патриотические движения массово развязывали насилие в отношении немецких католических общин и иммигрировавших негров. В ходе беспорядков, пик которых пришелся на 50-е гг., были сожжены многочисленные католические церкви и разрушены дома иммигрантов.

Несмотря на бунты нативистов, до гражданской войны мало кто из американцев был готов делегировать государству полномочия для осуществления жесткой миграционной политики. В обществе, где все еще не хватало рабочей силы, но было много свободного пространства, альтернативой являлось молчаливое согласие с открытой иммиграцией в сочетании с откровенным цинизмом по поводу ее последствий.

В последней трети XIX в. ирландские рабочие, особенно дети иммигрантов, начали осваивать все больше профессий, требующих квалификации. Крупнейшие отрасли промышленности во второй половине XIX в. — горнодобывающая, железнодорожное машиностроение и легкая промышленность — привлекали огромное количество ирландских рабочих. Именно для того, чтобы защитить себя от опасных условий труда и экономической нестабильности, ирландский рабочий класс встал под знамена профсоюзного движения в Америке после гражданской войны, бросив вызов суровому индивидуализму, поощряемому обществом янки в позолоченный век расточительности, жадности и коррупции.

Наиболее ярким примером был «Орден рыцарей труда» — передовая профсоюзная организация, возглавляемая сыном ирландских иммигрантов Теренсом Паудерли. Девиз рыцарей — «Травма одного — это травма всех» — символизировал прочные традиции этнической солидарности, которые позволили ирландцам организовать успешное профсоюзное движение. На пике своего развития, в 1886 г., орден насчитывал более 700 тысяч рабочих [17, р. 152].

Одной из причин, по которой сотни тысяч ирландских рабочих присоединялись к «рыцарям», была тесная связь между борьбой Ирландии за независимость и борьбой рабочих за справедливость в 1880-х гг. Значительное число ирландских профсоюзных активистов также были членами Земельной лиги, националистического движения, возглавляемого Чарльзом Стюартом Парнеллом, которое боролось за ирландское самоуправление и претворение в жизнь земельной реформы. Для бесчисленных ирландских

¹ NINA — No Irish Need Apply.

рабочих и профсоюзных лидеров связь между ирландским национализмом и американским рабочим движением была очевидна. «Борьба в Ирландии, — писал в своей газете *Irish World* Патрик Форд, — радикальна и, по существу, такая же, как борьба в Америке... Это больше не просто ирландский вопрос, мы [американцы] знаем о людях, изгнанных из своих домов острием штыка. Железнодорожные компании неоднократно выгоняли рабочих из их домов» [1, р. 336—337]. Справедливость данного высказывания подтверждалась словами обычных рабочих. «Ирландия и Америка во многом похожи, — жаловался железнодорожник Джеймс Макфадден, — каждый год появляется что-то новое, что делает богача богаче, а бедняка беднее» [1, р. 337].

Истоки ирландско-американского национализма следует искать в реалиях одиночества и отчуждения, бедности и предрассудков. Запертые в гетто, многочисленные ирландцы использовали свое национальное сознание для того, чтобы подпитывать свои чувства «чужака» в Новом Свете. Однако были и другие факторы развития ирландско-американского национализма во второй половине XIX в.

Стоит отметить давнюю традицию предоставления политического убежища в США ирландским революционерам. Ряд выдающихся деятелей революционной борьбы против британской тирании покидали Ирландию, скрываясь от уголовных преследований после восстания 1798 г. [19] Ветераны неудачного восстания 1848 г., бежавшие из Ирландии от тюремного заключения, продолжили агитацию в изгнании. Среди них был Джон О'Махони, бывший младоирландец, основавший в 1859 г. в Америке Фенианское братство с целью помощи в борьбе за независимость Ирландии. Будучи в американском убежище, братство фениев разрабатывало планы мятежей и партизанских восстаний, но именно гражданская война в США наделила фениев экспертными знаниями о смертоносном военном искусстве. Тысячи молодых ирландцев служили по обе стороны в конфликте между штатами. На фоне этой борьбы сформировалось сообщество людей с военными знаниями и твердой приверженностью делу освобождения Ирландии, которое в дальнейшем примкнуло к братству фениев для разработки планов восстания 1867 г. [20, р. 7]

Несмотря на уход с авансцены фениев в конце 1860-х гг., именно вклад американских ирландцев укрепил мощь Земельной лиги, сыгравшей роль в проведении земельной реформы в 1880-х гг. Освободительное движение, обеспечившее частичную независимость Ирландии в 1920-х гг., также опиралось на поддержку американских ирландцев.

Как отмечал Томас Браун, национализм и революционные настроения ирландских католиков были более отчетливо выражены в Америке, нежели в Ирландии [21]. Ирландская диаспора в США посредством огромного финансирования поддерживала каждое революционное и конституционное проявление ирландского национализма вплоть до окончания Смуты XX в. в Ольстере.

Как указывалось ранее, развитие ирландского национализма в Америке было закономерно. Антикатолицизм был одним из факторов объединения диаспоры ирландцев в Америке с теми, кто остался на Изумрудном острове, что способствовало сохранению этнической самоиндефикации уехавших, а также дальнейшей моральной и финансовой поддержке ирландского национализма. Таким образом, мы видим, что ресентимент и религиозные связи иммигрантов в сочетании с деятельностью националистических организаций и политическим опытом революционеров сформировали устойчивую основу для националистической активности в Америке во второй половине XIX в.

Проанализировав процесс трансатлантической миграции ирландского населения в годы Великого голода, а также процесс адаптации эмигри-

ровавших ирландских католиков в Америке, мы приходим к следующим выводам.

Ввиду колониальной политики Великобритании в Ирландии предпосылки эмиграции ирландских католиков назревали еще в XVII—XVIII вв. Эмиграция достигла невиданных масштабов в XIX в. Великий голод, унесший более миллиона жизней, стал кульминацией эпохи притеснения и дискриминации ирландского населения, повлекших широкомасштабную эмиграцию. Только с 1845 по 1855 г. эмигрировало более четверти всего населения Ирландии [1, р. 67]. Главным местом назначения бежавших ирландских католиков стала Северная Америка, преимущественно восточное побережье страны.

Ирландские иммигранты столкнулись с ненавистью со стороны американцев, принадлежавших к более раннему поколению поселенцев, опасавшихся за свою экономическую стабильность в условиях конкуренции за рабочие места. Также опасения американцев вызывало укрепление католической церкви, обусловленное притоком большого числа иммигрантов-католиков.

Отчуждение в американском обществе, с одной стороны, групповое и классовое сознание, с другой стороны, позволило ирландцам консолидироваться в отдельные сообщества. Сплоченная борьба ирландских рабочих внесла большой вклад в организацию профсоюзного движения в Америке, достигшего своего пика в середине 1880-х гг. Активная поддержка американских ирландцев значительно повлияла на укрепление позиций конституционного национализма в Ирландии.

Сегодня американцы ирландского происхождения обладают более высоким социальным статусом, большим богатством и влиянием, чем любая другая этническая группа на территории Соединенных Штатов. Однако длительная история их эмиграции, интерпретация ее причин, характера и последствий долгое время были предметом споров как для ирландцев, проживающих на острове, так и для эмигрантов, а также их потомков. Некоторые британские официальные лица до сих пор убеждены в том, что ирландская эмиграция, естественная и полезная, была неизбежным результатом действия сил свободного рынка, в то время как ирландские католики и националисты, а вместе с ними и большинство исследователей, утверждают, что эмиграция была вызвана нищетой и голодом, порожденными британской тиранией. Не менее важно и то, что изгнание способствовало мобилизации ирландцев против британского правления, предвзятой революционной борьбе XX в.

Список источников

1. Miller K. Ireland and Irish America: Culture, Class, and Transatlantic Migration. Dublin : Field Day, 2008. 411 p.
2. Woodham-Smith C. The Great Hunger. Ireland 1845—1849. N. Y. : Old Town Books, 1989. 510 p.
3. MacDonagh O. The Irish famine emigration to the United States // Perspectives in American history. 1976. No. 10. 357—446 p.
4. O'Grada C. Ireland before and after the Famine: Exportations in Economic History 1800—1925. Manchester : MUP, 1988. 228 p.
5. Clark D. Hibernia America: the Irish and regional cultures. N. Y. : Greenwood Press, 1986. 213 p.
6. Knobel D. T. Paddy and the republic: ethnicity and nationality in antebellum America. Middletown : Wesleyan University Press, 1986. 251 p.
7. Berresford Ellis P. Hell or Connaught! : The Cromwellian Colonisation of Ireland. 1652—1660. Newtownards : Blackstaff Press, 1988. 268 p.
8. Percival J. The Great Famine: Ireland's Potato Famine, 1845—1851. London : BBC Books, 1995. 192 p.
9. Roger D. Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life. N. Y. : Harper Perennial, 1991. 527 p.

10. Miller K., Wagner P. *Out of Ireland: The Story of Irish Emigration to America*. N. Y. : Oxford University Press, 1994. 132 p.
11. Miller K. *Emigrants and exiles: Ireland and the Irish exodus to North America*. Oxford : Oxford University Press, 1985. 684 p.
12. Kinealy C. *This Great Calamity: The Irish Famine, 1845-52*. Dublin : Gill & Macmillan, 1994. 450 p.
13. Fitzpatrick D. *Irish Emigration 1801—1921: The Economic and Social History of Ireland*. Dublin : Dundalgan Press Limited, 1990. 50 p.
14. Benson S. U. S. *Immigration and Migration. Almanac*, vol. 1. Detroit : Thomson Gale, 2004. 456 p.
15. Baker Jean H. *Ambivalent Americans: The Know-Nothing Party in Maryland*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1977. 50 p.
16. Knobel D. T. *Paddy and the republic: ethnicity and nationality in antebellum America*. Middletown : Wesleyan University Press, 1986. 251 p.
17. Coffey M., Golway T. *The Irish in America*. Hyperion, 1997. 288 p.
18. Beals C. *Brass-Knuckle Crusade: The Great Know-Nothing Conspiracy: 1820—1860*. N. Y. : Hastings House Publishers, 1960. 312 p.
19. Sullivan William A. *The Rising of 1798 and the Political Foundation of Irish-American Identity* : Dis. Master of Arts / College of William & Mary. 2005. P. 45. URL: <https://dx.doi.org/doi:10.21220/s2-q2gm-gml1> (дата обращения: 01.05.2024).
20. Clark D. J. *Irish blood: Northern Ireland and the American conscience*. Port Washington ; N. Y. : Kennikat Press, 1977. 97 p.
21. Brown T. N. *The origins and character of Irish-American nationalism*. Philadelphia : Lippincott, 1966. 206 p.

References

1. Miller K. *Ireland and Irish America: Culture, Class, and Transatlantic Migration*. Dublin, Field Day, 2008, 411 p.
2. Woodham-Smith C. *The Great Hunger. Ireland 1845—1849*. New York, Old Town Books, 1989, 510 p.
3. MacDonagh O. The Irish famine emigration to the United States, *Perspectives in American history*, 1976, no. 10, pp. 357-446.
4. O'Grada C. *Ireland before and after the Famine: Exportations in Economic History 1800—1925*. Manchester, MUP, 1988. 228 p.
5. Clark D. *Hibernia America: the Irish and regional cultures*. New York, Greenwood Press, 1986, 213 p.
6. Knobel D.T. *Paddy and the republic: ethnicity and nationality in antebellum America*. Middletown, Wesleyan University Press, 1986, 251 p.
7. Berresford Ellis P. *Hell or Connaught! : The Cromwellian Colonisation of Ireland. 1652—1660*. Newtownards, Blackstaff Press, 1988, 268 p.
8. Percival J. *The Great Famine: Ireland's Potato Famine, 1845—1851*. London, BBC Books, 1995, 192 p.
9. Roger D. *Coming to America: A History of Immigration and Ethnicity in American Life*. New York, Harper Perennial, 1991, 527 p.
10. Miller K., Wagner P. *Out of Ireland: The Story of Irish Emigration to America*. New York, Oxford University Press, 1994, 132 p.
11. Miller K. *Emigrants and exiles: Ireland and the Irish exodus to North America*. Oxford, Oxford University Press, 1985, 684 p.
12. Kinealy C. *This Great Calamity: The Irish Famine, 1845-52*. Dublin, Gill & Macmillan, 1994, 450 p.
13. Fitzpatrick D. *Irish Emigration 1801—1921: The Economic and Social History of Ireland*. Dublin, Dundalgan Press Limited, 1990, 50 p.
14. Benson S.U.S. *Immigration and Migration. Almanac*, vol. 1. Detroit, Thomson Gale, 2004, 456 p.
15. Baker Jean H. *Ambivalent Americans: The Know-Nothing Party in Maryland*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1977, 50 p.
16. Knobel D.T. *Paddy and the republic: ethnicity and nationality in antebellum America*. Middletown, Wesleyan University Press, 1986, 251 p.
17. Coffey M., Golway T. *The Irish in America*. Hyperion, 1997, 288 p.
18. Beals C. *Brass-Knuckle Crusade: The Great Know-Nothing Conspiracy: 1820—1860*. New York, Hastings House Publishers, 1960, 312 p.
19. Sullivan William A. *The Rising of 1798 and the Political Foundation of Irish-American Identity*, diss. Master of Arts, College of William & Mary, 2005, p. 45. Available at: <https://dx.doi.org/doi:10.21220/s2-q2gm-gml1> (accessed: 01.05.2024).

20. Clark D.J. Irish blood: Northern Ireland and the American conscience. Port Washington, New York, Kennikat Press, 1977, 97 p.
21. Brown T.N. The origins and character of Irish-American nationalism. Philadelphia, Lippincott, 1966, 206 p.

Информация об авторе

Любченко Алиса Михайловна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАН-ХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Information about the author

Alisa M. Lyubchenko — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 26.04.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 22.04.2024; accepted for publication 26.04.2024.

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ

RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 63—71.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):63—71.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья
УДК 94(497.13)–054.7(161.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71

Русское научное зарубежье в Хорватии в межвоенный период XX века

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Аннотация. В статье описываются траектории профессиональной научной судьбы русских ученых-беженцев постоктябрьской волны, которые проявили себя в Хорватии и чья интеграция в местное научное сообщество привела к достижению профессионального успеха. Рассматривается вопрос о персональных контактах ученых, прежде всего славистов, ставших ключевыми посредниками и коммуникаторами между властными элитами, народами и научными сообществами обеих стран, вследствие чего культурные и научные связи Хорватии с Россией становятся особенно тесными уже со второй половины XIX в. Акцентируется внимание на том, что одним из важнейших инструментов взаимодействия ученых было преподавание в университетах и избрание в местные академии наук.

Ключевые слова: русское научное зарубежье, русское зарубежье, история славяноведения, славистика, русская эмиграция, русская эмиграция в Хорватии, социальная история науки

Для цитирования: Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье в Хорватии в межвоенный период XX века // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 63—71. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71.

Russian emigrants abroad

Original article

Russian scientific Abroad in Croatia in the interwar period of the twentieth century

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

Abstract. The article describes the trajectories of the professional scientific fate of Russian refugee scientists after the October wave, who manifested themselves in Croatia and

whose integration into the local scientific community led to professional success. The issue of personal contacts between scientists, primarily Slavists, who became key intermediaries and communicators between the power elites, peoples and scientific communities of both countries, is being considered, as a result of which cultural and scientific ties between Croatia and Russia have become especially close since the second half of the XIX century. Attention is focused on the fact that one of the most important tools of interaction between scientists was teaching at universities and election to local academies of sciences.

Keywords: Russian scientific emigration, Russian emigration, history of Slavic studies, Slavic studies, Russian emigration, Russian emigration in Croatia, social history of science

For citation: Sorokina M.Yu. Russian Scientific Abroad in Croatia in the Interwar Period of the Twentieth Century. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):63—71. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71.

Находившийся в длительной поездке по русским колониям в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), писатель Глеб Алексеев (1892—1938) 29 октября 1920 г. сообщал правительственному уполномоченному по устройству русских беженцев в КСХС Сергею Николаевичу Палеологу (1877—1933)¹ из Загреба: «...спешу поделиться с Вами своими впечатлениями. О, это, конечно, самый культурный и самый большой (до 180 000 жителей) город Югославии. И это первый город на моем пути, в котором нет „русского вопроса“, так как русские в нем (около 180 человек) растворились, потому приспособились и забыты. Более или менее. Правда, по словам П. Боярского², местная печать, в силу своих внутренне-политических соображений коммунистическая, занималась одно время подтравливанием „ничего не делающих“ русских, но сейчас в значительной мере успокоилась. Объясняется это, главным образом, тем совершенно правильным в своем принципе тоном, который был взят проживающими здесь русскими с самого начала и сущность которого: „мы не из милости у вас живем, а по необходимости“. Это сознание собственного достоинства привлекло симпатии к местным русским в значительно большей степени, чем демонстрация жалостливого своего положения и попытки вызвать сочувствие к несчастным „сиротам“, практикующееся в других колониях. <...> Вот вам результаты большой политической работы, сделанной здесь» [1].

Эти строки, написанные еще до финальной эвакуации русской армии генерала П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., когда в КСХС, и Хорватию в частности, хлынула самая значительная волна русских постреволюционных беженцев, выразили основную проблему выбора стратегий выживания для русского сообщества в изгнании — ассимиляции, интеграции или изоляции. И они же предвосхитили позитивную программу той части русского «белого» сообщества в Хорватии, которая сумела трансформировать травму разлуки с родиной в профессиональные практики, позволившие беженцам жить своим научным и художественным творчеством еще долгие годы.

В рамках настоящей статьи мы кратко опишем те траектории профессиональной научной судьбы русских ученых-беженцев, которые проявили себя в Хорватии, и для которых стратегия интеграции означала одновременно и достижение профессионального успеха.

Как известно, в СССР научное изучение русского зарубежья, в том числе научного, было фактически табуировано, и только с началом эпохи перестройки и гласности в конце 1980-х — начале 1990-х гг. русская эмиграция,

¹ Письмо Г. В. Алексеева сохранилось в архивной коллекции С. Н. Палеолога в Гуверском архиве Стэнфордского университета США (Paleologue S. N. Box 18). Отметим, что в дальнейшем писатель поселился в окрестностях Дубровника, на острове Шипан.

² Петр Михайлович Боярский (1870—1944), последний казанский губернатор, был представителем главного уполномоченного Российского общества Красного Креста в Загребе; в дальнейшем — председатель Объединения русских общественных организаций в Загребе.

прежде всего межвоенного периода XX в., получила статус объекта профессионального исторического исследования. Сегодня российские исследователи, в том числе потомки белой эмиграции, изучают этот феномен уже как неотъемлемую часть внутренней истории Российской империи / СССР, и не только как историю «потерь» и «страданий», но прежде всего как вклад русских беженцев в мировую культуру и науку.

Эта, казалось бы, очевидная тема для научного поиска таит многочисленные трудности источникового характера. Несмотря на многолетнюю поддержку русских эмигрантов королем Александром I Карагеоргиевичем (1888—1934) и его правительствами, «югославская» русская эмиграция, в том числе ее ответвление в Хорватии, оставила очень мало эго-документов — личных архивов и мемуаров, которые только в последнее время стали выявляться и публиковаться. Как следствие, не существует сколь-нибудь заметной биографической литературы, посвященной представителям русского зарубежья в бывшей Югославии. Слабая просопографическая и социологическая изученность одной из крупнейших европейских русских диаспор — балканской, привела к тому, что ее место на карте русского зарубежья многие десятилетия считалось «провинциальным». Только к концу XX в., благодаря значительной работе балканских историков, положение стало меняться и в российской историографии и общественном сознании появилось понимание того, что межвоенная Югославия была одним из главных центров русской эмиграции в мире, вполне сравнимым по напряженности социальной и культурной жизни с такими традиционными центрами русского рассеяния, как Франция, Германия, Чехословакия.

Применительно к Хорватии это понимание во многом появилось благодаря работам потомков русских эмигрантов — Алексея Борисовича Арсеньева и совсем недавно ушедшей от нас Татьяны Витальевны Пушкадии-Рыбкиной (1929—2021). А. Б. Арсеньев детально, с привлечением многочисленных мемуаров, сохранившихся в домашних архивах русской эмиграции, описал русскую колонию в Дубровнике [2]. Т. В. Пушкадия-Рыбкина, жившая в Загребе, на протяжении десятилетий собирала и хранила разбросанные по разным библиотекам и музеям, институтам и архивам, семьям и знакомым документальные материалы по истории русской белой эмиграции в столице Хорватии. В отличие от многих других исследований русской пореволюционной эмиграции, в которых рассматривались прежде всего ее военные и политические организации, фокус книги Пушкадии-Рыбкиной [3] сосредоточен на антропологическом измерении русской беженской диаспоры и на индивидуальном опыте участников великих исторических событий. Она подробно и документированно рассказывает о том значительном культурном и интеллектуальном вкладе, который русское зарубежье вносило и вносит в развитие хорватского общества и науки.

Именно на основе персональных контактов научных специалистов, прежде всего славистов, культурные и научные связи Хорватии с Россией становятся особенно тесными со второй половины XIX в., а сами специалисты выступают в роли ключевых посредников и коммуникаторов между властными элитами, народами и научными сообществами обеих стран. Одним из инструментов непосредственного взаимодействия ученых было преподавание в университетах и избрание в местные академии наук. Так, в число иностранных членов образованной в 1861 г. Югославянской академии наук и искусств в Загребе уже с 1867 г. входили известные русские ученые: историк М. П. Погодин (1800—1875) и филолог И. И. Срезневский (1812—1889). В 1879 г. ее членом был избран филолог Я. К. Грот (1812—1893), в 1882 г. — химик Д. И. Менделеев (1834—1907). Иностранцами членами-корреспондентами Академии были историк С. М. Соловьев (1820—1879), филолог А. Н. Веселовский (1838—1906), слависты А. А. Шахматов (1864—1920) и П. А. Лавров (1856—1929) и др.

Известный хорватский правовед и этнограф Бальтазар (Вальтазар) Богишич (1834—1908) в статусе ординарного профессора по кафедре истории славянских законодательств с 1869 г. преподавал в Императорском Новороссийском университете в Одессе [4—6]. Там же экстраординарную профессуру в 1872 г. получил другой известный славист хорватского происхождения Ватрослав Ягич (1838—1923), который в 1870 г. был поддержан российскими коллегами в критической для себя ситуации. Оставшегося без работы в Загребе и без перспектив найти применение в Австрии слависта пригласил в Россию профессор Императорского Санкт-Петербургского университета И. И. Срезневский, сумевший организовать избрание Ягича почетным доктором Санкт-Петербургского университета и содействовавший его устройству в Новороссийский университет в Одессе [7 ; 8]. Уже в 1881 г. В. Ягич был избран действительным членом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге по отделению русского языка и литературы и многие годы своего профессорства в России, а затем и вне ее, играл роль своего рода индивидуального объединяющего общеевропейского центра в области славяноведения [9 ; 10].

Вынужденная эмиграция российских ученых после русской революции 1917 г. и Гражданской войны в России стала настоящей жизненной трагедией для многих из них. Оказавшись в положении беженцев, они теряли привычный жизненный уклад и профессиональный ландшафт — культурные, научные и образовательные учреждения и общества со своими традициями, школами, преподавателями, студентами, учениками и посетителями. Так, ординарный профессор Императорского университета Святого Владимира в Киеве, известный психоневролог Михаил Никитич Лапинский (1862—1949) называл себя «случайным эмигрантом». Он рассказывал, что после трех месяцев ожидания эвакуации из Севастополя в 1920 г. получил предложение сопровождать переход парохода «Русь», вывозившего иностранцев с поддержкой англичан из Крыма в Румынию, в качестве обычного санитарного врача. Однако Румыния не приняла пароход, и профессор оказался в Варне (Болгария), где встретил чешских университетских коллег, предложивших Лапинскому ехать с ними в Прагу. Этот переезд также получился неудачным, поезд оказался остановленным на 12 дней — и в результате в Загребе к профессору пришла делегация от медицинского факультета университета с предложением остаться в Хорватии [11, л. 224]. Так случайность обернулась удачей и для медика, и для местного общества. Профессор М. Н. Лапинский учредил Загребскую психоневрологическую клинику и в 1921—1928 гг. служил в ней главным врачом и профессором неврологии и психиатрии по контракту, а после того, как в июне 1925 г. принял подданство КСХС, стал ординарным профессором медицинского факультета Загребского университета. Случай Лапинского не был единичным. В отличие от многих других европейских стран, Хорватия предоставила возможность русским беженцам продолжить свою профессиональную карьеру и найти себе и своим семьям достойное место в новом обществе.

Будущий выдающийся византолог и палеограф Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987), поселившийся вместе с женой в маленьком хорватском городке Копривнице, в 100 километрах от Загреба, вспоминал, что «здесь нас обоих сразу приняли на службу в качестве преподавателей местной гимназии: меня как преподавателя истории, а жену как преподавателя языков. Здесь мы пробыли 11 лет, почти оторванными от русского общества и по необходимости связанными с местными интересами, профессиональными и культурными <...> Необходимость упрочить служебное положение заставила меня готовиться к государственным экзаменам, которые я не успел сдать в России, и через год, в 1922 году, я сдал их в Белграде в Комиссии русских ученых по программе русских университетов. Войдя в связь с русскими учеными и получив возможность доставать книги из

научных библиотек Загребского университета и Югославянской академии, я снова стал заниматься изучением проблем начальной русской истории и писать научную работу о „варяго-русском вопросе“. Отдельные отрывки из нее были приняты как ученые статьи в разные научные журналы в Загребе, в Праге, в Белграде, в Софии и таким образом создались научные связи. В 1928 году я защитил диссертацию о „Тмутороканской Руси“ (вопрос о норманнской колонизации на Черноморье) и получил звание доктора философии. В следующем году сдал в Белграде так называемый, «государственный профессорский экзамен» (на штатного преподавателя средней школы) по специальности общей и сербской истории и истории югославянской литературы и получил звание профессора средней школы» [11, л. 6 об.].

В свою очередь ученые, хотя и считали, что покидают родину временно, очень быстро, в течение 1920—1922 г., сумели сформировать новое интеллектуальное пространство, параллельно с советской Россией, и институционализироваться в обширной национальной научно-образовательной инфраструктуре по всему миру — собственных институтах, учебных заведениях разных уровней, академических группах, обществах, издательствах, периодической печати и т. п., которые с разной степенью интенсивности функционировали до Второй мировой войны, а некоторые — и всю вторую половину XX в. Эта новая научно-организационная система, поддержанная и профинансированная правительствами ряда стран и международными организациями, охватывала преимущественно гуманитарные направления знания и социальные науки, обеспечение которых не требовало столь значительных средств, как *Big science*, с одной стороны, и готовило потенциально лояльные кадры, с другой.

Напротив, в Хорватии в первую очередь оказались востребованными те научные специалисты, которые занимались инженерными, медицинскими и естественными науками, что объективно способствовало резкой интенсификации русско-хорватских научных связей и существенно изменяло их научно-дисциплинарную структуру. Так, физикохимик, профессор Московского университета Иван Степанович Плотников (1878—1955), ученик великого В. Оствальда, одного из основоположников физической химии, лауреата Нобелевской премии по химии за 1909 г., работал по контракту профессором физики и физической химии в Высшей технической школе (с 1926 г. — технический факультет Загребского университета), а после получения подданства КСХС стал ординарным профессором, основал Институт физики и физической химии Загребского университета и возглавлял его многие годы. Химик Николай Антонович Пушин (1875—1947) там же руководил кафедрой физической химии фармацевтического факультета. Энтомолог Николай Ильич Баранов (1887—1981) работал в Школе народного здравоохранения в Загребе, а в 1928—1944 гг. являлся научным сотрудником Института паразитологии ветеринарного факультета Загребского университета. Автор более 150 научных работ по энтомологии, открывший свыше 200 новых типов двукрылых в разных странах, Баранов собрал уникальную коллекцию насекомых и надеялся, что она поможет ему устроиться после Второй мировой войны в Британский музей (Великобритания). Однако этого не произошло, и ученому пришлось уехать в Пакистан, откуда только в 1962 г. он с помощью сына переехал в Лондон.

Эпидемиолог Никтополион Чернозубов (1890—1967), изучавший медицину в Москве и Харькове, одно время возглавлял бактериологическое отделение Дома народного здравоохранения в г. Осиек, а в 1931—1943 гг. заведовал эпидемиологическим отделением в Институте гигиены и Школе народного здравоохранения в Загребе. В сельских районах Хорватии он участвовал в международных исследованиях секции гигиены Лиги Наций по профилактике тифа и паратифа, основал центр по идентификации и изу-

чению сальмонеллы. Известный психиатр и невропатолог Николай Васильевич Краинский (1869—1951) прибыл в КСХС в ноябре 1920 г. и уже в декабре того же года вместе с группой беженцев из России поселился в г. Костайнице, где издал несколько своих работ в типографии А. Vugrin. В июле 1922 г. он был назначен управляющим больницей Российского общества Красного Креста во дворце Лобор и на этой должности оставался до апреля 1924 г. В эти годы Краинский продолжал публиковать научные работы на немецком языке в известной типографии В. А. Сулигоя в г. Златар, неподалеку от Лобора [12]. Одновременно по приглашению медицинского факультета Загребского университета Краинский прочитал там курсы общей и экспериментальной невропатологии и психиатрии в статусе приват-доцента.

Наконец, нельзя не упомянуть и имя выдающегося патологоанатома Сергея Николаевича Салтыкова (1874—1964), изучавшего медицину и практиковавшего в институтах Цюриха, Марбурга, Праги и Парижа вместе со многими выдающимися учеными того времени. Почетный доктор Базельского университета, Салтыков в 1906—1915 гг. работал прозектором кантональной больницы в Санкт-Галлене в Швейцарии. Сюда же он пытался вернуться и после революции в России, но в 1922 г. принял приглашение медицинского факультета Загребского университета взять на себя руководство Патологоанатомическим институтом в статусе профессора по контракту. Опыт оказался удачным, и наряду с одноименной кафедрой университета С. Н. Салтыков руководил этим институтом ровно тридцать лет, став в эмиграции автором множества научных работ и нескольких капитальных трудов и учебников.

Как уже упоминалось, наряду с университетами, академии наук на Балканах, и в частности в бывшей Югославии, служили важным механизмом интегративной модели взаимодействия местного научного сообщества и ученых-беженцев. Сербская королевская академия наук в Белграде, например, избрала в свои ряды многих российских научных специалистов, приехавших в КСХС уже в звании профессора университета [13]. Но большинству из них понадобилось около 10—12 лет для утверждения научного авторитета в югославской научной среде и пик избрания русских ученых в Сербскую академию пришелся на 1932—1934 гг. В Хорватии этот опыт не прижился, и медик С. Н. Салтыков оказался единственным из русских специалистов-эмигрантов, избранным в Югославскую академию наук и искусств в Загребе в межвоенный период. Но в отличие от многих коллег в Европе, вынужденных неоднократно менять страну пребывания, что нередко заканчивалось потерей профессионального статуса, почти все крупные русские ученые-беженцы, жившие и работавшие в Хорватии, навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с этой страной, став основателями многих научных школ и направлений, директорами академических институтов.

Проделанная ими огромная работа по установлению и развитию новых дисциплинарных связей не прошла даром. С изменением политических условий после Второй мировой войны в Югославскую академию наук и искусств в Загребе были избраны многие советские ученые именно физико-химического и биологического профиля: С. И. Вавилов, Л. В. Канторович, Н. П. Дубинин, К. И. Скрябин и др. Аналогичный процесс происходил и в Сербской академии наук и искусств в Белграде, в которую на протяжении 1945—1991 гг. (т. е. до распада СССР и Югославии) были избраны еще 47 человек — граждан СССР и русских ученых-эмигрантов. Представительство наук физико-математического и естественного цикла также стало значительно выше за счет ученых из СССР, достигнув почти 75 %. В то же время в послевоенный период русское/советское гуманитарное со-

общество продолжало оставаться слабо представленным в Югославской академии наук.

Как отмечает А. Б. Арсеньев, немало русских эмигрантов занимались изучением истории Дубровницкой республики, в частности дубровнико-русских связей, работая в межвоенный период в известном Дубровницком архиве. Это профессора Евгений Васильевич Аничков (1866—1937), Федор Васильевич Тарановский (1875—1936), Сергей Владимирович Штейн (1882—1955), Владимир Алексеевич Мошин, Александр Васильевич Соловьев (1890—1971). А. В. Соловьев, изучавший материалы в Дубровницком архиве уже в 1923 г. [2, с. 104—105], с удовольствием вспоминал незабываемые вечера, проведенные с братьями Иво и Луйо Войновичами в Дубровнике. В статье «Могины Войновичей», посвященной писателю и драматургу Иво Войновичу (1857—1929), Соловьев писал, что «в личности поэта слились в единое различные семейные традиции: и „славянофильство” Св. Петра Цетиньского (боко-каторская кровь деда и прадеда), и классические традиции Дубровника (итальянско-дубровницкая кровь матери), и иллиризм Людевита Гая (хорватские традиции отца), чтобы из великого поэта сделать и великого югословянина, для которого католики и православные одинаково близки» [2, с. 104]. Для молодого русского ученого-эмигранта, выросшего в атмосфере имперского интеллектуального космополитизма (он родился и вырос в Царстве Польском) и в одночасье лишившегося «большой», многонациональной и многоконфессиональной, родины, по-видимому, именно поиск синтеза, хотя бы и исторически романтизированного, был сущностно и личностно важен в это время.

Интересно, что и другой, в будущем выдающийся славист, поэт и переводчик, автор нескольких монографий о культуре и литературе эпохи Возрождения, «Колумб славянского Возрождения», как его называли коллеги, — Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) — также начинал свой профессиональный путь в Дубровнике. Шестнадцатилетним юношей он приехал с родителями в КСХС, окончил романское отделение философского факультета Белградского университета, где стал любимым учеником Е. В. Аничкова. Назначенный преподавателем гимназии в Дубровнике, Голенищев-Кутузов провел в городе несколько лет, которые в известном смысле определили его профессиональную карьеру слависта. Именно здесь возник его пристальный интерес к славянскому эпосу и фольклору, который в дальнейшем реализовался в многочисленных балканских экспедициях и трудах сравнительно-исторического характера. В Дубровнике Голенищев-Кутузов познакомился и подружился с Иво Войновичем, в доме которого когда-то останавливался философ Владимир Соловьев (1853—1900), стал переводчиком его поэзии, написал несколько статей о его театре, в том числе для парижского журнала *Le monde et l'art slave* [14 ; 15]. Войнович был очень расположен к молодому слависту и даже написал «русскую» драму, назвав ее именем своего друга — «Илья». Столь же теплые, дружеские отношения связывали Голенищева-Кутузова в Дубровнике и с польским композитором Людомиром Михалом Роговским (1881—1954), автором оперы «Марко Королевич» по мотивам народных эпических песен южных славян. Либретто оперы написал Голенищев-Кутузов. Интенсивные творческие контакты, связанные с Дубровником и Далмацией в целом, стали фундаментом югославской научной карьеры И. Н. Голенищева-Кутузова. Неудивительно, что и после получения докторской степени в парижской Сорбонне (1933) он вернулся сюда и уехал в Белград только ввиду перспективы университетской работы.

Все же стоит отметить, что в межвоенный период русские ученые-гуманитарии не занимали в Хорватии значимых научных позиций. Лишь в послевоенный период известный славист, к тому времени рукоположенный в иереи Русской Православной Церкви, В. А. Мошин, несмотря на уго-

воры академика А. Белича и Г. А. Острогорского перейти на работу в белградский Институт византиноведения, принял пост директора архива Югославянской академии в Загребе и переехал в хорватскую столицу, где и работал до 1960 г.

Русские ученые — постреволюционные беженцы всех поколений, приехавшие в Хорватию и оставшиеся здесь жить и работать, наглядно продемонстрировали, что стратегия вхождения в местное научное сообщество и гражданское общество приносит вполне заслуженный профессиональный успех и отнюдь не означает потерю национальной и/или культурной идентичности. Напротив, опора на местные власти и тесное взаимодействие с местным научным сообществом дает позитивные долгосрочные результаты. Чем активнее и прагматичнее были русские ученые-беженцы, чем разнообразнее были их связи во всех профессиональных группах и слоях принимающего общества, тем более результативной и успешной была их научная карьера.

Список источников

1. Квакин А. В. Дело № 32. «Путевые заметки» и дальнейшая судьба литератора Глеба Алексева. URL: <http://www.kvakin.ru/Documents/delo32.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).
2. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. С. 75—140.
3. Пушкадия-Рыбкина Т. В. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007. 340 с.
4. Пуповцы С. Валтазар Богишич: к 160-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 133—143.
5. Птицын А. Н. Хорватские профессора российских университетов в 70—80-е годы XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 105—109.
6. Воробьева И. Г. Письма Вальтазара Богишича в Тверь // *Croatica et Slavica Iadertina*. 2010. VI. С. 351—355.
7. Лаптева Л. П. И. В. Ягич (1838—1923) в оценках русских современников последней четверти XIX — начала XX века // Славяноведение. 2015. № 2. С. 66—81.
8. Ващенко М. С. Ватрослав Ягич и его восприятие России: к 90-летию со дня смерти хорватского ученого // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8. С. 111—123.
9. Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1963. 528 с.
10. Робинсон М. А. Восстановление И. В. Ягича в статусе действительного члена РАН и состояние проекта «Энциклопедия славянской филологии» (начало 1920-х годов) // Славяноведение. 2016. № 2. С. 89—99.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации. 1944—1953. Оп. 1. Д. 234.
12. Krainsky N. Energetik der mechanischen Erscheinungen und die Grundlagen der Energetik, der Elektrophysik und Thermodynamik. Zlatar : Gedruckt von V. Suligoj, 1924. 192 с.
13. Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке // Столетие двух эмиграций. 1919—2019 : сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. М. : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. С. 229—238.
14. Голенищев-Кутузов И. Н. От Рильке до Волошина : журналистика и литературная критика эмигрантских лет. М. : Русский путь, 2006. 336 с.
15. Голенищев-Кутузов И. Н. Лики времени: парижские эссе. М. : Изд-во МЦНМО, 2004. 255 с.

References

1. Kvakin A.V. *Delo № 32. "Putevye zametki" i dal'neyshaya sud'ba literatora Gleba Alekseeva* ["Travel notes" and the further fate of the writer Gleb Alekseev]. Available at: <http://www.kvakin.ru/Documents/delo32.pdf> (accessed: 06.03.2024).
2. Arsen'ev A.B. *Russkaya emigratsiya v Dubrovnik* [Russian emigration in Dubrovnik], *Evropa: Mezhdunarodnyy al'manakh* [Europe: The International Almanac]. Tyumen', Publ. Tyumenskogo gos. un-ta, 2011, pp. 75-140.
3. Pushkadiya-Rybikina T.V. *Emigranty iz Rossii v nauchnoy i kul'turnoy zhizni Zagreba* [Emigrants from Russia in the scientific and cultural life of Zagreb]. Zagreb, 2007, 340 p.

4. Pupovtsi S. Valtazar Bogishich: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya [Balthazar Bogisic: on the 160th anniversary of his birth], *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 1995, no. 5, pp. 133-143.
5. Ptitsyn A.N. Khorvatskie professora rossiyskikh universitetov v 70—80-e gody XIX v. [Croatian professors of Russian universities in the 70s and 80s of the XIX century], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanitarian and legal studies]*, 2016, no. 1, pp. 105-109.
6. Vorob'eva I.G. Pis'ma Val'tazara Bogishicha v Tver' [Letters of Valtazar Bogishich to Tver], *Croatica et Slavica Iadertina*, 2010, VI, pp. 351-355.
7. Lapteva L.P. I.V. Yagich (1838—1923) v otsenkakh russkikh sovremennikov posledney chetverti XIX — nachala XX veka [I.V. Yagich (1838-1923) in the assessments of Russian contemporaries of the last quarter of the XIX — early XX century], *Slavyanovedenie [Slavic studies]*, 2015, no. 2, pp. 66-81.
8. Vashchenko M.S. Vatroslav Yagich i ego vospriyatie Rossii: k 90-letiyu so dnya smerti khovatskogo uchenogo [Vatroslav Yagic and his perception of Russia: on the 90th anniversary of the death of the Croatian scientist], *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii [The Slavic world in the third millennium]*, 2013, no. 8, pp. 111-123.
9. Pis'ma I.V. Yagicha k russkim uchenym. 1865—1886 [Yagich's letter to Russian scientists. 1865-1886]. Moscow, Leningrad, Publ. AN SSSR, Leningradskoe otdelenie, 1963, 528 p.
10. Robinson M.A. Vosstanovlenie I.V. Yagicha v statusе deystvitel'nogo chlena RAN i sostoyanie proekta "Entsiklopediya slavyanskoy filologii" (nachalo 1920-kh godov) [Restoration of I. V. Yagich to the status of a full member of the Russian Academy of Sciences and the status of the project], *Slavyanovedenie [Slavic studies]*, 2016, no. 2, pp. 89-99.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, coll. P-9526. Upravlenie upolnomochennogo Soveta ministrov SSSR po delam repatriatsii. 1944—1953 [The State Archive of the Russian Federation. coll. P-9526. Department of the Authorized Council of Ministers of the USSR for Repatriation. 1944—1953], aids. 1, fol. 234.
12. Krainsky N. *Energetik der mechanischen Erscheinungen und die Grundlagen der Energetik, der Elektrophysik und Thermodynamik [Energetics of mechanical phenomena and the foundations of energetics, electrophysics and thermodynamics]*. Zlatar, Gedruckt von V. Suligoj, 1924, 192 p.
13. Sorokina M.Yu. Russkoe nauchnoe zarubezh'e i Serbskaya akademiya nauk i iskusstv v XX veke [Russian Scientific Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the twentieth century], *Stoletie dvukh emigratsiy. 1919—2019 [The centenary of two emigrations. 1919—2019]*, sb. st. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, Belgrad, Informatika, 2019, pp. 229-238.
14. Golenishchev-Kutuzov I.N. *Ot Ril'ke do Voloshina: zhurnalistika i literaturnaya kritika emigrantskikh let [From Rilke to Voloshin : journalism and Literary criticism of the emigrant years]*. Moscow, Russkiy put', 2006, 336 p.
15. Golenishchev-Kutuzov I.N. *Liki vremeni: parizhskie esse [Faces of Time: Paris Essays]*. Moscow, Publ. MTsNMO, 2004, 255 p.

Информация об авторе

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the author

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ РАКУРС

MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA: SOCIAL PERSPECTIVE

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 72—84.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):72—84.

Миграционные процессы в России: социальный ракурс

Научная статья
УДК 314.7(571.1/5)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-72-84

Миграционная ситуация и межнациональные отношения в регионах Сибирского федерального округа в 2020—2023 годах

Татьяна Борисовна Смирнова

Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Омск, Российская Федерация, smirnovatb@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Аннотация. В статье на основе результатов социологических опросов, которые проводились в 2020—2023 гг., анализируется современная миграционная ситуация в регионах Сибирского федерального округа. В связи с неблагоприятной демографической ситуацией в сибирских регионах уделено внимание внешним и внутренним миграциям, их динамике и причинам. Внутренние миграции имеют отрицательное сальдо во всех регионах. Жители Сибири активно выезжают в западные и южные регионы страны: Москву и Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Краснодарский край, Калининград. Для внешних миграций характерны положительное сальдо и преобладание мигрантов из постсоветских государств Центральной Азии.

Ключевые слова: миграция, межнациональные отношения, демография, Сибирский федеральный округ, социологический опрос

Благодарности: Исследование выполнено по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (номер госрегистрации проекта 123112100125-7) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023—2025 гг.

Для цитирования: Смирнова Т. Б. Миграционная ситуация и межнациональные отношения в регионах Сибирского федерального округа в 2020—2023 годах // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 72—84. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-72-84.

Migration processes in Russia: social perspective

Original article

Migration situation and interethnic relations in the regions of the Siberian Federal District in 2020-2023

Tatyana B. Smirnova

Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation, smirnovatb@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7533-5364>

Abstract. The article analyzes the current migration situation in the regions of the Siberian Federal District based on the results of sociological surveys conducted in 2020-2023. Due to the unfavorable demographic situation in the Siberian regions, attention is paid to external and internal migrations, their dynamics and causes. Internal migration has a negative balance in all regions. Residents of Siberia actively travel to the western and southern regions of the country: Moscow and the Moscow Region, St. Petersburg and the Leningrad Region, Krasnodar Territory, Kaliningrad. External migration is characterized by a positive balance and a predominance of migrants from the post-Soviet States of Central Asia.

Keywords: migration, interethnic relations, demography, Siberian Federal District, sociological survey

Acknowledgments: The study was carried out under the project “Asian Russia: demography, ethnic composition of the population and interethnic relations in the new conditions of turning to the East” (project state registration number 123112100125-7) as part of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023-2025.

For citation: Smirnova T.B. Migration Situation and Interethnic Relations in the Regions of the Siberian Federal District in 2020-2023. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):72—84. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-72-84.

Введение

Демографическая ситуация в Российской Федерации считается неблагоприятной достаточно давно, в последние годы демографы оценивают ее как критическую. Показателями неблагоприятия являются высокая смертность, снижение уровня рождаемости, естественная убыль, старение и сокращение трудоспособного населения. Многие специалисты, особенно в сфере экономики, считают, что без привлечения трудовых мигрантов наша страна не сможет в дальнейшем развиваться, так как будет испытывать недостаток человеческих ресурсов. Это мнение во многом основано на недостаточной изученности проблем миграции населения или их односторонней оценки лишь с точки зрения человеческих ресурсов, без учета рисков и отрицательного влияния, в том числе на экономику, масштабных миграций неквалифицированных рабочих. Поэтому изучение современных миграционных процессов, особенно в неблагоприятных с точки зрения демографии регионах Сибирского федерального округа (СФО), является актуальным и имеющим практическое значение.

Программа научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, была разработана по поручению Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г.¹

¹ Программа реализуется под руководством Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, координируется Советом программы и контролируется Минобрнауки России. Руководителем программы является академик РАН В. А. Тишков. В Программу включено 20 проектов, в том числе проект «Азиатская Россия».

Исследования по этой Программе в разных регионах Российской Федерации были начаты в 2020—2022 гг. и продолжены в 2023—2024 гг. В рамках этой Программы реализуется наш проект, посвященный изучению этнодемографических процессов в регионах Азиатской России, в том числе миграционных процессов.

Миграционная ситуация в регионах СФО

Сибирь отличается от других больших регионов нашей страны огромными территориями, огромным количеством природных ресурсов, огромным разнообразием и низкой численностью населения. С момента присоединения Сибири к Российскому государству численность ее населения непрерывно возрастала, вплоть до начала 1990-х гг., когда произошел демографический разворот и население двинулось из Сибири на запад, в центральные регионы России.

Следует сказать, что с заселением территорий за Уралом всегда были проблемы, вызванные невероятно большими расстояниями и суровым климатом. На преодоление этих проблем приходилось тратить большие средства. Но природные богатства этих территорий, недра и леса, которые с момента присоединения Сибири пополняли государственный бюджет, всегда заставляли государство заселять эти территории людьми разными способами — добровольно, принудительно, с помощью высоких зарплат. Всегда в эти территории приходилось делать вложения. С распадом Советского Союза эти вложения прекратились совсем, затем возобновились, но в гораздо меньших, просто несопоставимых с прежними, размерах. Развитие инфраструктуры Владивостока и обустройство нефтяных городков на Севере никак не сказалось на жизни населения регионов азиатской части России в целом, а потому никак не могло остановить нарастающего его оттока в более развитые и теплые места.

Этнический и религиозный состав населения Сибирского федерального округа¹ очень разнообразный. Русские составляют подавляющее большинство — 86 % населения. В национальных республиках демографическая ситуация немного лучше по причине высокой доли сельского населения, где рождаемость традиционно выше. Естественный прирост является отрицательным во всех регионах Сибири, за исключением Республики Алтай и Республики Тыва. В остальных областях СФО превышение смертности над рождаемостью наблюдается уже на протяжении нескольких лет.

Во всех регионах округа тревожным симптомом является не только отток населения из малых городов, из сельской местности в крупные промышленные центры, но и выезд, в основном молодежи, в центральные регионы страны. Несмотря на наличие крупного промышленного производства, гигантов нефтехимии, оборонной, обрабатывающей и добывающей промышленности, рабочих мест с достойной зарплатой не хватает. Для региональных бюджетов характерны огромные дефициты, уровень жизни населения очень низкий, экологическая ситуация катастрофическая. Риски межнациональных и межконфессиональных конфликтов невысокие, но они есть, особенно в связи с оттоком населения в центральные регионы и замещением местного населения мигрантами из стран Центральной Азии.

¹ В состав Сибирского федерального округа входят 10 субъектов: Красноярский край, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области. Столица федерального округа — Новосибирск. В 2018 г. два субъекта, входившие ранее в состав СФО (Республика Бурятия и Забайкальский край), были переданы в состав Дальневосточного федерального округа. Площадь СФО — 4 млн 362 тыс. кв. км, численность населения — 16 792 699 человек [1]. По сравнению с 2010 г. численность населения уменьшилась почти на 385 тыс. человек (с учетом административно-территориальных изменений).

Оценка миграционной ситуации жителями сибирских регионов

Основными источниками для анализа миграционной ситуации являются данные статистики (переписи населения и его текущий учет) и результаты социологических опросов. В рамках проекта по изучению этнодемографической ситуации в регионах Азиатской России использовались и те и другие источники. В 2020 г. в двенадцати регионах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов были проведены массовые социологические опросы, посвященные изучению общественного мнения по вопросам миграций. Отдельным опросом выяснили мнение учащейся молодежи. Было опрошено всего 4 800 человек. Результаты этого этапа исследования, посвященного влиянию миграций на этнодемографические процессы, опубликованы в коллективной монографии [2]. Ниже представлены результаты опросов, которые были проведены в Красноярском крае, Республике Алтай, Новосибирской и Омской областях. В этих регионах было опрошено 1 600 человек, в том числе 800 человек — студентов ведущих университетов с разбивкой по полу и направлениям подготовки. Опрос проводился по единой программе, с использованием единого инструментария (анкета), поэтому можно сравнить результаты опроса в разрезе федеральных округов, регионов, а также результаты массового опроса — с результатами опроса студентов.

Первый блок вопросов социологической анкеты был посвящен условиям жизни в Сибирском федеральном округе, выяснению мнения людей об уровне жизни в регионах. Необходимо было понять, почему люди уезжают из Сибири и приезжают в Сибирь. На вопрос: «Считаете ли Вы проблему внутренних и международных миграций важной для региона, в котором сейчас живете?» — почти 51,6 % опрошенных ответили, что и внутренние, и внешние миграции являются важной проблемой; 15,6 % опрошенных считают, что проблему представляют внутренние миграции, а внешние — не являются проблемой; 10 % респондентов не считают внутренние, в отличие от внешних, миграции проблемой. Еще 10 % респондентов не считают миграции актуальной темой для того региона, где они проживают; 12 % затруднились ответить и 0,5 % дали другой ответ («проблема существует, но ее важность лично для меня не так велика»; «проблема актуальна, как внутренних, так и внешних миграций, но в меньшей степени, чем для большей части других территорий России»; «волнуют определенные направления внутренней и внешней миграции, а не все они» и др.). В разных регионах ситуации различаются, подчас очень сильно. Например, в Новосибирской области жителей больше волнуют внешние миграции, а значительная часть респондентов в Республике Алтай не считают их такой уж важной проблемой.

На вопрос: «Как Вы оцениваете социально-экономическую ситуацию в регионе, где Вы сейчас живете?» — почти половина респондентов (45,9 %) дали оценку «средняя». Треть опрошенных (33,8 %) считают, что обстановка «неблагополучная, ниже средней». «Тяжелой» социально-экономическую обстановку в регионах СФО считают 5,6 %, а хорошей — 13 %. Очень хорошей, благополучной обстановку назвал 1 % респондентов. Хуже всего оценки социально-экономической ситуации в Омской области, где почти для половины опрошенных характерен социальный пессимизм — все плохо и ситуация ухудшается.

При оценке миграционной ситуации большое значение имеют перспективы в наиболее существенных для людей сферах жизни: экономической, социальной и культурной. Наиболее часто встречающийся ответ (около трети ответов) — «ситуация не изменится». Причем так оцениваются перспективы во всех сферах жизни. У трети респондентов чуть больше оптимизма по поводу социальных и культурных перспектив, они считают, что

произойдет некоторое улучшение ситуации; 33,8 % респондентов считают, что в экономике произойдет некоторое ухудшение ситуации. Какого-то значительного улучшения или ухудшения ситуации большинство респондентов не ожидает.

В целом, находясь в благополучном регионе, можно чувствовать себя плохо, а в депрессивном — быть всем довольным, хотя в большинстве случаев ситуация в регионе и собственное положение обычно совпадают. Так, на вопрос: «Довольны ли Вы условиями жизни Вас и Вашей семьи в настоящее время?» — ответили «полностью доволен» 4,8 % респондентов; «скорее доволен» — 42,1 %; «скорее недоволен» — 42,8 %; «совсем недоволен» — 10 %. Таким образом, в целом довольны — 47 %, в целом недовольны — 53 %, т. е. недовольных ситуаций в регионе на 6 % больше, чем довольных.

Второй блок вопросов был посвящен оценке миграционной ситуации в регионах СФО. Респондентами оценивалась актуальность для региона тех или иных аспектов миграционной ситуации по пятибалльной шкале. Наиболее актуальными проблемами, оцененными наивысшими баллами, респонденты считают утечку мозгов — отъезд квалифицированных специалистов и выпускников вузов из-за отсутствия в регионах нормальной работы и высоких заработков (28,5 %); отъезд местного населения (28,3 %); распространение вахты — отъезд на заработки в другие регионы за неимением возможности трудоустройства в регионе (21 %).

Актуальность вопросов приезда иностранных трудовых мигрантов, нелегальной миграции, наплыва неквалифицированных трудовых кадров, роста преступности, ксенофобии и экстремизма, захвата мигрантами определенных экономических сфер была оценена большинством респондентов в три балла. Тема создания мигрантских анклавов не актуальна для большинства регионов Сибири, за исключением Новосибирска. В среднем по СФО тема анклавов получила оценку в три балла. Наименее актуальной респонденты считают тему коррупции в миграционной сфере (один балл).

Далее респондентам предлагалось высказать свое отношение к мигрантам из разных стран. В целом в высказываниях прослеживается нейтральное отношение к мигрантам. Вместе с тем отмечены существенные различия в отношении к выходцам из разных стран. Так, наибольшее число респондентов высказали отрицательное отношение к мигрантам из Таджикистана (30,4 %), Киргизии (30,3 %), Узбекистана (29,6 %). Далее показатели распределились следующим образом: к мигрантам из Азербайджана отрицательно относятся 25,9 % респондентов, из Китая — 25,3 %, из Грузии — 22 %, из Армении — 19,4 %, Казахстана — 16,4 %, из Украины — 14,1 %, из США — 12,9 %, Германии — 9,1 %, Белоруссии — 6,4 %. Существует значительная разница мнений по регионам. Например, в Омской области, где живет много немцев и создан Немецкий национальный район, к мигрантам из Германии отрицательно относятся всего 3,5 % опрошенных. По всем регионам СФО положительно относятся к мигрантам из Германии (31,3 %) и Белоруссии (33,6 %). Меньше всего положительных оценок было высказано по отношению к мигрантам из Узбекистана и Таджикистана. Но в целом преобладают нейтральные оценки. К тем же мигрантам из Таджикистана нейтрально относятся 53,8 %.

Одним из принципиальных вопросов был вопрос об ограничениях в отношении иностранцев. Считают, что не нужно ограничивать приезд иностранцев в Россию 24,6 %, противоположное мнение у 50,1 %, затруднились ответить 25,3 %. Вопрос действительно неоднозначный. Почти всегда при этом возникает другой вопрос: приезд каких именно мигрантов следует ограничить? Большинство опрошиваемых высказываются за прием квалифицированных специалистов или студентов и против присутствия в России

и за ограничения въезда для людей без образования, без знания русского языка, квалификации.

Большинство респондентов считают, что влияние мигрантов на ситуацию в регионе проживания является незначительным. Так, на отсутствие влияния мигрантов на сельское хозяйство указали 59,5 % опрошенных; цены — 57,6 %; экологию — 55,1 %; социальную инфраструктуру — 61,9 %; политику — 67 %; стоимость жилья — 66 %; медицину — 66,9 %; образование — 68,5 %.

Вместе с тем сферами, где, по мнению респондентов, влияние мигрантов наиболее значительно, является экономика (26,5 % респондентов оценивают положительно, а 32,5 % — отрицательно), демография (30 % и 28,5 % соответственно). По мнению респондентов, прибытие мигрантов способствует повышению уровня безработицы (56,8 %), преступности (53,9 %). Сферами, не подверженными влиянию мигрантов, являются политика и образование.

Мнение респондентов о том, из каких стран приезжает к нам в регион большее количество мигрантов, в общих моментах совпадает с официальной статистикой. Так, по мнению опрошенных, на первом месте по числу приезжающих в регион находится Узбекистан, на втором месте — Таджикистан и на третьем — Казахстан. По данным статистики, на первом месте находится Казахстан, который имеет общую границу с регионами СФО. При этом для регионов Сибири характерен высокий уровень транзитной миграции и иммигранты из Казахстана не обязательно остаются в этих регионах. Германия или Украина респондентами практически не упоминаются, хотя уровень миграционного обмена с этими государствами высокий. По всей видимости, для местного населения мигрант — это тот, кто отличается внешне и в культурном плане.

Для регионов СФО особое значение имеет внутренняя миграция, высокий отток населения в другие, в основном западные регионы страны. На вопрос: «Из каких регионов России приезжают люди в Ваш регион?» — самый популярный ответ (29,5 %): «К нам почти никто не приезжает из других регионов». Из тех регионов, которые были названы в качестве доноров мигрантов, лидируют Дальний Восток, Ханты-Мансийский автономный округ и регионы Северного Кавказа. Затруднились ответить на этот вопрос 44 % опрошенных; 81 % опрошенных считают, что в Сибири существует проблема оттока населения из сельской местности в города, причем 22 % из них полагают, что это большая проблема; лишь 7,3 % опрошенных не признают, что такая проблема существует. Затруднились ответить 11,7 %.

Следующий блок вопросов был посвящен миграционным настроениям жителей Сибири. На вопрос: «Задумываетесь ли Вы о переезде в другой регион России или в другую страну?» — были получены следующие ответы: «никуда не хочу уезжать» (36,6 %); «точно решил уехать и предпринимаю активные действия» (5 %); «хотел бы выехать на время» (10,4 %); «хотел бы переехать, но пока ничего не предпринимал» (27,8 %); «иногда думаю о переезде» (20,3 %).

Таким образом, решили уехать только 5—10 %, треть никуда ехать не хотят, больше половины — хотели бы уехать гипотетически, но хотеть уехать еще не значит уехать, т. е. 90 % опрошенных вряд ли куда-то поедут в существующих обстоятельствах. Однако желание уехать фактически у двух третей населения — это тревожный симптом. У многих просто нет возможности сделать это по разным причинам, но иметь понимание того, почему у населения Сибири так выражены миграционные настроения, почему так много людей не хочет здесь жить, очень важно.

На следующие вопросы отвечали не все респонденты, а только те, кто хочет уехать. Причины, по которым респонденты хотят уехать: «низкая зарплата» (31,25 %); «отсутствие нормальной работы» (21,63 %); «отсут-

ствие доступного жилья» (11 %); «низкий уровень жизни в целом» (24 %); «плохая экология» (19,25 %); «плохое здравоохранение» (6,63 %); «плохое образование» (1,75 %); «культурная жизнь не отвечает моим запросам» (7,13 %); «плохая инфраструктура» (4,38 %); «неблагоприятный климат» (7,25 %); «не устраивает местная власть и управление регионом» (5,38 %); «социальная напряженность, низкий уровень безопасности» (1,5 %); «нет возможностей для развития» (7,88 %); «нет перспектив карьерного роста» (4,75 %); «переезд к родственникам» (2,63 %); «религиозные причины» (0,25 %); «выход на пенсию» (1,88 %); «другое» (0,75 %)¹.

Очевидно, что среди причин, по которым респонденты хотят уехать, лидирует низкая зарплата (30 %). На втором месте — низкий уровень жизни в целом (24 %), на третьем — отсутствие нормальной работы. Почти столько же людей указывают на плохую экологическую ситуацию. При этом неблагоприятный климат называют возможной причиной отъезда всего 7 % респондентов. Известно, что сибирские города, в которых сосредоточена тяжелая промышленность, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча угля и других ископаемых, входят в российский топ по уровню загрязнения воздуха и скоплениям отходов, которые делают жизнь людей очень сложной.

Меньше всего в качестве причин отъезда указывают на уровень медицины, образования, культуры, безопасности, развития инфраструктуры. По мнению жителей, с этим все более или менее хорошо. Особенно радует хорошее образование — плохое образование в качестве причины переезда назвали всего 1,8 % респондентов.

При принятии решения о переезде важна цель. Для подавляющего большинства опрошенных основная цель — заработать больше денег (28,2 %); на втором месте — найти постоянное место жительства (13,1 %); на третьем — найти более привлекательную работу, что тоже связано с первой причиной (12,5 %). По 10 % хотят посмотреть мир и желают карьерного роста. Таким образом, основная цель переезда в другой регион — более привлекательная работа с более высоким заработком.

Интересно, что большинство людей (45,7 %) хотят переехать в регион, в котором бывали редко, или не были никогда (42,7 %). Переехать в регион, который хорошо знают или в котором часто бывают, хотели бы всего 10,5 % ответивших. Видимо, ответы желающих связаны больше с мечтой (хотеть уехать, это еще не значит уехать).

Источником сведений об условиях жизни там, куда респонденты хотели бы уехать, служат в основном рассказы друзей и знакомых (30,4 %), Интернет, в том числе социальные сети (27,3 %) и личный опыт (15,6 %). Из тех, кто решил уехать, больше половины (61,1 %) не знают, когда определенно они это сделают. 28,9 % планируют это сделать в течение 3-5 лет, и 10,1 % — в ближайшее время, в течение года-двух лет.

Теперь о том, куда хотят уехать жители регионов СФО. Подавляющее большинство (65,2 %) хотят уехать в другой регион России. Уехать в другую страну хотят 22,3 % тех опрошенных, которые высказали желание переехать. Затруднились ответить 8 %. И 4,5 % опрошенных сказали, что «хоть куда, лишь бы уехать».

Те, кто хочет уехать в другой регион России, чаще всего называют Москву (29,8 %) и Краснодарский край (22,9 %), Санкт-Петербург (19,8 %). Также респонденты назвали самые разные регионы: Ленинградская область, Тюмень, Тюменская область и северные регионы, Ростов-на-Дону, Крым и Севастополь, Новосибирск, Иркутск, Томск, Екатеринбург и Свердловская область, Якутия, и «туда, где тепло», «где комфортный климат». Почти 8 % хотят уехать в Калининград, где действительно много выходцев из Сибири.

¹ Не равно 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа (не более трех).

В качестве выбора другой страны для переезда лидирует Германия (17,5 %); на втором месте Канада (16,4 %); на третьем — США (14,3 %). За лидерами следует Финляндия (6,9 %), Испания (5,8 %), Казахстан (5,8 %) и Таиланд (4,2 %). Называли также Израиль, Чехия, Китай, Турция, Латвия, Арабские Эмираты.

Респонденты указали следующие причины выбора этих стран: «медицина лучше, заработная плата выше, качество продуктов лучше», «говорят, хорошо там», «уровень жизни лучше», «поддержка государства, развитая экономика, стабильность», «условия более благоприятные», «есть родственники», «уровень жизни», «демократический режим и высокий уровень жизни» (про Германию); «развитая экономически и социально страна», «эта страна стала очень развитой, развит уровень жизни, экономика, да и культура их мне импонирует» (про Китай); «высокий уровень жизни населения» (про Арабские Эмираты); «абстрактный дух свободы», «высокий уровень жизни» (про США); «лично для меня туда легкая репатриация» (про Латвию); «там тепло и есть потребность в педагогах начальной школы», «климат», «там хорошо и море теплое» (про Таиланд); «потому что близко и соответствует моим требованиям» (про Казахстан); «там тепло» (про Испанию); «климат и богатая история» (про Турцию); «высокий уровень жизни», «хорошая экология» (про Финляндию); «потому что это Канада», «просто нравится» (про Канаду); «просто нравится» (про Чехию).

Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие меры надо предпринять, чтобы люди, в первую очередь молодежь, перестали уезжать из региона, где они живут?» На первом месте по популярности ответ — «создавать новые рабочие места» (74,5 %), на втором — «развивать социальную сферу» (45,3 %), на третьем — «развивать инновационные отрасли экономики» (44,3 %). За развитие культуры, спорта, сферы развлечений высказались 35,4 % респондентов; 41,3 % респондентов считают, что надо сделать акцент на развитии традиционных для регионов Сибири отраслей — промышленности и сельского хозяйства.

Для развития СФО важным является не только то, сколько людей отсюда уезжает, но и то, сколько людей приезжает в Сибирь. В современном мире, где подвижность населения очень высокая, необходимо создавать условия для молодых квалифицированных мигрантов. По мнению респондентов, для того, чтобы привлечь мигрантов в регионы Сибири, необходимо: предлагать рабочие места (69,8 %), предлагать социальное жилье (54,1 %), улучшить работу по программе поддержки соотечественников (29,5 %), выделять квоты для студентов (26,9 %), упростить процедуру получения гражданства (13 %).

Опрос студентов показал, что по основным вопросам их мнение совпадает с мнением взрослого населения. Но были выявлены и отличия. Например, для молодых людей очень большое значение имеет экология: плохая экологическая обстановка для студентов является одной из важнейших причин для переезда. Студентам также задавались дополнительные вопросы относительно их будущего в регионе проживания. На вопрос: «Какова вероятность трудоустройства в Вашем регионе на работу по полученной специальности выпускника вуза/колледжа (без опыта работы)?» — большинство потенциальных выпускников (50,5 %) ответили «средняя». Как низкую эту вероятность оценили 31,8 %, а 6,7 % респондентов сказали, что шансов практически нет. Вероятность найти работу по специальности в регионе как высокую оценили 8,3 %, очень высокая — всего лишь 2,7 %.

Большинство студентов считают, что дипломы, которые они получают, копируются умеренно: в их регионе (57,1 %); в Москве и Санкт-Петербурге (42,9 %); в других регионах России (50,5 %). Дипломы российских университетов, по мнению опрошенных, ценятся и за рубежом, наиболее вы-

соко — в странах ближнего зарубежья. Но многие студенты вспоминали своих знакомых, которые, окончив наши вузы, нашли хорошую работу в европейских странах и в США.

Наиболее популярный ответ на вопрос о причине выбора для обучения сибирского города (Новосибирск, Красноярск, Омск и Горно-Алтайск): «я местный, не хотелось (не было возможности) никуда уезжать» (59 %); 59 % ответов набрал вариант «большое количество бюджетных мест»; 55 % — «низкая стоимость обучения». Наименьшее значение при выборе города для поступления в университет имеют уровень жизни и легкость устройства на работу после окончания обучения.

Студенты более терпимо относятся к мигрантам, чем взрослое население. Больше всего респондентов (23,8 %) сказали, что отрицательно относятся к мигрантам из Таджикистана, Узбекистана (22,5 %), Кыргызстана (21,6 %). Далее показатели следующие: Китай (12,9 %), Азербайджан (20,6 %), Армения (18,3 %), Грузия (16,7 %), Казахстан (12,3 %), Украина (9,6 %), США (5 %), Белоруссия (5,5 %), Германия (5,5 %). Преобладают в основном нейтральные оценки. К тем же мигрантам из Таджикистана нейтрально относятся 56,1 %, а положительно — 20 %.

Молодежь более настроена на выезд из регионов, где проводились опросы. Причины молодежи незначительно отличаются от причин миграции старшего поколения. Для подавляющего большинства студентов основная цель миграции — заработать больше денег (18,2 %), найти более привлекательную работу (13,7 %), карьерный рост (12,7 %).

Студентам, как более мобильной и более настроенной на миграцию части населения, при опросе были заданы дополнительные вопросы, например о том, кто оказывает влияние на принятие решения о миграции. 77,8 % молодых людей сказали, что они принимают решения самостоятельно, лишь 8,7 % указали на родителей. Все остальные варианты ответов находились на уровне статистической погрешности.

Теперь о том, куда хотят уехать студенты, получающие образование в сибирских университетах. Большинство (44,9 %) хотят уехать в другой регион России. Уехать в другую страну хотят 34,7 % опрошенных (это в два раза больше, чем в массовом опросе). Затруднились ответить 10,1 %; 10,3 % опрошенных сказали, что «хоть куда, лишь бы уехать». Те, кто хочет уехать в другой регион России, чаще всего называют Санкт-Петербург, на втором месте Москва, все остальные варианты, включая Краснодарский край (11,8 %); далеко позади. США и Канада лидируют среди стран переезда. За ними следуют Германия, Чехия и Китай. Называли также и другие страны: Израиль, Казахстан, Турция, Латвия, Арабские Эмираты.

На вопрос: «Какой вид эмиграции для вас наиболее предпочтителен?» — половина ответивших студентов указали переезд на постоянное место жительства. Многие планируют найти за границей долгосрочную или кратковременную работу. Часть хочет учиться в магистратуре, есть желающие учиться за границей на программах бакалавриата. Но большинство отвечали, что «надо поехать, а там посмотрим». Таким образом, опросы населения подтвердили высокую значимость для регионов СФО проблем, связанных с межрегиональной и международной миграцией. Опрос учащейся молодежи показал наличие особого мнения этой социальной группы.

Оценка студентами сибирских университетов межнациональных отношений в регионах СФО

Во время проведения опросов была выявлена непосредственная связь между миграционной ситуацией и межнациональными отношениями, поэтому в 2023 г. был проведен социологический опрос учащейся молодежи (студентов) Новосибирска, Омска и Горно-Алтайска по теме межнациональных отношений. В опросе приняли участие 600 человек. Выборка в каждом го-

роде была представлена 200 студентами высших учебных заведений, среди которых 100 мужчин, 100 женщин; половина респондентов — студенты социально-гуманитарных направлений, вторая половина — естественно-научных и технических направлений.

После блока предварительных вопросов, которые касались оценки студентами текущей ситуации в стране, были заданы вопросы, касающиеся российской многонациональности. Так, на вопрос о том, как правильно называть население нашей многонациональной страны, с большим отрывом победил вариант «россияне» (55,7 %). Остальные варианты расположились в следующем порядке (по убыванию): «российский народ» (22,8 %); «русские» (13,3 %); «нет общего названия» (3,2 %); затруднились ответить 1,7 %, а 3,3 % респондентов предложили свой вариант: «граждане Российской Федерации», «люди», «славяне», «русичи». Два человека считают, что может быть несколько названий: «россияне» и «российский народ» или «жители России» — «россияне», но также можно назвать русскими, по большей части населения страны.

Ответ на следующий вопрос требовал от респондентов оценки этнического многообразия: «Тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей больше пользы или больше вреда?» Ответы следующие: «безусловно, больше пользы» (34,2 %); «скорее, больше пользы» (37 %); «не приносит ни пользы, ни вреда» (14,7 %); «скорее, больше вреда» (9,3 %); «безусловно, больше вреда» (2,8 %); другое (свой вариант ответа) (2 %). Таким образом, большинство опрошенных оценивает российскую многонациональность положительно, причем треть из них безусловно положительно. Еще треть занимают нейтральную позицию, отмечая, что культурная сложность населения требует от государства дополнительных усилий. Отрицательно оценивают многонациональность 9,3 %, при этом 2,8 % респондентов считают, что, безусловно, она приносит больше вреда. 2 % респондентов дали свой комментарий: «не бывает плохих наций, бывают плохие люди»; «это (многонациональность) позволяет лучше узнать людей, то есть если ты добр к людям, то добр либо ко всем нациям, либо выборочно»; «приносит и пользу, и вред»; «вопрос сложный, так как зависит от многих факторов и людей»; «есть некоторые национальности (чеченцы), в которых развивается дух сепаратизма, что недопустимо».

Важным индикатором состояния межнациональных отношений является оценка отношений между представителями разных национальностей. На вопрос: «Как Вы оцениваете отношения между представителями Вашей и других национальностей?» — были даны следующие ответы: «доброжелательные» (33,2 %); «нормальные, бесконфликтные» (46,5 %); «напряженные, конфликтные» (13,2 %); «взрывоопасные, могут перейти в открытые конфликты» (2 %); «затрудняюсь ответить» (5,2 %). Несмотря на значительное преобладание положительных оценок, уровень в 15,2 % отрицательных оценок является высоким и достаточно тревожным. Следует обратить на это внимание.

Далее следовали вопросы о личном отношении респондентов к представителям других национальностей. Всегда обращают внимание на национальность окружающих людей 10,8 % опрошенных. Обычно не обращают внимания 48,7 % и обращают внимание лишь иногда 40,5 % опрошенных. Таким образом, национальность окружающих людей не является сколь угодно значимым признаком для большинства студентов.

Принципиальным для оценки межнациональных отношений являлся также вопрос о том, испытывают ли респонденты антипатию по отношению к представителям других национальностей. Большинство респондентов (74,2 %) не испытывают отрицательных чувств к представителям других национальностей; легкую антипатию испытывают 10 %; сильную антипатию испытывают 2,5 %; 10,5 % респондентов испытывают антипатию

не ко всем, а только к представителям определенных национальностей. Затруднились ответить 2 %; пять человек дали свой вариант ответа: «к определенным представителям, определенных национальностей»; «не бывает плохих наций, бывают плохие люди»; «я испытываю апатию ко всему»; «мне все равно какая национальность, мне важен человек и его мировоззрение».

Важно было более детально изучить мнение тех, кто испытывает антипатию к представителям других национальностей для выяснения ее причины. Большинство из этой категории участников опроса испытывает антипатию не к местным жителям другой национальности (таких ответов всего 2,7 %), а к приезжим, к мигрантам (17 %). Испытывающих антипатию к тем и к другим — 3,8 %. Причины антипатии к другим народам представлены в порядке убывания (можно было назвать три варианта): «они не уважают наши традиции, наш образ жизни, ведут себя нагло и оскорбительно» (17 %); «они совершают много преступлений, я их боюсь» (9 %); «они не являются патриотами России, приезжают только из экономических соображений» (7,2 %); «они отнимают у местных рабочие места, из-за них растут цены» (5 %); «у них другой уклад жизни, они говорят на непонятном мне языке, это раздражает» (4,7 %); «они захватили рынки и предприятия, образуют землячества, из-за них увеличиваются коррупция и кумовство» (4,5 %); «они разводят грязь и антисанитарию, разносят болезни» (3,7 %); «из-за них ухудшается школьное образование, в классах появляются дети, не говорящие по-русски» (3,5 %); «они исповедуют другую религию» (0,8 %). Затруднились ответить 1 %. Свой вариант ответа дали 0,7 % респондентов.

Поскольку чувство антипатии (у тех, кто его отметил) сформировано в основном по отношению к приезжим, мигрантам, респондентам задавался вопрос о том, много ли мигрантов в регионе их проживания и 42,8 % опрошенных считают, что очень много; 42,7 % — немного; 3,3 % — почти нет. Затруднились ответить 8,2 %, свои варианты ответа дали 3 % («сейчас их не настолько много, но видно, что их число медленно, но увеличивается»; «достаточно, чтобы замечать их присутствие»; «я не делю людей по такому признаку и совершенно не умею это выявлять»; «довольно много»).

Ответы на вопрос: «Возможны ли межнациональные конфликты в регионе, где проживают студенты?» — разделились примерно поровну: «возможны» (23,3 %); «скорее возможны» (26,2 %); «скорее невозможны» (20,5 %); «невозможны» (23,8 %). Затруднились ответить 6,2 %. Однако по регионам разница в ответах на этот вопрос весьма существенная. Так, самая благополучная ситуация зафиксирована в Республике Алтай. А, например, в Омской области всего 5,5 % опрошенных студентов считают невозможными в их регионе конфликты на межнациональной почве, почти 70 % опрошенных омских студентов предполагают возможность таких конфликтов. Половина опрошенных (45 %) стала за последний год свидетелем межнациональных конфликтов в Омске, еще 5,5 % не только наблюдали межнациональные конфликты, но и участвовали в них.

Респонденты указали на следующие причины межнациональных проблем: сложные социально-экономические условия, безработица, низкий уровень жизни, по крайней мере отдельных категорий населения (34,5 %); низкий уровень культуры приезжих (30,2 %); большой приток мигрантов, иностранных работников (29,8 %); плохая работа правоохранительных органов, коррупция, криминал (24,3 %); последствия распада СССР и политика новых независимых государств (22,8 %); неправильное законодательство, действия федеральных властей (22,5 %); неправильные действия региональных властей (16,8 %); вековая, исторически сложившаяся неприязнь между национальными группами (12,6 %); низкий уровень культуры местного населения, высокий уровень ксенофобии (11 %); деятельность

националистов и экстремистов (9,7 %); 5,2 % отметили, что никаких сложностей нет, все хорошо; 12,3 % затруднились ответить; свой вариант ответа предложили 0,2 %.

Студенты предложили меры для улучшения межнациональных отношений, в первую очередь меры культурно-просветительского характера: развивать просветительскую работу, проводить межнациональные мероприятия, направленные на знакомство с культурами разных народов, совместные спортивные соревнования, акции по благоустройству и т. д.

Заключение

Население нашей большой страны размещено крайне неравномерно: 80 % населения живет в европейской части России, хотя 75 % территории страны — это Азия. Огромные пространства за Уралом остаются слабо или совсем незаселенными, и ситуация в последние годы лишь ухудшается. Численность населения в Сибирском федеральном округе (как и в Дальневосточном) снижается за счет превышения смертности над рождаемостью и отрицательного сальдо миграций. Эти процессы характерны для подавляющего большинства регионов, причем отрицательные показатели миграции нарастают с запада на восток.

Причины заключаются в экономической слабости большинства регионов и, как следствие, их социальной неразвитости. Низкое качество жизни населения, отсутствие хорошей работы и достойной зарплаты — основные мотивы выезда людей в другие регионы и страны. Стабильные экономически Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, Новосибирская область находятся в миграционном плюсе, но это лишь исключение на общем фоне демографической деградации.

Наше исследование показало, что меняется этнический состав населения регионов, особенно национальных, из которых выезжают преимущественно русские. Миграционный отток и нарастающая естественная убыль населения восполняются мигрантами, преимущественно из стран Центральной Азии. И это уже проблема не только экономики, но и государственной национальной политики. Учитывая стратегическое значение Сибирского федерального округа, а также то, что его южные регионы являются приграничными территориями с интенсивными трансграничными миграциями, необходима постоянная аналитическая работа, оценка состояния народонаселения этих территорий. В результате проведенного исследования возникает множество вопросов. Например, нужно ли стремиться здесь к численному росту населения, который может происходить только за счет мигрантов из азиатских стран, потому что свои ресурсы исчерпаны, или постоянного населения на этих территориях достаточно и надо развивать вахтовые методы освоения местных природных богатств? Надо ли любыми способами стараться заселять огромные пустующие азиатские просторы страны или в этом нет никакой необходимости? Что могут предложить ученые и эксперты в этой непростой ситуации? Очевидно, что на огромном и сложном пространстве восточных регионов страны требуется принятие конкретных управленческих решений, основанных на всестороннем анализе ситуации и различных видах исследований.

Список источников

1. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 08.05.2024).
2. Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски / отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск : КАН, 2021. 272 с.

References

1. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda [All-Russian Population Census 2020], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service], [ofits. sayt]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 08.05.2024).
2. Smirnova T.B. (ed.) *Etnodemograficheskie protsessy i migratsii v regionakh Aziatskoy Rossii: sovremennaya situatsiya, prognozy i riski* [Ethnodemographic processes and migrations in the regions of Asian Russia: current situation, forecasts and risks]. Omsk, KAN, 2021, 272 p.

Информация об авторе

Смирнова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, научный сотрудник — руководитель отдела, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск, Российская Федерация. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Information about the author

Smirnova Tatyana Borisovna — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Research Associate — Head of the Department, Siberian Branch of the Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Omsk, Russian Federation. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Миграционные процессы в России: социальный ракурс

Научная статья
УДК 322.2:325.14
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-85-91

Современные миграционные проблемы в дискурсе Русской Православной Церкви

Анастасия Сергеевна Боброва¹, Иван Владимирович Бобров²

^{1, 2} Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ bobrova-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8834-928X>

² ivan.v.bobrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2828-6579>

Аннотация. Проблема миграции остро стоит перед многими современными государствами. Россия в плане миграционных процессов движется согласно общемировой тенденции, при этом данное явление имеет ряд особенностей на постсоветском пространстве. Перед страной стоит выбор пути построения взаимоотношений с мигрантами. В статье на основе анализа документов и официальных выступлений представителей Русской Православной Церкви рассматриваются основные принципы построения ее взаимоотношений и направления работы с мигрантами. В рамках целостной концепции построения взаимодействия с мигрантскими сообществами Русская Православная Церковь придерживается позиции необходимости интеграции мигрантов в российское общество через культурную интеграцию.

Ключевые слова: идентичность, культура, миграция, миграционные процессы, религия, Русская Православная Церковь, этнические группы

Для цитирования: Боброва А. С., Бобров И. В. Современные миграционные проблемы в дискурсе Русской Православной Церкви // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 85—91. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-85-91.

Migration processes in Russia: social perspective

Original article

Modern migration problems in the Discourse of the Russian Orthodox Church

Anastasia S. Bobrova¹, Ivan V. Bobrov²

^{1, 2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ bobrova-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8834-928X>

² ivan.v.bobrov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2828-6579>

Abstract. The problem of migration is acute for many modern states. In terms of migration processes, Russia is moving in accordance with the global trend, while this phenomenon has a number of features in the post-Soviet space. The country faces a choice of ways to build relationships with migrants. Based on the analysis of documents and official speeches by representatives of the Russian Orthodox Church, the article examines the basic principles of building its relationships and areas of work with migrants. Within the framework of the holistic concept of building interaction with migrant communities, the Russian Orthodox Church adheres to the position of the need to integrate migrants into Russian society through cultural integration.

Keywords: identity, culture, migration, migration processes, religion, Russian Orthodox Church, ethnic groups

For citation: Bobrova A.S., Bobrov I.V. Modern Migration Problems in the Discourse of the Russian Orthodox Church. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):85—91. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-85-91.

Современные гуманитарные исследования все активнее фокусируются на миграционных процессах — неотъемлемой части глобального мира. Вопросы миграции и миграционной политики не теряют своей актуальности и с каждым годом становятся источником все новых вызовов для современных государств во всех сферах общественной жизни, включая и религиозную. Последствием нескольких миграционных волн становятся последовательные изменения в этноконфессиональном составе населения государств-реципиентов, что ведет к процессу, обозначаемому как «детерриторизация религиозного» [1].

В российском контексте этот процесс имеет свои особенности. Насильственная секуляризация на протяжении XX в., ассоциируемая с правлением большевиков, привела к ответной реакции при распаде Советского Союза, когда религиозные акторы в ряде новообразованных государств (и республик бывшей РСФСР) стали активными участниками политического процесса [2]. Таким образом, миграция на постсоветском пространстве приобретает ряд особенностей: существенная роль принадлежит религиозной общине, так как гражданские институты остаются непривычным форматом консолидации. Кроме того, миграционный поток имеет циркулярный характер, т. е. большая часть мигрантов изначально не планирует интеграцию в общество-реципиент, предпочитая формировать параллельные общества.

Понятие «параллельные общества» изначально связано с проблемами, которые поставила перед немецким обществом мусульманская турецкая миграция. Некоторые исследователи пришли к выводу, что немецкое государство на территориях, где преимущественно проживают выходцы из исламских стран, утратило монопольное законное право использования механизма принуждения [3]. Однако со временем исследовательский фокус сместился с негативной трактовки, подразумеваемой определением параллельных обществ, на вопросы несостоятельности интеграционной политики государств-реципиентов, не способных предложить мигрантам привлекательной альтернативы традиционному укладу [4]. Этот фокус задает актуальность данного вопроса, поскольку ни один из существующих интеграционных проектов невозможен без учета роли религиозного в жизни описываемых обществ.

Цель нашего исследования — выявить основания, на которых один из активных акторов современного гражданского общества Российской Федерации — Русская Православная Церковь (РПЦ) осуществляет взаимодействие с мигрантскими сообществами России.

С практической точки зрения исследование этого вопроса может быть полезно в определении государственной политики по отношению к мигрантским сообществам — в контексте использования гуманитарной «мягкой силы», потенциал которой заключен в прозелитском векторе Русской Православной Церкви [5].

Наше исследование сфокусировано на изучении трудовой миграции, поскольку в российском контексте именно трудовая миграция в большей степени связана с иноверческими общинами, что позволяет охарактеризовать вызовы, стоящие перед Русской Православной Церковью.

Задачами исследования являются, во-первых, определение основных векторов работы с иноверческими общинами на уровне внутренних нормативных документов РПЦ, во-вторых, выявление этих принципов в официальных выступлениях представителей Русской Православной Церкви.

Один из основных документов, регулирующих взаимодействие церкви с общественно-политическими акторами, — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в котором определяются сферы совместной деятельности церкви и государства. Среди важнейших из них следует отметить «миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений». Кроме того, в Концепции декларируется следующий факт: в своей работе Русская Православная Церковь «стремится осуществлять миротворческое служение как в национальном, так и в международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы» [6].

Таким образом, уже на уровне векторобразующего документа мы видим готовность церкви работать с различными акторами для гармонизации общественно-политических отношений.

Другой важный документ — «Основные направления миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», в котором формируются внешняя, внутренняя и апологетическая миссии церкви. Так, внешняя миссия направлена на «людей, воспитанных вне христианской традиции», к которым в документе относят: народы России и стран ближнего зарубежья, не принадлежащие к христианской традиции; национальные диаспоры в России и в странах ближнего зарубежья, образованные народами, не принадлежащими к христианской традиции; неправославных христиан; иностранных граждан, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви, а также иностранных туристов [7]. Таким образом, церковь не только не игнорирует мигрантов, но и стремится активно включать их в сферу своей деятельности, подразумевая под этим не проповедь религиозных основ, молитву, прозелитизм и т. д., а скорее, культурно-просветительскую деятельность.

Стоит отметить, что «Основные направления миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» были приняты в 2022 г., когда в церкви в целом был актуализирован вопрос взаимодействия с мигрантами. Это связано в том числе с начавшимся конфликтом на Украине и обострением миграционной проблемы в стране. В том же году был разработан документ «Социальное служение Церкви среди мигрантов», который должен был затронуть в том числе работу с беженцами [8], однако документ так и не был принят. Впрочем, основа для этих документов сформировалась гораздо раньше. Так, еще в 2013 г. было подписано Соглашение о взаимодействии Русской Православной Церкви и Федеральной миграционной службы Российской Федерации (ФМС России). Согласно ст. 3 соглашения, Русская Православная Церковь и Федеральная миграционная служба осуществляют взаимодействие по следующим направлениям:

содействие обучению мигрантов русскому языку;

содействие просвещению мигрантов (в том числе разработке образовательных программ) в области изучения культуры, духовных, социальных и иных традиций народов России, правовых и социальных норм поведения, свойственных российскому обществу, опыта и принципов межрелигиозного взаимодействия;

содействие формированию правовых, экономических и социальных механизмов, создающих благоприятные условия развития населения России;

содействие добровольному возвращению соотечественников из-за рубежа и их обустройству на территории Российской Федерации;

содействие развитию правосознания мигрантов и соотечественников, а также реализации мер, способствующих их законопослушному поведению;

проведение мероприятий (включая мероприятия информационного и информационно-просветительского характера), в том числе направленных на формирование доброжелательного отношения к людям другой национальности и вероисповедания, преодоление ксенофобии, установление дружественных межэтнических связей, укрепление межнационального и межрелигиозного мира и согласия;

объективное информирование населения Российской Федерации о специфике психологии мигрантов, их мотивации и проблемах, в том числе возникающих при адаптации мигрантов к новым условиям и интеграции в российское общество [9].

Таким образом, церковь заинтересована в сохранении цивилизационных аспектов русской культуры, центром которого является православие. В 2014 г. были приняты «Принципы и направления работы с мигрантами в Русской Православной Церкви». Отчасти эти принципы дублируют те сферы взаимодействия, которые были закреплены в соглашении с Федеральной миграционной службой. В документе зафиксировано, что принципы формируются на основе взаимного уважения. Так, церковь «призывает коренное население к преодолению ксенофобии, особенно агрессивной, а мигрантов — к гармоничной интеграции в принимающее общество с уважением к его традициям, культурным, нравственным и духовным ценностям» [10]. В целом в документе продолжается идея необходимости интеграции мигрантов в культурную среду российского общества, уделено внимание культурным, правовым и ценностным аспектам интеграции мигрантов. В связи с этим во внутренних документах Русской Православной Церкви предусмотрена работа с мигрантами, основанная на взаимном уважении к другим традиционным религиям, нациям и этносам. Очевидно, что Русская Православная Церковь считает себя одним из культурных столпов российского общества, признавая многонациональный и многоконфессиональный статус Российской Федерации. Это влечет и выделение двух основных сфер работы с мигрантами: культуры и просвещения. При этом главным требованием, обозначенным в этих документах, является необходимость понимания мигрантами специфики принимающей страны и соблюдение общественно-политических устоев, которые сложились в обществе.

На наш взгляд, есть в этих документах и ряд недостатков. Один из самых очевидных — это трактовка статуса мигранта. Понятие «мигрант» достаточно широкое, в зависимости от обстоятельств миграции работа с мигрантами может и должна быть различной. Однако существующими нормативными документами РПЦ это не предусмотрено. Второе — совсем не предусмотрена работа с иновещескими центрами традиционных религий, которые зачастую играют важную роль в интеграции и адаптации мигрантов.

Если обратиться к анализу выступлений представителей церкви по вопросу мигрантов и миграции, то следует уточнить, что необходимо разделять официальную позицию церкви и личную позицию отдельных акторов, входящих в структуру РПЦ. Официальной информацией считаются только «документы церковного Священноначалия, официальные информационные материалы о его деятельности, о других важнейших событиях, происходящих в Церкви, или о занятой ее Священноначалием позиции по тем или иным вопросам» [11]. Отсюда логично следует, что различные интервью, авторские статьи, высказывания и т. д. не являются официальными источниками информации, а следовательно не должны переноситься на позицию

всей организации. Данное исследование основывается на изучении именно официальной позиции церкви по этой проблеме.

В конце 2023 — начале 2024 г. Святейший Патриарх Московский Кирилл сделал ряд важных заявлений, касающихся проблем миграции. На последнем заседании XXV Всемирного Русского Народного Собора Патриарх Кирилл — руководитель этой организации — поднял вопрос о том, что миграционные процессы ставят под угрозу российские культурные традиции. Был сформулирован тезис о необходимости контроля и регулирования миграционных потоков: «Массовый приток эмигрантов, не владеющих русским языком, не имеющих должных представлений о российской истории и культуре, о наших традициях и обычаях, а следовательно не способных, а зачастую и не желающих интегрироваться в российское общество меняет образ российских городов, приводит к деформации культурного, правового и языкового пространства страны» [12]. В выступлении обращено внимание на маргинализацию отдельных мигрантских анклавов, однако речь идет не о всех мигрантах. Патриарх уверяет, что среди мигрантского сообщества есть люди, с уважением относящиеся к русскому народу и традициям. Своим выступлением патриарх подтверждает те постулаты, которые заложены в нормативных документах церкви, а именно о необходимости культурной интеграции мигрантов в российское общество, а также работы с мигрантами на основе взаимоуважения культур и религий. При этом глава РПЦ жестко ставит вопрос о регулировании миграционных вопросов и необходимости изменения текущей российской миграционной политики.

В 2024 г. церковный первоиерарх вновь затронул миграционный вопрос на внеочередном съезде Всемирного Русского Народного Собора, происходившем через несколько дней после трагических событий в «Крокус Сити Холле». Патриарх оценил произошедший теракт как попытку воспользоваться внутренними миграционными проблемами, столкнуть две традиционные религии и разделить людей по национальному признаку. Перечисляя вызовы, с которыми предстоит столкнуться России, глава церкви первой называет миграцию. При этом отмечает: «Угроза заключается не в миграции, а в нежелании части мигрантов уважать культуру той страны, в которую они приехали работать» [13]. Патриарх Кирилл вновь апеллирует к необходимости культурной интеграции и просвещения мигрантов с точки зрения знания русского языка, традиций, истории, правовой культуры и т. д.

Позицию Русской Православной Церкви ее глава подтвердил в ответах на вопросы студентов на Всемирном фестивале молодежи, прошедшем в 2024 г. На замечание одного из студентов о жестких высказываниях патриарха относительно миграции Святейший возразил, что в его позиции нет ничего жесткого и что присутствие мигрантов «не должно создавать угроз для национальной идентичности России и русских. <...> Иммигранты должны иметь уважение к той стране и к тому народу, где они работают. Они не должны формировать свои национальные гетто, которые агрессивно настроены к окружению» [14].

Подводя итог, отметим, что документы РПЦ по вопросам миграции дают некоторые представления о направлении деятельности Русской Православной Церкви в этом вопросе, а также о взаимоотношениях с мигрантами. Это подтверждается и реальными дискурсивными практиками.

В этой связи мы можем говорить о целостной политике РПЦ в отношении мигрантов. Все взаимодействие строится на взаимоуважении культур, традиций, религий, принятии национальных особенностей. При этом интересы российского общества и государства ставятся выше всех остальных, поскольку Россия в случае с мигрантами является принимающей стороной, государством-реципиентом, следовательно, мигранты должны интегрироваться в российскую культуру. При этом Церковь готова идти навстречу мигрантам и оказывать помощь в этой интеграции.

Список источников

1. Пронина Т., Талалаева Е. Миграция и религия: основные направления исследований // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2023. Т. 41, № 2. С. 7—29.
2. Дринова Е. М. Исследование форм политико-религиозного взаимодействия в контексте модернизации и глобализации // Logos et Praxis. 2011. Т. 1, № 7—13. С. 167—172.
3. Андреева Л. А. Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство // Современная Европа. 2019. № 5 (90). С. 110—122.
4. Талалаева Е. Ю. Специфика феномена конфессионального «параллельного общества» в странах Северной Европы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 158—168.
5. Вольтер О. В. Русская Православная Церковь и российские исламские организации: применение политики «мягкой силы» в процессе формирования политической и межкультурной коммуникации в системе современных международных отношений // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4—1. С. 319—322.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2008. 9 июня. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (дата обращения: 01.04.2024).
7. Основные направления миссионерской деятельности Русской Православной Церкви : утв. решением Священного Синода от 29 дек. 2022 г. // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2022. 29 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990850.html> (дата обращения: 01.04.2024).
8. Митрополит Воронежский Сергей: «Чтобы восторжествовала правда Божия на Земле...» // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2022. 13 апр. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5916614.html> (дата обращения: 01.04.2024).
9. Соглашение о взаимодействии Русской Православной Церкви и Федеральной миграционной службы России // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2013. 19 апр. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2917828.html> (дата обращения: 01.04.2024).
10. Принципы и направления работы с мигрантами в Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2014. 20 нояб. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/460673.html> (дата обращения: 01.04.2024).
11. Журналы заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 16 июля 2005 года // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2005. 16 июля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/28832.html> (дата обращения: 01.04.2024).
12. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2023. 28 нояб. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (дата обращения: 01.04.2024).
13. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на внеочередном соборном съезде Всемирного русского народного собора // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2024. 27 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116021.html> (дата обращения: 01.04.2024).
14. Ответы Святейшего Патриарха Кирилла на вопросы на встрече с участниками Всемирного фестиваля молодежи // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. 2024. 2 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6107907.html> (дата обращения: 01.04.2024).

References

1. Pronina T., Talalaeva E. Migratsiya i religiya: osnovnye napravleniya issledovaniy [Migration and religion: the main areas of research], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [The state, religion, and the Church in Russia and abroad], 2023, vol. 41, no. 2, pp. 7-29.
2. Drinova E.M. Issledovanie form politiko-religioznogo vzaimodeystviya v kontekste modernizatsii i globalizatsii [The study of forms of political and religious interaction in the context of modernization and globalization], *Logos et Praxis*, 2011, vol. 1, no. 7-13, pp. 167-172.
3. Andreeva L.A. Islamizatsiya Germanii: "parallel'noe" musul'manskoe obshchestvo i svetskoe gosudarstvo [Islamization of Germany: a "parallel" Muslim society and a secular state], *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2019, no. 5 (90), pp. 110-122.
4. Talalaeva E.Yu. Spetsifika fenomena konfessional'nogo "parallel'nogo obshchestva" v stranakh Severnoy Evropy [The specifics of the phenomenon of confessional "parallel society" in the Nordic countries], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2019, no. 3, pp. 158-168.
5. Vol'ter O.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i rossiyskie islamskie organizatsii: primeneniye politiki "myagkoy sily" v protsesse formirovaniya politicheskoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy [The Russian Orthodox Church and Russian Islamic Organizations: the application of the policy of "soft power" in the process of forming political and intercultural communication in the system of modern international relations] *Bol'shaya Evraziya*:

- razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]*, 2021, no. 4-1, pp. 319-322.
6. Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2008, 9 June. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (accessed: 01.04.2024).
 7. Osnovnye napravleniya missionerskoy deyatelnosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [The main directions of the missionary activity of the Russian Orthodox Church], utv. resheniem Svyashchennogo Sinoda ot 29 December 2022, *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2022, 29 December. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5990850.html> (accessed: 01.04.2024).
 8. Mitropolit Voronezhskiy Sergiy: "Chtoby vostorzhestvovala pravda Bozhiya na Zemle..." [Metropolitan Sergius of Voronezh: "So that the truth of God may prevail on Earth..."], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2022, 13 April. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5916614.html> (accessed: 01.04.2024).
 9. Soglasenie o vzaimodeystvii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i Federal'noy migratsionnoy sluzhby Rossii [Agreement on Cooperation between the Russian Orthodox Church and the Federal Migration Service of Russia], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2013, 19 April. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2917828.html> (accessed: 01.04.2024).
 10. Printsipy i napravleniya raboty s migrantami v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Russian Orthodox Church Principles and directions of work with migrants in the Russian Orthodox Church], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2014, 20 November. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/460673.html> (accessed: 01.04.2024).
 11. Zhurnaly zasedaniya Svyashchennogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi ot 16 iyulya 2005 goda [The journals of the meeting of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church dated July 16, 2005], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2005, 16 July. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/28832.html> (accessed: 01.04.2024).
 12. Doklad Svyateyshego Patriarkha Kirilla na plenarnom zasedanii XXV Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora [Report of His Holiness Patriarch Kirill at the plenary session of the XXV World Russian People's Council], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2023, 28 November. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (accessed: 01.04.2024).
 13. Vystuplenie Svyateyshego Patriarkha Kirilla na vneocherednom sobornom s"ezde Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora [His Holiness Patriarch Kirill's speech at the extraordinary Conciliar Congress of the World Russian People's Council], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2024, 27 March. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116021.html> (accessed: 01.04.2024).
 14. Otvet Svyateyshego Patriarkha Kirilla na voprosy na vstreche s uchastnikami Vsemirnogo festivala molodezhi [His Holiness Patriarch Kirill's answers to questions at a meeting with participants of the World Youth Festival], *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' [The Russian Orthodox Church]*, ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata, 2024, 2 March. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6107907.html> (accessed: 01.04.2024).

Информация об авторе

Боброва Анастасия Сергеевна — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bobrova-as@ranepa.ru

Бобров Иван Владимирович — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ivan.v.bobrov@gmail.com

Information about the author

Anastasia S. Bobrova — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bobrova-as@ranepa.ru

Ivan V. Bobrov — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ivan.v.bobrov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ CULTURAL AND EDUCATIONAL ADAPTATION OF MIGRANTS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 92—107.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):92—107.

Культурно-образовательная адаптация мигрантов

Научная статья
УДК 314.74-053.81(575.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107

**Историческая память образовательных мигрантов
из Центральной Азии в Томске: социально-политические
трансформации Киргизской Республики в XX—XXI вв. глазами
киргизской молодежи**

Диана Евгеньевна Брызгина¹, Антон Алексеевич Садырин²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

¹ br.diana21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>

² sadyrin.1994@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8736-8793>

Аннотация. Статья посвящена изучению нарративов исторической памяти киргизских студентов в Томске. Материалы полуструктуризированных интервью с образовательными мигрантами из Киргизии дают представление о восприятии киргизской молодежью различных периодов в истории республики. На первый план выдвигаются нарративы о советском прошлом как едином пути развития Киргизии и России. Ностальгия по советскому прошлому и репрезентация последствий распада СССР определяют оценку политических кризисов, пережитых страной в начале XXI в. Включение этих элементов исторической памяти в повседневное знание определяет жизненные траектории образовательных мигрантов, связывающих свое будущее с Россией.

Ключевые слова: миграция, образовательные мигранты, историческая память, Киргизия, киргизские студенты, идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке государственной программы развития университетов «Приоритет—2030».

Для цитирования: Брызгина Д. Е., Садырин А. А. Историческая память образовательных мигрантов из Центральной Азии в Томске: социально-политические трансформации Киргизской Республики в XX—XXI вв. глазами киргизской молодежи // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 92—107. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107.

Cultural and educational adaptation of migrants

Original article

Historical memory of educational migrants from Central Asia in Tomsk: socio-political transformations of the Kyrgyz Republic in the XX—XXI centuries by the heads of Kyrgyz youth

Diana E. Bryazgina¹, Anton A. Sadyrin²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ br.diana21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>

² sadyrin.1994@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8736-8793>

Abstract. The article is devoted to the study of narratives of the historical memory of Kyrgyz students in Tomsk. The materials of semi-formalized interviews with educational migrants from Kyrgyzstan give an idea of the perception of Kyrgyz youth of various periods in the history of the republic. Narratives about the Soviet past as a single path of development for Kyrgyzstan and Russia come to the fore. Nostalgia for the Soviet past and the representation of the consequences of the collapse of the USSR determine the assessment of the political crises experienced by the country at the beginning of the XXI century. The inclusion of these elements of historical memory in everyday knowledge determines the life trajectories of educational migrants who connect their future with Russia.

Keywords: migration, educational migrants, historical memory, Kyrgyzstan, Kyrgyz students, identity

Acknowledgments: The study was carried out with the support of the state university development program Priority 2030.

For citation: Bryazgina D.E., Sadyrin A.A. Historical Memory of Educational Migrants from Central Asia in Tomsk: Socio-political Transformations of the Kyrgyz Republic in the XX—XXI Centuries by the Heads of Kyrgyz Youth. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):92—107. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107.

Введение

На фоне интеграционных процессов, разворачивающихся на евразийском пространстве в последние десятилетия, возникает ряд вопросов о перспективах и вызовах сотрудничества России со странами Центральной Азии, в условиях политической нестабильности [1, с. 40—46]. Одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих основу для поддержания социального порядка в данном регионе, являются представления населения об историческом пути развития, который обеспечил сосуществование различных народов в едином политическом и социокультурном поле. Длительное совместное сосуществование членов общества, разделенных религиозными, культурными, бытовыми практиками, в рамках единого государства, консолидация в период кризисов и военных конфликтов, противостояние общему врагу во многом обуславливают особенности текущих процессов и взаимодействий, несмотря на изменившуюся социально-политическую реальность. В то же время политические трансформации конца XX в. приводят к тому, что в повестке уже независимых республик фокус смещается на поиск и конструирование собственного исторического пути развития, который обеспечивает легитимацию новой власти и сплочение населения вокруг нее на основе осознания и поддержания собственной идентичности.

Одним из ключевых инструментов в этом контексте выступает политика памяти [2, с. 63—81], которая призвана конституировать процесс национал-строительства в образованных после распада СССР центральноазиатских республиках. Курс на переосмысление наиболее значимых исторических событий и распространение новой версии истории, характеризующие поли-

тику памяти государств постсоветского пространства [3, с. 307—325], порождает проблему соотношения различных форм исторического знания и его отражения в представлениях людей. В связи с этим актуализируются вопросы возникновения новых нарративов исторического знания о советском прошлом независимых республик: как они соотносятся с существующими представлениями населения о пережитом прошлом, основанном не только на официальных трактовках истории, но и на собственном опыте? Какое влияние новые интерпретации оказывают на самоидентификацию и социальные взаимодействия людей?

В нашем исследовании мы проанализируем, каким образом в исторической памяти киргизской молодежи, проживающей на территории Томска, отражаются социальные и политические кризисы XX—XXI вв. Восприятие национальной истории молодыми людьми из Киргизии имеет значение для интеграционных процессов в Евразии, так как является одним из ключевых элементов, определяющих механизмы социализации и самоидентификации молодых людей, а также индикатором передачи общепризнанных социокультурных ценностей, составляющих основу консолидации общества страны исхода [4, с. 482—496]. Более того, это важно для выстраивания межэтнического взаимодействия в контексте миграционных процессов на принимающей территории. Несмотря на общий исторический контекст, восприятие тех или иных событий, которые тесно связаны с этнической проблематикой, может быть различным и оказывать влияние на характер межэтнических отношений в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего общества [5, с. 112—117].

По данным Всероссийской переписи населения 2020—2021 гг., численность киргизов, постоянно проживающих на территории Томской области, составляла 1 301 человек [6]. Помимо этого, по данным текущего учета, в регион ежегодно приезжает около тысячи человек из Киргизии в качестве трудовых и образовательных мигрантов [7]. Пребывание мигрантов в инокультурной и иноэтнической среде обуславливает актуализацию идентичности диаспоры, в том числе через нарративы, составляющие основу коллективной памяти ее представителей [8, с. 33—42]. Таким образом, изучение исторической памяти киргизской молодежи в Томске играет важную роль для выявления факторов, определяющих идентификацию молодых людей из Киргизской Республики.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых нарративов исторической памяти молодых людей из Киргизии, проживающих в Томске, а также оценке их роли в восприятии современных политических кризисов и выстраивании собственных жизненных стратегий.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что в исторической памяти киргизской молодежи, приезжающей в Томск, сохраняются представления об общем историческом пути Киргизии и России. В данных представлениях Россия выступает в качестве неотъемлемого союзника в условиях пережитых кризисов.

Исследования, посвященные изучению различных форм и аспектов исторической памяти в Киргизской Республике, сфокусированы преимущественно на ее функциональности в рамках национальной политики с целью конструирования и поддержания идентичности населения республики [9, с. 131—148 ; 10]. Исследователи отмечают, что власти Киргизской Республики стремятся выстроить единую историческую парадигму, основанную на преемственности событий советского и постсоветского периодов [11, с. 303—316]. Отсутствие единой парадигмы восприятия значимых политических событий киргизским обществом приводит к тому, что население воспринимает подобные меры как попытку создания искусственной связи между событиями этих периодов.

Попытки осмысления мер по трансформации исторической памяти населения как части национальной политики Киргизии активно изучаются на примере проявления элементов коллективной памяти в восприятии Ошских событий 2010 г. [12, с. 25—54; 13, с. 204—221] Так, Э. Хэрроуэл [14, с. 203—225], демонстрируя взаимосвязь между памятью, пространством и идентичностью в постсоветской Киргизии на примере отражения Ошского конфликта через сравнительный анализ того, каким образом память об этих событиях инкорпорируется в пространство города «сверху» и стихийно («снизу»), утверждает, что, несмотря на общность образов, формируемых в рамках обоих подходов, их навязывание «сверху» может усугубить существующие противоречия и привести к новым конфликтам. Подобные подходы эффективны в поддержании общенациональной идентичности, которая оценивается не всегда однозначно.

Изучение нарративов исторической памяти о социальных и политических конфликтах в истории Киргизской Республики проявляется не только в анализе их функций для современного государства, но и в определении места повседневного опыта в восприятии исторического прошлого, связанного прежде всего с советским периодом [15, с. 157—175; 16, с. 25—48; 17, с. 21—38]. В связи с этим формируется две ключевые точки зрения: с одной стороны, подчеркивается, что под влиянием текущих социальных потрясений актуализируются знания и представления о прошлом как реакция и поиск ответов на текущие вызовы [18, с. 265—276], с другой стороны, представляется, что социальные потрясения, которые проживает киргизское общество после обретения независимости, становятся триггером, запускающим трансформацию коллективной памяти, в результате чего происходит переосмысление исторического опыта как на индивидуальном, так и на коллективном уровне [19, с. 192—213].

Важно отметить, что подавляющее большинство работ, посвященных анализу различных аспектов исторической памяти киргизов, фокусируется на внутрисполитической ситуации и роли этих процессов в рамках национальной политики страны. Некоторые работы расширяют рамки до изучения данных процессов в других центральноазиатских республиках, представляя их сравнительный анализ. В то же время практически отсутствуют исследования, в которых рассматривается историческая память киргизской диаспоры. В немногочисленных публикациях, затрагивающих данную проблему, акцентируется внимание на том, что в условиях миграции и пребывания в окружении большинства историческая память актуализируется как механизм поддержания собственной идентичности и связей с родиной [20, с. 1—16]. Однако эта тема в имеющихся публикациях упоминается как данность и фактически не проблематизируется, за исключением исследования J. Wang, которое посвящено анализу роли исторической памяти киргизской диаспоры в Китае в формировании транснациональных связей в Азии в контексте мусульманского пространства [21, с. 1—18].

Таким образом, представленные модели формируют идеи и концепты, которые позволяют выстроить единое методологическое поле, отражающее реалии изучаемого объекта с учетом главной задачи исследования — выявления нарративов исторической памяти представителей киргизской диаспоры Томской области о кризисах XX—XXI вв. С одной стороны, специфика изучаемой проблемы, с другой — отсутствие единого понимания исторической памяти как исследовательской темы при существующем многообразии подходов требуют разработки концептуального дизайна исследования, включающего комплекс идей и методик анализа.

В своем исследовании мы обращаемся к нескольким ключевым идеям, которые разработаны как в классических, так и в новых исследованиях исторической памяти. Прежде всего мы опираемся на фундаментальные наработки М. Хальбвакса [22], который подчеркивал, что конструирование

исторической памяти происходит на основе общепринятых и социально разделяемых норм и ценностей. Они, в свою очередь, устанавливаются в результате коммуникативных взаимодействий. Особую роль в этом процессе играют семья и семейная история, которые позволяют реконструировать те или иные исторические события во взаимосвязи с настоящим, сближая «письменную историю» с «прожитой историей» [22].

Не менее важным для нашего исследования представляется концепт «коммуникативной памяти», разработанный Я. Ассманом [23, с. 125—133] и А. Ассман [24]. Данный концепт фокусируется на относительно недавних событиях истории, которые позволяют рассматривать собственные воспоминания и личный опыт информантов как часть формируемой исторической памяти о событиях конца XX — начала XXI в. Данная идея подчеркивает гибкость формируемых представлений, которые могут существенно трансформироваться с течением времени и встроиться в уже устоявшиеся нарративы, которые исследователи обозначили как «культурная память» [24]. Данная методологическая схема объясняет, каким образом соотносятся два типа памяти и каким образом их соотношение трансформируется в «коллективный опыт» и определяет идентичность его носителей. Наконец, не менее важным представляется подход, который формируется в рамках транснационального поворота в *memory studies* [25, с. 166—194]. Объяснительная ценность данных концепций позволяет учитывать в анализе особенности производства образов и представлений об истории в рамках диаспоральных сообществ, которые часто обращаются к исторической памяти с целью сохранения собственной идентичности в условиях пребывания в «другом» обществе, в то же время трансформируя собственные представления под влиянием коммуникации с принимающей средой. Кроме того, это позволяет сфокусироваться на репрезентациях событий XX в., которые, с одной стороны, тесно связаны с национальными особенностями истории Киргизии, с другой — отсылают к общему с Россией советскому прошлому.

Эмпирическую базу исследования составляет 15 полуформализованных интервью с молодыми людьми, приехавшими из Киргизской Республики в Томск в возрасте от 18 до 23 лет. Данные исследовательские интервью проводились с юношами и девушками из Киргизии, которые в данный момент являются студентами разных факультетов и институтов Томского государственного университета. Критерием отбора участников исследования была их этническая принадлежность. Каждый из информантов называл себя этническим киргизом. Поиск собеседников осуществлялся посредством метода «снежного кома», что, на наш взгляд, является наиболее успешной формой в рамках проведенного исследования. Наши собеседники активно делились контактами своих соседей по общежитию или друзей, которые также являлись студентами-киргизами.

Вопросы интервью были направлены на выявление опыта респондентов в изучении истории Киргизии и отношения к ее событиям, на определение восприятия значения исторического контекста для самоидентификации, а также на выявление представлений о социальных и политических кризисах XX—XXI вв. (восстание 1916 г., Гражданская война, межнациональный конфликт на юге Киргизии 1990 г., распад СССР; Апрельская революция 2010 г., а также политический кризис 2022—2023 гг.) и их месте в истории республики.

Большинство участников исследования были выходцами из северной части Киргизии. На данный момент у нас нет готового ответа, почему жители именно этого региона выбирают Томск в качестве места, где они готовы продолжить свое образование. Можем лишь предположить, что на данное явление влияет географическая близость Северной Киргизии к Сибири, активная работа Томского государственного университета по привлечению

студентов в Бишкеке, а также давняя крепкая историческая связь этой части республики с Россией (включая периоды Российской империи и СССР). Однако мы считаем крайне важным упомянуть данный факт в рамках описания информантов, с которыми проводились интервью, так как это могло влиять на характер ответов участников исследования и на те выводы, к которым мы пришли.

Гайд интервью можно разделить на два больших блока. Первый блок был связан с вопросами, которые относятся к источнику знаний об истории своей страны, школьной истории и ее восприятию информантами, а также отношению собеседников к истории Киргизии, ее знаковым личностям и ключевым событиям, повлиявшим на современных киргизов. Вопросы данного блока носили дискуссионный характер и вызывали в ходе беседы самостоятельное повествование и рефлекссию информантов. Вопросы же второго блока, который, скорее, можно назвать экспертным, были направлены на знание конкретных исторических событий XX столетия, выделенных нами в качестве поворотных или кризисных для республики. Ответы на эти вопросы почти всех собеседников носили отрывочный характер, информанты путали даты и время, события и исторические личности. Такой формат ответов вызывал у собеседников чувство стыда и вины от незнания истории своей страны, что явилось причиной дальнейшего отказа от повествования и нарушения (разрушения) ранее выстроенных в процессе интервью эмпатических связей (которые приходилось выстраивать вновь, утешая информантов и сопереживая им). На наш взгляд, эти важные, возникшие в ходе полевой работы ограничения должны быть упомянуты и описаны нами в данной статье.

Не допустить ошибок прошлого: формирование и трансформация исторической памяти киргизской молодежи

Формирование представлений молодежи об истории своей страны как части мировоззренческих установок начинается со школы. Рассматривая вслед за М. Хальбваксом историческую память как механизм воспроизводства социокультурных установок общества, обеспечивающих инкорпорацию молодых поколений в рамках поликультурного пространства [22, с. 37], мы особое внимание уделяем тому, какое влияние изучение истории Киргизии в школе, представляющей важнейший институт социализации, оказывает на восприятие событий, сопряженных с кризисами и конфликтами.

Важность знания истории своей страны большинством участников исследования объясняется через формулу *Historia magistra vitae*. Наши собеседники отмечали, что знание истории не позволяет повторять ошибок прошлого, делает тебя человеком, который может критически относиться к тем или иным событиям, людям и явлениям, происходящим в твоей жизни. Помимо этого, была актуальна и позиция, связанная с поиском себя и своего места в мире. По утверждениям информантов, знание истории своего народа помогает в самоидентификации, включая этническую и культурную самоидентификации.

Воспоминания о школьных уроках истории Киргизской Республики вызывают у студентов положительные эмоции и даже чувство ностальгии, несмотря на сложности, возникавшие в учебном процессе. Некоторые молодые люди подчеркивали, что именно благодаря данному предмету или учителю они приняли решение и смогли поступить в университет в России: *«Я учил ее (историю Киргизии. — Авт.) в школе. У нас учительница была из Казахстана. Она преподавала нам историю Кыргызстана, а также заставляла учить историю России, так как говорила, что она вам понадобится. Вы поступите в Россию».*

При этом декларирование знания истории киргизов и Киргизии в мыслях информантов спокойно соседствует с отсутствием интереса к этой истории.

Ряд собеседников отмечали, что история их страны не интересна и сводится лишь к постоянному противостоянию и вражде между отдельными племенами и кланами. История России или США им видится более привлекательной, некоторые из информантов в свободное время обращались к изучению истории именно этих государств. В данный момент студенты из Киргизской Республики в российских вузах изучают историю России. Для некоторых участников исследования это является возможностью восполнить те пробелы и удовлетворить те образовательные запросы, которые возникли в рамках школьного курса истории: *«Сейчас в университете мы изучаем историю России, в данный момент интересна прежде всего история России. Сейчас еще добавился интересный курс „Основы российской государственности“. Очень интересно, как Россия развивалась».*

Школьные уроки истории оцениваются респондентами не как основной источник исторического знания, а, скорее, как процесс усвоения национальных и общегражданских ценностей. В этом процессе определяющую роль играет фигура учителя истории, который, с одной стороны, определяет учебный процесс, с другой — выполняет воспитательную функцию, которая состоит в обосновании значения исторического знания для учеников: *«Относительно истории Кыргызстана, я учил ее только в школе, но, можно сказать, углубленно изучал, так как она (учительница. — Авт.) была строгая. Она была не как рядовые учительницы — базовый материал... Она прям углубленно спрашивала... <...> Она говорила, что историю надо учить всем без исключения и понимать ее. Не просто зубрить ее, а именно понимать, чтобы не повторить ошибки в будущем».*

Сама фигура школьного учителя истории большинством респондентов воспринимается исключительно положительно, учитель не влиял на негативное (скучное) восприятие истории своего народа. Однако в контексте школьного образования и оценки роли учителя большинство участников исследования отмечают, что наиболее ярко преподаваемое и часто упоминаемое время в истории Киргизии связано с советским периодом. Поэтому, по мнению информантов, наиболее полное знание истории своего государства относится к тому времени, когда Киргизия была частью СССР. Некоторые наши собеседники считают распад Советского Союза травмирующим опытом для киргизской государственности и идентичности. Эволюционная парадигма истории киргизов в период СССР видится информантам расцветом их народа, а распад общего государства воспринимается в контексте упадка: *«Лучше бы перестройка не начиналась, потому что возникло множество межнациональных конфликтов. Лучше бы была единая страна».*

«Кыргызы до этого скакали по горам, и все. У нас были глиняные дома, из сена вперемешку. Вот эти юрты. И вот в принципе СССР вторгся, точнее там были некоторые политические делишки, и появилась Киргизская ССР. И началось строительство. У нас до сих пор стоят советские здания, они до сих пор используются. Не знаю, как бы выглядел сейчас Кыргызстан без вмешательства СССР. Я не знаю даже».

«Со времен распада союза всем странам было тяжело, потому что каждая страна друг друга чем-то дополняла, кто-то сырьем, кто-то техникой, поэтому после распада всем было трудно очень. Кризис там был».

«СССР пришел, очень помог Кыргызстану, потому что наш народ любил <...> наш народ очень кочевой народ. Когда пришел СССР, у нас в Кыргызстане много чего изменилось, потому что учеба и грамотность, особенно у нас грамотность. Половина людей с Кыргызстана никто не умел читать что-то и считать, вот СССР, после СССР у нас грамотность очень повысилась».

Можно отметить, что причины политических кризисов и потрясений, переживаемых Киргизской Республикой в начале текущего столетия, в представлениях молодежи имеют явную причинно-следственную связь с распа-

дом СССР, но не с противоречиями советской политики в данном регионе. Важную роль в восприятии этих процессов играют представления старших родственников, транслирующих ностальгические воспоминания и позитивный опыт жизни в составе СССР. Их наложение на дальнейшие политические кризисы, происходящие уже на глазах у нынешнего поколения, сказывается на сопоставлении настоящего с недавним прошлым и формирует прямую взаимосвязь, в частности с событиями 2010 г.: *«Многие люди, кого спрашиваешь, все бы отдали, чтобы Советский Союз восстановить. Ну, все, кто жил в то время. Я сам не знаю, как в то время жилось. Я могу смотреть фильмы или слушать рассказы... Я не могу знать, как это было. Но судя по их рассказам, было очень хорошо. Вот».*

В рассуждениях о ходе перемен и последствиях распада СССР для Киргизии у студентов достаточно ярко проявляются положительные оценки советского периода истории. В связи с этим выход из состава Советского Союза и обретение независимости рассматривается молодыми людьми как национальная трагедия. С одной стороны, это связано с последовавшими за этими процессами кризисом и социально-политической нестабильностью. С другой стороны, именно эти события, по мнению большинства респондентов, послужили началом тяжелого периода в истории существования республики: *«Я это не считаю важным моментом, потому что особо ничего и не изменилось. Хоть и страна получила независимость, но там... Как бы сказать... Лучшие бы уж мы оставались в составе Советского Союза или как-то с Россией более тесно сотрудничали, чем сейчас происходит. <...> Мы получили только название отдельного государства и другую валюту, другой флаг. Все. А так, ничего хорошего из этого не вышло».*

Однако ностальгически воспринимается не только советский период истории Киргизии, но и имперский. Участники исследования в контексте «имперского сознания» отмечают, что падение Российской империи является травмирующим историческим событием, так как были потеряны значительные территории: *«В ходе Гражданской войны и Первой мировой войны было потеряно много территорий Российской империи, это трагедия».*

Следует отметить, что нарративы о событиях, которые происходили до формирования Советского Союза, отличаются скудными подробностями и практически никак не соотносятся с настоящим. Как объясняют сами респонденты, к этому периоду проявляется меньше интереса со стороны молодых людей: *«Это глупо — пытаться вешать грехи отцов на детей и потом пытаться с них спрашивать это. Я считаю это глупо. Это мифические дни как бы уже... <...> Уже не имеет смысла то, что было раньше».*

Помимо этого, указанный исторический период актуализируется участниками исследования в вопросах, связанных с историческими личностями, повлиявшими на историю современной Киргизии. Особое внимание информанты уделяют фигуре и деятельности Курманжан датки. Судя по характеру ответов наших собеседников, в значительной мере на актуализацию данной исторической личности повлиял вышедший в прокат в 2014 г. художественный фильм «Курманжан датка. Королева гор» режиссера Садыка Жер-Нияза. Время выхода в прокат и демонстрации фильма в рамках образовательных практик школьными учителями совпадает с периодом получения информантами школьного образования. Данный факт может являться объяснением того, почему именно Курманжан датка — наиболее влиятельная фигура для нынешнего поколения. В рамках имперского периода собеседниками отмечалась и роль племени Бугу, которое в 1855 г. приняло российское подданство. По мнению информантов, данное историческое событие (наравне с вхождением в состав СССР) позволило сохранить киргизскую национальность: *«...Российское подданство позволило перейти от кочевого образа жизни к оседлому. Благодаря вхождению в состав империи племени Бугу удалось сохранить свою национальность».*

Досоветский период также рассматривался участниками исследования в контексте героического эпоса «Манас», знания о котором в большей мере информанты получали не на уроках истории, а на уроках киргизской литературы (Кыргыз адабияты). При этом для большинства собеседников Манас все же является исторической личностью, в значительной мере повлиявшей на личную мотивацию и патриотизм: *«Манас является наиболее важным в истории Кыргызстана. Эпос «Манас» — начало истории. Манас — мотивация, наш предок, у него много достижений, защищал свою родину от разных врагов, я горжусь своей страной, потому что мой предок Манас»*. В список достижений в рамках истории Киргизской Республики некоторыми собеседниками также выносятся период «Кыргызского великодержавия». Данный исторический отрезок воспринимается как время первой государственности киргизов, вызывающее чувство гордости за свою родину: *«Кыргызское великодержавие очень важно, т. к. появилось первое государство кыргызов»*.

Период независимой Киргизии у собеседников тесно связан с революциями, происходящими в стране, а также с фигурой бывшего президента республики К. С. Бакиева, который для большинства участников исследования является антигероем. При К. С. Бакиеве, по мнению информантов, был наиболее высокий уровень коррупции, а также клановая внутриполитическая борьба, мешавшая развитию независимой Киргизии. Все это привело к «апрельской революции» 2010 г., о которой что-либо знают абсолютно все участники исследования: *«Кыргызы любят делиться на племена, если один клан наверху, то начинается борьба. Грустно, что такая ситуация в Кыргызстане, так как можно компетентного человека поставить, а становится чей-то родственник»*.

О событиях февраля 2022 г. участники исследования говорят отстраненно и с осторожностью. Они отмечают, что введение российских войск в Украину никак не повлияло на их образование в России. В контексте кризиса о данных событиях никто из информантов не говорит. Скорее, об этом говорится в контексте ограничений, прежде всего экономических: рост курса валют, повышение цен на продукты питания и жилье. Помимо этого, каждый из собеседников выделил проблему наплыва русскоязычных релокантов в Киргизскую Республику как после начала специальной военной операции, так и после объявления в России частичной мобилизации в сентябре 2022 г. По мнению информантов, в Киргизии в связи с этим возникло два сообщества «русских»: 1) «свои», изначально проживавшие в Киргизии и 2) «чужие», или «приезжие», которые в значительной степени отличаются от русскоязычных местных жителей своими культурными и социальными паттернами. Данная ситуация актуализирует межнациональную напряженность, которая проявляется в языковой и этнической дискриминации «чужих русских».

Переосмысление истории: структура исторической памяти образовательных мигрантов из Киргизской Республики

Анализ результатов полевого исследования демонстрирует, что основное место в исторической памяти томских студентов из Киргизской Республики занимают нарративы о советском периоде истории республики. С одной стороны, восприятие и оценка роли СССР в истории Киргизии зиждется на историческом знании, полученном в рамках школьного образования, и его интерпретациях учителями, которые, по словам респондентов, фокусируют учеников на изучении именно этого периода. Такой подход фактически отражает официальную позицию республики в отношении к собственному прошлому. Несмотря на ориентацию руководства страны после обретения независимости на поиск оснований, укореняющих национальную идентичность населения, и политику этнического национализма [26, с. 73—75], по-

литика памяти в Киргизии сохраняет неразрывную связь с советским прошлым, что проявляется в сохранении традиции празднования общегосударственных праздников, установленных еще в советское время, а также в заявлениях первых лиц государства о роли России в истории страны [27, с. 92—107]. С другой стороны, все еще сильны представления о пережитом прошлом старшего поколения и близких родственников, а также их описания, которые транслируют собственное восприятие пережитых событий на молодежь. В такой конфигурации «письменная история» органично сочетается с «пережитой историей» и определяет собственный опыт проживания и оценивания кризисов текущего столетия.

В свою очередь, поиск нациеобразующих основ киргизского общества приводит к актуализации в исторической памяти нарративов о процессах формирования ранних форм киргизской государственности и этнической идентичности. Представления об этих процессах занимают значимое, но не доминирующее место в структуре исторических знаний молодого поколения: оценка событий, связанных с объединением племен, формированием «кыргызского великодержавия», подвигов Манаса и других явлений — все это интерпретируется информантами как важная часть истории, которая в то же время напрямую не соотносится ни с существованием Киргизии в составе Российской империи, ни с текущими политическими процессами. Таким образом, можно констатировать, что в структуре исторической памяти существует разрыв между эпохой зарождения киргизского государства и периодом, ассоциированным с влиянием Российской империи и Советского Союза. Этот разрыв обуславливает отсутствие интереса со стороны молодого поколения, которое воспринимает эти процессы как исторические артефакты, укорененные в культурных паттернах, но не социальной реальности. Возможно, данное явление связано с тем, что активное «внедрение» этих событий в национальное самосознание киргизов на официальном уровне происходит механически: изобретаются традиции [28], поддерживающие идею консолидации и уникальности народа без четко выстроенной системы, в которой происходила бы не только трансляция значимости этих событий, но и объяснялось бы, почему они важны и как встроены в современный этап развития киргизской государственности.

Тем не менее это не приводит к формированию каких-либо противоречий или нарушению логики в восприятии различных исторических периодов, скорее определяет иерархию представлений о культурном наследии своего народа, которые играют важную роль в процессе самоидентификации молодых людей.

Важно отметить, что в этой иерархии центрообразующую роль играют представления о советском прошлом республики, которое легитимизирует понимание советского периода как пути совместного исторического развития Киргизской Республики и России. Действия СССР в отношении киргизского государства оцениваются студентами как политика развития, которая способствовала росту благосостояния республики и ее населения. Подобное восприятие советского прошлого воспроизводится в рассуждениях о последствиях распада СССР для Киргизии и нарративах ностальгии, которые апеллируют к опыту родителей и старших родственников респондентов. Таким образом, история существования Киргизской Республики в составе Советского Союза представляет собой ядро системы исторического знания молодого поколения киргизов, вокруг которого формируются и производятся представления и оценки дальнейших социально-политических событий и кризисов, переживаемых Киргизией.

Наиболее явная взаимосвязь указанных событий фиксируется с восприятием нового этапа в существовании Киргизского государства. Нам представляется, что устойчивые ассоциации с советским прошлым и сохранением ностальгии у старших поколений объясняют, почему обретение незави-

симости оценивается как одно из нежелательных последствий распада СССР, а не как фактор укрепления национального самосознания. Это событие — не предмет выбора и волеизъявления народа, а вынужденная мера, которая была сопряжена не только с политическим, но и социально-экономическим кризисом, по мнению информантов. В результате проекция этих событий на последующие процессы приводит к усилению и укреплению нарративов о роли России в истории развития Киргизской Республики.

Таким образом, восприятие России как страны-лидера на постсоветском пространстве, с одной стороны, коренится в исторической памяти молодых поколений о совместном прошлом двух стран как общем пути исторического развития, с другой — определяет жизненные траектории молодых людей, приехавших учиться в Россию. Киргизские студенты рассматривают миграцию и учебу в российских вузах как основу для выстраивания собственного будущего, оценивая высокий уровень российского образования, возможности российского рынка труда, отсутствие социокультурных барьеров в силу знания русского языка и общей истории. Отношение к России как стране возможностей, которая на протяжении многих лет способствовала развитию Киргизской Республики, конституирует представления о миграции в страну не только как о выстраивании личностной траектории, но и как стремление сократить политически обусловленный разрыв, образовавшийся в результате распада Советского Союза.

Важно отметить, как проявляются эти тенденции в интерпретации социально-политических потрясений современной Киргизии, причины которых большинство информантов рассматривают как прямое следствие описанных выше процессов. Восприятие современной истории Киргизской Республики выстраивается на представлениях о национальной трагедии, которая связана с социально-экономическими проблемами (рост цен, снижение уровня жизни, безработица, проблемы в социальном обеспечении, образовании и здравоохранении) и политической нестабильностью. Ответственность за эти проблемы возлагается на руководство республики, которое неспособно выработать эффективные механизмы модернизации страны. Это еще один фактор, актуализирующий обращение к советскому опыту: *«Если бы не это, то наша страна была бы как Монголия, можно сказать: один город и все. А так... много городов, туризм развит... Ну, промышленность, конечно, не развита. Да там вообще ничего не развито... так как люди воруют, им без разницы — своровать и уйти. <...> А вот в Советском Союзе даже если такое и было, то не в таких масштабах, как это у нас сейчас делается».*

В этих условиях респонденты фиксируют расхождение политического сознания элиты и новой реальности, в которой отсутствуют контролирующие механизмы, созданные СССР, ограничивающие коррупцию, клановость, распределение бюджетных средств и т. д. В этих условиях только общество может взять на себя ответственность за трансформацию существующей системы. Иными словами, революции, пережитые Киргизией, проживаются и осмысливаются молодыми людьми через выстраивание причинно-следственных связей между недавним прошлым и новой политической реальностью. Таким образом, историческая память тесно взаимодействует с повседневным знанием, определяя отношение молодежи к истории и политике своей страны и мировоззренческие установки, которые, в свою очередь, влияют на выбор образовательных траекторий, ориентированных на получение образования в России.

Примечательно, что сложная политическая обстановка, сформировавшаяся в феврале 2022 г. в России и на постсоветском пространстве, практически не изменила описанную конфигурацию исторических представлений и нарративов. Несмотря на нежелание погружаться в политический контекст, связанный с украинскими событиями, и отсутствие официальной по-

зиции Киргизской Республики по этому поводу, все участники исследования отмечают последствия для их родины. Прежде всего отмечается увеличение присутствия русского населения за счет усиления миграционных процессов, падение курса рубля и санкции. Первое актуализирует межнациональную повестку на отдельных территориях Киргизии, которая, как становится ясно из интервью, на самом деле связана с усилением нагрузки на экономику и инфраструктуру принимающих городов. Экономические же эффекты оказываются актуальны в связи с ухудшением экономической обстановки в России: в этих условиях миграция в страну оказывается менее экономически выгодной и сопряженной с увеличивающимися рисками для тех, кто планирует или уже переехал из Киргизии в Россию. Угроза санкций со стороны Запада рассматривается молодыми людьми как одна из проблем, по которой у Киргизии нет четко выраженной официальной позиции.

Однако в целом политические последствия этих событий никто из информантов не выделил, отмечая их опосредованное влияние на жизнь и на ситуацию в республике. В то же время некоторые из респондентов высказывали свои опасения, связанные с представлением об экономической уязвимости Киргизии перед другими крупными государствами, проявляющими интерес к Центрально-Азиатскому региону. Наиболее часто упоминалась обеспокоенность ослаблением российско-киргизского сотрудничества и усилением присутствия Китая в стране. Активное сотрудничество в формате продажи территорий Киргизии китайским инвесторам артикулировалось как еще один повод для критики текущего политического режима. Более того, усиление позиций Китая на финансовом, торговом, инвестиционном и других национальных рынках некоторые информанты расценивают как экспансию, которая если не представляет угрозу для страны в целом, то формирует рычаги давления, существенно ограничивающие возможности позиционирования Киргизской Республики на международной арене.

3 Заключение

Вопросы актуальности и значения исторического знания и памяти для современной жизни не только представляют собой управленческую задачу, но и являются частью жизни каждого человека. В своем исследовании мы хотели показать, каким образом конструируется историческая память молодого поколения и какую роль она играет в их жизни. В интервью со студентами Томского государственного университета из Киргизии можно наблюдать комбинацию нарративов о наиболее значимых исторических событиях, которые определяют их самоидентификацию, отношение к родине и стране, в которой они обучаются. Определяющую роль в формировании этого отношения играют представления об общем пути развития с Россией, который соотносится с историей Российской империи и Советского Союза. На них накладываются семейная история и личный опыт, который связан с политическими кризисами независимой Киргизии конца 1990 — начала 2000-х гг. Периферийную часть в этой структуре занимают нарративы о доимперском этапе исторического развития республики, который связан со становлением киргизской государственности. Эти события составляют основу восприятия молодыми людьми себя как части киргизского народа и носителей киргизской культуры, в то же время не имеют прямых взаимосвязей с интересующими их событиями и явлениями.

Соотношение компонентов исторической памяти молодежи основано на том, каким образом ее носители обращаются к историческому знанию, его инкорпорации в повседневное знание [29]. Это, в свою очередь, отражает характер самоидентификации молодых людей в контексте конструирования «воображаемого сообщества» [30] как исторически обусловленного консолидированного общества. В исследовании мы обнаружили, что для молодых людей из Киргизской Республики наиболее значимыми оказыва-

ются события, через призму которых возможно интерпретировать текущие кризисы и потрясения. Это не только формирует ситуацию стабильности в условиях хаоса, но и позволяет сформировать собственные траектории профессионального развития, в которых одной из наиболее предпочтительных оказывается получение образования в России.

Итак, с помощью данного исследования мы продемонстрировали, каким образом конструируется исторический фундамент для укрепления национальной идентичности в новом государстве. Поскольку молодое поколение является одним из важнейших носителей этих установок и ценностей, их изучение позволяет пролить свет на то, в каком контексте молодые люди рассматривают текущую политическую обстановку на постсоветском пространстве. Восприятие киргизской молодежью общего исторического пути развития Киргизии и России как одну из самых значимых страниц истории демонстрирует условия для выстраивания и поддержания кооперации и сотрудничества между государствами и усиления евразийской интеграции. В то же время ориентация молодых киргизов на Россию в выстраивании жизненных и профессиональных стратегий маркирует возможности и потенциал работы с их исторической памятью как инструмент мягкой силы [31, с. 54—73] и усиление позиций в Центрально-Азиатском регионе на фоне усиливающейся политической нестабильности в постсоветском пространстве.

Список источников

1. Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности // *Управленческое консультирование*. 2017. № 6. С. 40—46.
2. Bell D. S. A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, issue 1. P. 63—81.
3. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918—1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии / науч. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2018. 384 с.
4. Формирование социальной памяти молодежи государств — участников евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. Л. Вартанова, А. А. Черникова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21, № 3. С. 482—496.
5. Хлевнюк Д. Бернанд Гизен. Триумф и травма // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9, № 2. С. 112—117.
6. Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.12.2023).
7. Международная миграция // Федеральная служба государственной статистики по Томской области. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32175> (дата обращения: 15.12.2023).
8. Геворкян Г. Н. Особенности коллективной памяти современной армянской диаспоры Москвы // *Человек и культура*. 2020. № 3. С. 33—42.
9. Shukuralieva N. Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005 // *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe* / eds. B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand, E. Narvselius. Lund : Media-Tryck, Lund University, 2015. P. 131—148.
10. Artman V. M. The state and the sacred: memory, theology, and identity in Kyrgyzstan. Doctor Thesis. Kansas, 2016. 449 p.
11. Abashin S. Soviet Past and Memory policy in the countries of Central Asia // *Russland und/als Eurasien: Kulturelle Konfigurationen* / eds. Chr. Engel, B. Menzel. Berlin : Frank & Timme, 2018. P. 303—316.
12. Sahadeo J. History, memory and the quest for Conflict resolution in Southern Kyrgyzstan and Fergana Valley // *Interrogating illiberal peace in Eurasia. Critical perspectives of peace and conflict* / eds. C. Owen, Sh. Juraev, D. Levis, etc. N.Y. : Rowman & Littlefield International, 2018. P. 25—54.
13. McGlynn C. The tears of the mothers. Conflict and memory in comparison // *Troubles of the past? History, identity and collective memory in Northern Ireland* / eds. J. W. McAuley, M. Braniff, Gr. Spencer. Manchester : Manchester University Press, 2023. P. 204—221.
14. Harrowel E. From monuments to mahallas: contrasting memories in the urban landscape of Osh, Kyrgyzstan // *Social and Cultural Geography*. 2015. Vol. 16, issue 2. P. 203—225.

15. Ercilasun G. K. Remembered Traditions and Lifestyles of Soviet Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12, issue 1. P. 157—175.
16. Dadabaev T. Power, Social Life, and Public Memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12, issue 1. P. 25—48.
17. Dadabaev T. Recollecting the Soviet Past: Challenges of Data Collection on Everyday Life Experiences and Public Memory in Post-Soviet Central Asia // *Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life and Politics during the Soviet Era* / eds. T. Dadabaev, H. Komatsu. N. Y. : Pulgrave Macmillan, 2017. P. 21—38.
18. Hardenberg R. Collective, communicative and cultural memories: examples of local historiography from northern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2012. Vol. 31, issue 3. P. 265—276.
19. Caron-Diotte M., de la Sablonniere R., Sadykova N. The malleability of collective memories: One year after the Tulip Revolution in Kyrgyzstan // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61. P. 192—213.
20. Chekirova A. Social Media and Cross-Border Political Participation: A Case Study of Kyrgyz Migrants' Online Activism // *Social Sciences*. 2022. Vol. 11, issue 8. P. 1—16.
21. Wang J. Between merchant network and memory work: Islamic cosmopolitanism along the Silk Road // *Asian Anthropology*. 2021. Vol. 20, issue 1. P. 1—18.
22. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 244 p.
23. Assman J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // *New German Critique*. 1995. Vol. 65. P. 125—133.
24. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
25. Павловский А. Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в memory studies? // *Полития*. 2023. № 2 (109). С. 166—194.
26. Курныкин О. Ю. Феномен «множественной идентичности» в современном киргизском обществе // *Известия Алтайского государственного университета*. 2021. № 6 (122). С. 73—78.
27. Плотников Д. С. Изменения в политике памяти в государствах — союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2018. № 1. С. 92—107.
28. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm, Ranger T. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 320 p.
29. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. L. : Penguin Books, 1966. 249 p.
30. Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. N. Y. : Verso, 1991. 224 p.
31. Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // *Дискурс-Пи*. 2020. № 3 (40). С. 54—73.

References

1. Kovalev A.A. Evraziyskaya integratsiya kak primer sovremennogo integratsionnogo protsessa v usloviyakh nestabil'nosti [Eurasian integration as an example of the modern integration process in conditions of instability], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, 2017, no. 6, pp. 40-46.
2. Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity, *British Journal of Sociology*, 2003, vol. 54, issue 1, pp. 63-81.
3. Lysenko Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Stepnom krae i Turkestane (1918—1921 gg.) i otrazhenie dannykh sobytii v istoricheskoy pamyati naseleniya postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The Civil War in the Steppe Region and Turkestan (1918-1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia]*. Barnaul, Publ. Altayskogo universiteta, 2018, 384 p.
4. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu., Vartanova M.L., Chernikova A.A. Formirovanie sotsial'noy pamyati molodezhi gosudarstv — uchastnikov evraziyskoy integratsii [Formation of the social memory of the youth of the member states of the Eurasian integration], *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 482-496.
5. Khlevnyuk D. Bernand Gizen. Triumf i travma [Triumph and trauma], *Sotsiologicheskoe obozrenie [The Sociological Review]*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 112-117.
6. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 g. [All-Russian Population Census 2020], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed: 15.12.2023).
7. Mezhdunarodnaya migratsiya [International migration], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki po Tomskoy oblasti [Federal State Statistics Service for the Tomsk Region]*. Available at: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32175> (accessed: 15.12.2023).

8. Gevorkyan G.N. Osobennosti kollektivnoy pamyati sovremennoy armyanskoy diaspory Moskv [Features of the collective memory of the modern Armenian Diaspora in Moscow], *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*, 2020, no. 3, pp. 33-42.
9. Shukuralieva N. Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005, *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe*. Lund, Media-Tryck, Lund University, 2015, pp. 131-148.
10. Artman V.M. The state and the sacred: memory, theology, and identity in Kyrgyzstan. Doctor Thesis. Kansas, 2016, 449 p.
11. Abashin S. Soviet Past and Memory policy in the countries of Central Asia, *Russland und/als Eurasien: Kulturelle Konfigurationen*. Berlin, Frank & Timme, 2018, pp. 303-316.
12. Sahadeo J. History, memory and the quest for Conflict resolution in Southern Kyrgyzstan and Fergana Valley, *Interrogating illiberal peace in Eurasia. Critical perspectives of peace and conflict*. New York, Rowman & Littlefield International, 2018, pp. 25-54.
13. McGlynn C. The tears of the mothers. Conflict and memory in comparison, *Troubles of the past? History, identity and collective memory in Northern Ireland*. Manchester, Manchester University Press, 2023, pp. 204-221.
14. Harrowel E. From monuments to mahallas: contrasting memories in the urban landscape of Osh, Kyrgyzstan, *Social and Cultural Geography*, 2015, vol. 16, issue 2, pp. 203-225.
15. Ercilasun G.K. Remembered Traditions and Lifestyles of Soviet Kyrgyzstan, *Inner Asia*, 2010, vol. 12, issue 1, pp. 157-175.
16. Dadabaev T. Power, Social Life, and Public Memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan, *Inner Asia*, 2010, vol. 12, issue 1, pp. 25-48.
17. Dadabaev T. Recollecting the Soviet Past: Challenges of Data Collection on Everyday Life Experiences and Public Memory in Post-Soviet Central Asia, *Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life and Politics during the Soviet Era*. New York, Pulgrave Macmillan, 2017, pp. 21-38.
18. Hardenberg R. Collective, communicative and cultural memories: examples of local historiography from northern Kyrgyzstan, *Central Asian Survey*, 2012, vol. 31, issue 3, pp. 265-276.
19. Caron-Diotte M., de la Sablonniere R., Sadykova N. The malleability of collective memories: One year after the Tulip Revolution in Kyrgyzstan, *British Journal of Social Psychology*, 2022, vol. 61, pp. 192-213.
20. Chekirova A. Social Media and Cross-Border Political Participation: A Case Study of Kyrgyz Migrants' Online Activism, *Social Sciences*, 2022, vol. 11, issue 8, pp. 1-16.
21. Wang J. Between merchant network and memory work: Islamic cosmopolitanism along the Silk Road, *Asian Anthropology*, 2021, vol. 20, issue 1, pp. 1-18.
22. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago, The University of Chicago Press, 1992, 244 p.
23. Assman J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity, *New German Critique*, 1995, vol. 65, pp. 125-133.
24. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.
25. Pavlovskiy A.F. V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povорот v memory studies? [In search of global memory: Where does the transnational turn in memory studies lead?], *Politiya [Polity]*, 2023, no. 2 (109), pp. 166-194.
26. Kurnykin O.Yu. Fenomen "mnozhestvennoy identichnosti" v sovremennom kirgizskom obshchestve [The phenomenon of "multiple identity" in modern Kyrgyz society], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]*, 2021, no. 6 (122), pp. 73-78.
27. Plotnikov D.S. Izmeneniya v politike pamyati v gosudarstvakh — soyuznikakh Rossii na postsovetском prostranstve posle 2014 goda [Changes in memory policy in Russia's postsoviet allies after 2014], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Perm University. Series: Political Science]*, 2018, no. 1, pp. 92-107.
28. Hobsbawm E., Ranger T. (ed.) The Invention of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 320 p.
29. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London, Penguin Books, 1966, 249 p.
30. Anderson B. Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, Verso, 1991, 224 p.
31. Frants V.A. Potentsial myagkoy sily istoricheskoy pamyati vo vzaimnom sblizhenii zhiteley gosudarstv Tsentral'noy Azii i rossiyan [The potential of the soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian states and Russians], *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*, 2020, no. 3 (40), pp. 54-73.

Информация об авторах

Брязгина Диана Евгеньевна — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: br.diana21@gmail.com

Садырин Антон Алексеевич — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Information about the authors

Diana E. Bryazgina — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: br.diana21@gmail.com

Anton A. Sadyrin — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 108—111.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):108—111.

Культурно-образовательная адаптация мигрантов

Обзорная статья
УДК 323.1(571.12)(=35)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-108-111

Азербайджанская диаспора в России: историография вопроса

Айнур Ханлар кызы Войтович

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Российская Федерация, hazar22@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен обзор научной литературы, посвященной исследованиям культуры и истории азербайджанского народа, в том числе миграции азербайджанского населения. Отмечается актуальность научного осмысления современных проблем азербайджанской диаспоры в России.

Ключевые слова: Азербайджан, азербайджанцы, этнос, этнография, история, историография, миграция, диаспора, Тюменская область

Для цитирования: Войтович А. Х. Азербайджанская диаспора в России: историография вопроса // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 108—111. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-108-111.

Cultural and educational adaptation of migrants

Vojtovich A. Kh.
Review article

The Azerbaijani Diaspora in Russia: the historiography of the issue

Ainur Kh. Vojtovich

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russian Federation, hazar22@rambler.ru

Abstract. The article presents an overview of the scientific literature devoted to research on the culture and history of the Azerbaijani people, including migration, of the Azerbaijani population. The relevance of scientific understanding of the modern problems of the Azerbaijani diaspora in Russia is noted.

Keywords: Azerbaijan, Azerbaijanis, ethnos, ethnography, history, historiography, migration, diaspora, Tyumen region

For citation: Vojtovich A.Kh. The Azerbaijani Diaspora in Russia: the Historiography of the Issue. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):108—111. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-108-111.

Азербайджанская диаспора — одна из наиболее давних национальных диаспор, укоренившихся в России. Представители азербайджанского народа активно участвуют в экономической и культурной деятельности, образовании и медицине, работе правоохранительных и социальных органов и других отраслях. В связи с этим интерес для исследователей представляют история азербайджанского этноса, его численность и расселение азербайджанцев в России, а также их роль во всех областях жизнедеятельности государства. Дадим краткую характеристику работ, посвященных этим вопросам.

Азербайджанцы / [А. Мамедли, Э. Керимов, А. Балаев и др.] ; отв. ред.: А. Мамедли, Л. Т. Молочкова ; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Национальная академия наук Азербайджана, Институт археологии и этнографии. М. : Наука, 2017. 710 с. Серия «Народы и культуры».

Фундаментальная монография из серии «Народы и культуры» освещает исторический путь, этнографические характеристики азербайджанского народа. В книге рассмотрены характеристики историко-культурной среды народа (исторические зоны расселения, этнические группы, национальный язык и его задачи в межэтнических контактах, демография и антропология), основные периоды национальной истории и процессы этногенеза азербайджанского народа. Приведена информация о традиционных видах хозяйствования, освещаются семейные традиции и обряды, общественные институты. Отдельно даны общие обзорные данные об азербайджанских диаспорах за пределами Азербайджана.

Балаев А. Азербайджанцы: основные этапы становления нации в XIX—XX веках. М. : ФЛИНТА, 2020. 324 с.

Монография посвящена исследованию процессов формирования и развития азербайджанской нации в XIX—XX вв. Прослеживаются основные этапы становления азербайджанского этноса. Главная цель исследования — осмысление и освещение кардинальных социально-экономических и культурных перемен в конце XIX — начале XX в., приведших к формированию азербайджанской нации. Автор показывает, что современная азербайджанская нация является результатом не только объективных исторических процессов, но и целенаправленной деятельности представителей азербайджанской интеллигенции. В работе также рассматривается вопрос эволюции национальной идентичности азербайджанцев на протяжении XIX—XX вв.

Гейбуллаев Г. А. К этногенезу азербайджанцев. Баку : Элм, 1991. 552 с.

В монографии проанализирован вопрос этногенеза азербайджанского народа с древнейших времен до XII в., представлено современное положение проблемы. Приведена подробная этническая карта Азербайджана. Особое внимание уделено анализу формирования и развития азербайджанского языка. На основе данных ономастики автором предложена новая концепция происхождения азербайджанского этноса, утверждается главенствующая роль тюркоязычных народов в этом процессе в период с Античности до Средневековья.

Багиров Ф. Переселенческая политика царизма в Азербайджане, 1830—1914 гг. М. : Маросейка, 2009. 704 с.

Исследование посвящено политике переселения различных этнических групп Закавказья Российской империи в XIX — начале XX в. На основе архивных документальных материалов автор показывает историю появления русских крестьян в Закавказье, а также анализирует внутренние процессы переселения народов и национальных групп. Пристальное внимание уделено вопросу размещения азербайджанского, армянского и русского населения в азербайджанских уездах.

Пивовар Е. И. Российско-азербайджанские отношения, конец XX — начало XXI века : [монография]. М. : Kremlin Multimedia, 2012. 448 с.

Монография посвящена исследованию исторических документов, отражающих процесс формирования и развития партнерских отношений и межгосударственного сотрудничества Азербайджанской Республики и Российской Федерации на современном этапе. Отдельно акцентируется внимание на вопросе взаимодействия Азербайджана и России по проблемам Каспийского моря, а также сотрудничества России и Азербайджана в области бизнеса и социокультурных связей.

Сеидбейли М. Г. Азербайджанская диаспора в России: особенности и тенденции формирования и развития (1988—2010 гг.) / Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т истории им. А. А. Бакиханова. Баку : Şərq-Qərb, 2011. 575 с.

Монография посвящена анализу исследований феномена диаспоры. Автор проанализировал и представил практически все существующие на сегодняшний день научные точки зрения относительно термина «диаспора» и сформулировал данное понятие применительно к азербайджанской диаспоре. В частности, автор предлагает понимание феномена диаспоры через призму концепции этнокультурного самоопределения.

Мамедов Р. Г. Наши соотечественники в Тюменской области. Баку, 2007. 206 с.

В книге описаны биографии наиболее выдающихся представителей азербайджанской диаспоры Тюменской области: ученых, почетных нефтяниках, сотрудников правоохранительных органов, работников сфер образования и медицины. Также включены очерки о национально-культурных объединениях и общественных организациях азербайджанцев в городах Тюменской области.

Попков В. Д. Феномен этнических диаспор : монография. М. : ИНФРА-М, 2020. 276 с.

В монографии дан всесторонний обзор механизмов адаптации этнических, в том числе азербайджанских, мигрантов. Обзор азербайджанских диаспор построен на основе данных по Москве и Калуге. Особое внимание автор уделяет таким вопросам, как причины миграции из Азербайджана, типы мигрантов и их классификация на основе причин миграции, механизмы сплочения азербайджанских мигрантов и роль национально-культурных автономий в этом процессе, сохранность у мигрантов родного языка и национальных традиций в новых условиях, социально-экономические возможности диаспоры.

Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривосполитические и международные аспекты. М. : Науч. кн., 1999. 252 с.

В книге отражены результаты научных поисков и практической деятельности автора по вопросам диаспоральных отношений, в том числе с привлечением данных по азербайджанской диаспоре. Автор исследует историю и современное состояние крупных этнических диаспор, уделяя особое внимание положению диаспор в СНГ, и в первую очередь в России. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию феномена «диаспора», проанализирован потенциал и перспективы развития диаспор, проинтерпретирован опыт взаимодействия диаспор с государственными институтами и опыт государственного регулирования диаспоральных процессов.

Миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Казань, 14—15 марта 2014 г.) / под ред. Н. Г. Багаутдиновой, Е. В. Фахрутдиновой. Казань : Отечество, 2014. 376 с.

В представленных в сборнике материалах описаны миграции отдельных этнических коллективов (в том числе азербайджанцев). В целом заметно понимание авторами миграции как условия социального и экономического развития территорий проживания мигрантов. В отдельных работах исследованы вопросы правового сопровождения миграционных процессов и социально-бытовые аспекты трудовых мигрантов в новых условиях проживания.

Ализаде Г. А. Азербайджанская диаспора в современной России: основные общественные организации и направления их деятельности // Наука и инновации в XXI веке. 2017. Ч. 2. С. 318—321.

Автор рассматривает национально-культурные организации азербайджанцев в России. «Азербайджанская диаспора была создана, в первую

очередь, с целью адаптации азербайджанского народа к условиям принимающей страны и оказания содействия укреплению гражданского мира и межнационального согласия в России, интеграции азербайджанцев в правовое поле России, развитию сотрудничества России и Азербайджана в социальной, экономической и культурной сферах».

Мехдиева У. М. Роль азербайджанской диаспоры в развитии социокультурных связей между Россией и Азербайджаном (2003—2010 гг.) : дис. канд. ист. наук. М., 2015. 129 с.

Исследователь развивает тему культурного потенциала и влияния азербайджанской диаспоры не только в рамках своих национально-культурных организаций, но и в целом в общественном пространстве России. «Азербайджанская диаспора играет значимую роль в развитии гуманитарного сотрудничества между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией посредством налаживания связей в области науки, образования и культуры».

Новрузова Г. Т. Азербайджанцы — численность, динамика, размещение в Российской Федерации // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 1 (45). С. 24—31.

Статья посвящена непосредственно демографическим вопросам азербайджанских общин в России. «Представляя картину расселения и размещения азербайджанцев в России, с момента проведения всесоюзных переписей населения до известных нам итогов Всероссийской переписи 2002 года, можно сказать, что с развитием экономического потенциала каждого региона Российского государства... изменяется картина расселения азербайджанцев по экономическим районам Российской Федерации».

Проведенный историографический обзор позволяет отметить, что в большинстве работ акцент смещен на исследование истории, культуры и расселения азербайджанского народа. При этом недостаточно проработаны современные, в частности региональные, проблемы азербайджанской диаспоры. Научный анализ этих проблем актуален как с теоретической, так и с практической точек зрения. Его результаты могут быть полезны представителям органов власти и национально-культурных объединений в плане выстраивания национальной политики и организации национального просвещения с целью формирования толерантности и позитивных межнациональных отношений у граждан России.

Информация об авторе

Войтович Айну́р Ханла́р кызы — подполковник полиции, преподаватель, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: hazar22@rambler.ru

Information about the author

Ainur Kh. Vojtovich — Police Lieutenant Colonel, teacher, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russian Federation. E-mail: hazar22@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 02.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 02.05.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобров Иван Владимирович — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ivan.v.bobrov@gmail.com

Боброва Анастасия Сергеевна — преподаватель, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: bobrova-as@ranepa.ru

Брызгина Диана Евгеньевна — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: br.diana21@gmail.com

Войтович Айнур Ханлар кызы — подполковник полиции, преподаватель, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: hazar22@rambler.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Любченко Алиса Михайловна — студент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Мевнус Валерий Валериевич — магистрант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация. E-mail: vmevius@mail.ru

Садырин Антон Алексеевич — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Сигарев Андрей Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: sigarev-av@ranepa.ru

Смирнова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, научный сотрудник — руководитель отдела, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Омск, Российская Федерация. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

AUTHOR AFFILIATIONS

Ivan V. Bobrov — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ivan.v.bobrov@gmail.com

Anastasia S. Bobrova — Lecturer, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: bobrova-as@ranepa.ru

Diana E. Bryazgina — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: br.diana21@gmail.com

Ainur Kh. Vojtovich — Police Lieutenant Colonel, teacher, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russian Federation. E-mail: hazar22@rambler.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Alisa M. Lyubchenko — Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: alisalyubchenko777@gmail.com

Natalya M. Markdorf — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: markdorf-nm@ranepa.ru

Valeriy V. Mevius — Master's Student, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation. E-mail: vmevius@mail.ru

Anton A. Sadyrin — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Andrey V. Sigarev — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: sigarev-av@ranepa.ru

Tatyana B. Smirnova — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Research Associate — Head of the Department, Siberian Branch of the Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Omsk, Russian Federation. E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов)¹ (полностью);
— наименование организации (организаций)², ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png**.
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подписанные подписями. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисовочную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисовочная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутрискочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловозначения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavets L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.

Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.